

Карен Ильзе Хорн

СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВСЕ, ЧТО ВАМ НУЖНО ЗНАТЬ О НЕОЛИБЕРАЛИЗМЕ

Konrad
Adenauer
Stiftung

 Konrad
Adenauer
Stiftung

Карен Ильзе Хорн

**СОЦИАЛЬНОЕ
РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО
ВСЕ, ЧТО ВАМ НУЖНО ЗНАТЬ
О НЕОЛИБЕРАЛИЗМЕ**

Научные редакторы перевода:
С.И. Невский, Е.В. Романова

Москва
Издательство «ВЕСЬ МИР»
2017

УДК 330.342.146
ББК 65.01 (4Гем)
Х 79

Перевод выполнен по изданию:

Karen Ilse Horn. Die Soziale Marktwirtschaft. Alles, was Sie über den Neoliberalismus wissen sollten. 2. Auflage. Frankfurt am Main: Frankfurter Allgemeine Buch, 2014.

Фонд Конрада Аденауэра получил эксклюзивные права на издание книги на русском языке, сохранив оригинальный дизайн и название книги.

Данная книга является продолжением серии изданий Фонда, посвященных концепции социального рыночного хозяйства, начатой изданием:

Социальное рыночное хозяйство. Основоположники и классики.

М.: Издательство «Весь Мир», 2017.

Руководитель проекта издания серии
«Социальное рыночное хозяйство» – *Клаудиа Кроуфорд*

Перевод выполнен: *В.Е. Кузавлевым, М.С. Фирстовым*

Научные редакторы перевода:

к.э.н. С.И. Невский, к.э.н. Е.В. Романова

Frankfurter Allgemeine Buch

ISBN 978-5-7777-0693-5

© Frankfurt Societäts-Medien GmbH, 2014

© Перевод на русский язык –

Фонд Конрада Аденауэра в России, 2017 г.

Отпечатано в России

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	
Устранить недоразумение	9
I. НЕОЛИБЕРАЛИЗМ	17
1. Научный и политический проект	
Путешествие в 30-е годы XX века	19
2. Без свободы всё – ничто	
Основные постулаты неолиберализма и ордолиберализма	35
II. КОНКУРЕНТНЫЙ ПОРЯДОК	51
3. Всеобъемлющий «ордо»	
Универсальная система порядка Вальтера Ойкена	53
4. Все дело в ценах	
Конституирующие принципы конкурентного порядка	62
5. Где необходима помощь политики?	
Регулирующие принципы конкурентного порядка	87
III. СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО	101
6. «Соединить свободу рынка с социальным выравниванием». Примиряющая формула Альфреда Мюллер-Армака	103

7. Политический триумф	
От Людвиг Эрхарда до Вольфганга Шойбле	121
IV. РИСКИ И ВЫЗОВЫ	131
8. Ошибки, просчеты и ложные стимулы	
Риски социального рыночного хозяйства	
на каждом повороте	133
9. Вызовы будущего	
«Что касается мировой экономики,	
то вся она переплетена»	168
Заключение	
Воззвание	184
Список литературы	190
Указатель терминов	192
Список иллюстраций	195
Об авторе	196
Сведения об участниках подготовки данного издания	197

ПРЕДИСЛОВИЕ

С начала своей деятельности Фонд имени Конрада Аденауэра как в Германии, так и за рубежом большое внимание уделяет вопросам социального рыночного хозяйства, поскольку тема эта обладает непреходящей общественной значимостью. Мы убеждены, что экономическая и социальная система Германии может представлять интерес и для других стран. Наряду с докладами и публичными дискуссиями концепцию и принципы социального рыночного хозяйства помогают раскрыть прежде всего наши публикации. Поэтому бюро Фонда имени Конрада Аденауэра в Москве приняло решение представить русскоязычным читателям в этом трехтомнике основные положения концепции социального рыночного хозяйства, тексты классиков и актуальные статьи на эту тему.

В этом томе речь пойдет об основах и принципах социального рыночного хозяйства, о механизме действия данной экономической модели, о ее сильных сторонах и необходимых рамочных условиях. Автор доктор Карен Хорн наглядно демонстрирует, что социальное рыночное хозяйство представляет собой неолиберальную экономическую модель, основанную на ордолиберализме, в котором необходимым условием считается свобода рынка, а государство играет лишь регулирующую роль, проявляя необходимую сдержанность. Основными понятиями здесь являются свобода действий, равенство перед законом, свобода объединений, свобода передвижения и выбора профессии и частная собственность с полным правом ею распоряжаться.

Возможно, кто-то спросит, почему же модель тогда называется социальное рыночное хозяйство? Понятие «социальный» присутствует в названии, поскольку эта модель строится на социальной ответственности предпринимателей, включает в себя механизмы социального выравнивания и позволяет широким слоям населения участвовать

в экономическом развитии и распределении его плодов. Перечисленные принципы составляют основу германской экономической системы. Они обеспечили ФРГ благосостояние и социальный мир в течение десятилетий. Как ни динамичны процессы, происходящие в свободном рыночном хозяйстве, экономическая политика способна на них реагировать благодаря существующим правовым рамкам.

В уже вышедшем томе были опубликованы статьи первых теоретиков и классиков, о которых упоминает и Карен Хорн. Таким образом, оба тома прекрасно дополняют друг друга. Автор пишет понятно и увлекательно, доступно объясняя читателям основы и принципы социального рыночного хозяйства. При этом она критически анализирует развитие реальной германской экономической модели, демонстрируя таким образом связь теории и ее практического воплощения.

Карен Хорн — доктор экономики и публицист. Она преподает историю экономической науки в ряде германских университетов, является членом Совета директоров в Ассоциации академической сети по исследованию институциональной экономики и социальной философии (NOUS), пишет для разных научно-популярных газет и журналов по экономической тематике и является издателем некоторых научно-популярных книг по экономике.

Фонд имени Конрада Аденауэра благодарит госпожу Карен Хорн и издательство FAZ-Buch Verlag за разрешение на перевод и публикацию на русском языке и надеется, что книга вызовет большой читательский интерес.

Клаудиа Кроуфорд
Москва, 8 июля 2017 года

ВВЕДЕНИЕ

Устранить недоразумение

В 2008 году случившийся в США ипотечный кризис перерос в мировой финансовый кризис, напомнивший события 1929 года. Мировая экономика погрузилась в глубокую рецессию. Пропадали состояния, исчезали рабочие места, уничтожались жизненные пространства и перспективы. Кроме того, произошло то, чего никто не ожидал: в ведущихся с давних пор дебатах о противоречиях между силами рынка и государства, о либерализме и дирижизме маятник снова качнулся обратно. После краха социалистической системы американский политолог Френсис Фукуяма еще довольно оптимистично говорил о «конце истории», полагая, что вопрос о том, какая общественная система лучше, теперь решен раз и навсегда. Но не тут-то было.

После того как лопнул американский банк «Lehman Brothers», вызвав в сентябре 2008 года цепную реакцию на финансовых рынках, во всем мире стала стремительно угасать вера в успехи либерализации, достигнутые в предыдущие годы в результате многолетних усилий. Правительства самого разного толка восприняли эти события как повод для небывалого по масштабу вмешательства в экономику. По банковской сфере прокатилась волна национализации. Сложилась ситуация, когда политическое руководство могло бы снова крепче взять в руки бразды управления экономикой, не встречая при этом особых возражений, что было бы равносильно неожиданному возрождению этатизма. Казалось, что наступает закат эпохи свободной рыночной экономики.

Эти тенденции были обусловлены явной сменой настроений в обществе. Кризис резко подорвал позитивное отношение населения к рыночной экономике. Скепсис по отношению к государству, который в Германии и без того не был очень силен, сократился до минимума; снова развернулись фундаментальные дебаты об оптимальной

экономической системе. Как показал опрос, проведенный Алленсбахским институтом по изучению общественного мнения, после начала кризиса всего лишь 8% населения Германии считали, что государство слишком сильно вмешивается в экономику; тремя годами раньше так думали 28% граждан.

В такой атмосфере очень быстро возникло общее негативное отношение к силам рынка, которое в свое время метко описал австрийский экономист Йозеф Шумпетер (1883—1950): *«Капитализм защищается перед судьями, у которых в кармане уже лежит смертный приговор»*. Многочисленные представители политических и интеллектуальных кругов не жалели едких высказываний и злорадных комментариев, говоря о крахе мнимого заговора неолибералов, о том, что наконец-то настал давно предсказанный финал приватизации, дерегулирования, либерализации и глобализации. Тогдашний федеральный министр финансов Пеер Штайнбрюк (СДПГ) заявил, что *«не знающий меры капитализм... со всей его алчностью, пожирает в конечном счете самого себя»*, что *«капитализм, основанный на принципах безграничного либерализма, обанкротился»*. Комментаторы крупнейших немецких газет писали об *«утрате всякой веры в рациональность экономической политики»*, о том, что мы должны распрощаться с «неолиберальной идеологией», импортированной из Америки Джорджа У. Буша. Ведь она якобы устанавливает ложную, основанную на чисто экономических соображениях взаимосвязь между индивидом и глобализацией, которая ведет нас в царство разума и счастья.

Ностальгия по социальному рыночному хозяйству

Более трезвые комментаторы в этой ситуации выражали стремление к возврату социального рыночного хозяйства. Ведь именно на его принципах строилась знаменитая социально-экономическая концепция, которая позволила послевоенной Германии встать на ноги и привести страну в 1950-е годы к так называемому «экономическому чуду». Социальное рыночное хозяйство стало символом общественной гармонии и общеэкономического успеха. Оно стало настоящим немецким брендом. Англичанам в свое время пришлось объяснять, что такое «social market economy», так же как французам — что такое «économie sociale de marché».

В Германии же этот термин опирается на определенную традицию — хотя и обладает разными оттенками. Свойственная ему многогранность даже делает его, наверное, еще популярнее; своей живучестью — а он активно употребляется уже в течение шести с лишним

десятилетий — этот термин, возможно, обязан именно своей эластичности. Так, не всегда бывает понятно, что имеет в виду апологет социального рыночного хозяйства — нынешний реально существующий экономический строй Германии или же скорее отдаленный идеал, изначальную концепцию этого строя. Как бы то ни было, понятие «социальное рыночное хозяйство» столь же прочно связано с Федеративной Республикой Германия, как и самоназвание «Федеративная Республика» с нынешней Германией. Основной Закон — конституция Западной Германии 1949 года — заложил все необходимые основы для построения экономического строя в соответствии с концепцией социального рыночного хозяйства, хотя этот термин в конституции даже не упоминается; он также не исключает возможных отклонений от этой концепции при наличии соответствующей политической воли. Но в государственном договоре 1990 года об экономическом и валютном союзе Федеративной Республики и ГДР понятие «социальное рыночное хозяйство» было официально закреплено.

Может быть, концепции социального рыночного хозяйства был присущ несколько старомодный налет 50-х годов, периода послевоенного восстановления Германии, стиль Боннской республики. Эта концепция считалась не только слишком растяжимой, но и немного замшелой, теоретически устаревшей, по-настоящему представлявшей интерес разве что для историков-экономистов и историков экономических учений. Регулярно предпринимались — пусть и половинчатые — попытки модернизировать концепцию социального рыночного хозяйства. Но в условиях глубокой рецессии представители всех партий и идейных течений вновь взяли с полки старую концепцию. И, как ни странно, у нее нашлось множество почитателей. Конечно, вновь не обошлось без критики относительно растяжимости понятия. Его контуры действительно настолько нечетки, что оппортунисты растягивают его смысл в разные стороны как резиновую ленту. С точки зрения маркетинга такая растяжимость — это преимущество. Но в концептуальном плане, если растяжимость чрезмерна, то она становится недостатком. Итак, сколько же нужно рынка и сколько социальной поддержки? Само понятие четкого критерия соразмерности не содержит. Но чтобы сохранить для него хоть какую-то значимость, нельзя допустить, чтобы оно в какой-то момент лопнуло, словно резиновая лента.

После того как кризис был преодолен, публичная дискуссия возвела концепцию социального рыночного хозяйства в ранг проекта, альтернативного неолиберализму, эпоха которого якобы подошла к концу. Многолетним призывам к дерегулированию и приватизации, наивной вере в самоисцеляющие силы рынка и конфронтации

с безответственно холодным нравом безбрежного капитализма многие ученые противопоставили заново открытую концепцию социального рыночного хозяйства. И тем самым окончательно запутали эту научно-терминологическую проблему. Дело в том, что, противопоставляя две концепции, они упустили важнейший момент: концепция социального рыночного хозяйства — это нелиберальная концепция.

Социальное рыночное хозяйство как нелиберальная концепция

Социальное рыночное хозяйство — нелиберальная концепция? Эта новость кого-то, возможно, шокирует. Но на самом деле это никакая не новость. При этом социальное рыночное хозяйство вовсе не заслуживает негативных откликов со стороны тех, кто видит в нелиберализме только безответственность и холодный расчет. Напротив. Необходимо заново открыть для себя суть нелиберализма — во всех аспектах его развития, в его многообразии и широте. Для этого придется покопаться немного глубже, не ограничиваясь уровнем идейных дискуссий на кухне. При этом надо отойти от слишком простого и ложного представления о том, что нелиберал — это неприятный человек, бессердечный, лишенный всякого чувства солидарности индивидуалист, для которого эффективность рынка важнее, чем душевная теплота, которую дает социальное государство. Сделав над собой такое усилие, начинаешь в конечном счете лучше понимать сущность совсем не устаревшей концепции социального рыночного хозяйства. Ведь ее теоретические корни уходят в традиции ордолиберализма, который представляет собой не что иное, как специфический немецкий вариант нелиберализма.

Более поздние, прежде всего англосаксонские ответвления в рамках широкого течения нелиберализма привели к тому, что ордолиберальное мышление немцев сегодня, наверное, уже нетипично для нелиберализма в целом. В него влились многие другие течения от учений когда-то доминировавшей Чикагской школы вплоть до идей либертарианцев и анархо-капиталистов. Но из этого не следует делать поспешный вывод о том, что ордолиберализм и нелиберализм, некогда бывшие теориями-близнецами, сегодня разведенные понятия. Это упрощенный и поэтому неверный взгляд на вещи, несправедливый прежде всего по отношению к нелибералам. Дело в том, что это идейное течение намного шире, чем зачастую представляется сегодня. Так что все предлагаемые сегодня варианты решений,

направленные на то, чтобы так подправить систему регулирования экономики, чтобы потрясения, подобные кризису 2008 года, больше не повторялись, абсолютно закономерно попадают в зону действия неолиберализма.

Можно, конечно, сказать, что сражение за соразмерное, исторически и содержательно верное использование термина «неолиберализм» давно проиграно, что попытка вновь переименовать словоупотребление, которое с течением времени сузилось и поэтому сильно исказилось, с самого начала обречена на провал, что искаженный популистами взгляд на неолиберализм уже никак не исправить. Но все-таки необходимо, чтобы как можно больше людей знали об этом искажении. Они должны знать, что все то, что многие сегодня огульно называют «брехнями неолибералов» — то есть полное отсутствие правил, слепую веру в то, что «рынок все урегулирует», — в политической философии попадает в категорию, которая составляет совсем незначительную и тем самым вовсе не репрезентативную часть современного неолиберализма, а именно в категорию анархо-капитализма — умозрительной утопии, предполагающей свободную от всякого принуждения самокоординацию экономики и общества. Эту экзотическую концепцию без всякого на то основания отождествляют с либерализмом вообще, все остальное предается забвению. Как, например, тот важный факт, что представители той школы, которая в 30-е годы XX века присвоила себе название «неолиберализм» и которая в Германии в течение многих лет в значительной мере определяла политику под вывеской ордолиберализма, выступали отнюдь не за упразднение всех правил, как некоторые «специалисты» сегодня пытаются убедить общественность.

Напротив, термином «неолиберализм» скорее обозначают общественно-научный и реально-политический проект, целью которого является разработка и практическое выстраивание упорядочивающих рамок для общества, позволяющих соединить друг с другом такие фундаментальные ценности, как свобода и справедливость, ответственность и солидарность — в том числе в экономике как важнейшей сфере человеческого общежития.

Оглянуться в историю – чтобы смотреть в будущее

Задача этой книги состоит, в частности, в том, чтобы объяснить смысл терминов. Поэтому в первой части под названием «Неолиберализм» еще раз излагается, как в свое время возникли неолиберализм и ордолиберализм и в чем состоят основные, до сих пор значимые аспек-

ты этой политической философии. В этом разделе, а также в последующих главах автор описывает историческую ситуацию и базовые учения — но не только. Сколь важным ни представлялся бы исторический фон, на первый план всегда в конечном счете выходят аргументы. Поскольку развитие теоретической базы не прекращалось после того, как были разработаны основы неоллиберализма, в изложение истории вплетаются также современные наработки и дополнения к прежней аргументации. То есть надо исходить из того, что исторический обзор отнюдь не означает приверженности автора к старым взглядам. Чтобы уверенно смотреть вперед, иногда бывает полезно оглянуться назад. Обзор прошлого не позволяет в то же время просто отмахнуться от исторических фактов. Его цель состоит в том, чтобы встроить новые тенденции в общее здание истории человеческого духа, что сегодня снова является чрезвычайно актуальной задачей.

Вторая часть книги посвящена прежде всего теории конкуренции, разработанной фрайбургским экономистом Вальтером Ойкеном, хотя термин «социальное рыночное хозяйство» предложил не он, а Альфред Мюллер-Армак. В исследованиях Ойкена о конкурентном порядке идеальный образец, лишь позже названный социальным рыночным хозяйством и получивший более широкое толкование, обоснован наиболее точно. Он сформулировал до сих пор непревзойденную по стройности систему «конституирующих» и «регулирующих принципов», которые следует соблюдать при выстраивании конкурентного порядка. В эту структуру вплетены также разъяснения, облегчающие понимание этих принципов, например к вопросу о том, зачем вообще нужны деньги, какую функцию имеет кредит, что значит «сбой рыночного механизма» и что следует понимать под «внешними эффектами».

Концепция социального рыночного хозяйства в том виде, в каком она сложилась в Германии после Второй мировой войны, является предметом третьей части книги. В четвертой части речь пойдет об основных рисках и вызовах, возникавших и возникающих на пути развития социального рыночного хозяйства. Тем не менее автор не претендует на полноту и всеохватность книги. Некоторые важные аспекты ввиду краткости издания рассматриваются лишь пунктирно или не рассматриваются вообще. Поэтому было необходимо расставить акценты, заново осветить, проанализировать и объяснить — с учетом поставленных целей — существенные, но порой малоизвестные или просто забытые на уровне публичной дискуссии аспекты социального рыночного хозяйства. При этом автор постаралась ясно очертить свою позицию в надежде на то, что ей иногда удастся немного встряхнуть, убедить и увлечь читателя.

Рынок нуждается в системе правил

Вера в то, что государству в социальном рыночном хозяйстве нет места, является заблуждением. На самом деле рыночная экономика нуждается в соответствующем рамочном порядке. Выстраивание и поддержание такого порядка, а также внедрение духа социального рыночного хозяйства в актуальные политические ответы на вызовы времени, которые каждый раз возникают по-новому, — вот в чем состоит первейшая задача любой ответственной экономической политики. Эта тема также рассматривается в книге.

Во всех главах также содержится общая информация об экономических процессах, институтах и перспективах развития Германии — это тоже одна из задач книги. При этом читателю придется преодолеть в себе некоторые скрытые предубеждения. Многие люди до сих пор немного побаиваются экономики, и кризис 2008/09 года, очевидно, только усилил эти опасения. Курт Тухольский в свое время иронично сформулировал это следующим образом: *«Национальная экономика — это когда люди удивляются, почему у них нет денег»*. И в этом он даже прав: экономика — вещь вполне обыденная. Каждый человек должен как-то хозяйствовать. Запасы денег, к сожалению, конечны: человек должен работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Так что экономика — это деятельность, в которой участвуют все, постоянно и, как правило, без долгих размышлений.

Экономика следует простым логичным законам. На обыденном уровне речь всегда идет о том, как отдельные люди, домохозяйства или предприятия могут достичь определенных целей наиболее экономичным путем, то есть расходуя минимальное количество средств. Если же взглянуть на эти вещи более глобально, то речь идет о том, как согласовать одно с другим. Как получается, что большинство потребностей людей в Германии удовлетворяются на очень приличном уровне? Как обществу, объединяющему более 80 миллионов граждан, удастся согласовывать внутри себя бесчисленные хозяйственные решения? Как вообще получается, что ту вещь, которую хочет купить один человек, другой человек действительно производит — без всяких указаний «сверху», без общественных дискуссий и принятия решений путем голосования? Как огромный механизм экономики приспосабливается к тому, что потребители постоянно меняют свои представления и предпочтения? Почему при этом не возникает постоянный хаос?

Чудесный механизм конкуренции

Подводя краткий итог, уже сейчас можно сказать: в рамках рыночной экономики общеэкономическое равновесие спроса и предложения обеспечивается благодаря колебаниям цен, которые стихийно складываются на основе конкуренции. Каждому гражданину и избирателю важно понимать, как этот механизм работает. Тот, кто не понимает, как благодаря механизму ценообразования происходит координация рынков, не будет иметь представления о том, какой возникает риск, когда этот механизм координации политическим решением попросту выключают, чтобы достичь каких-либо «внеэкономических целей» — например ради охраны окружающей среды. Такой подход затрудняет творческий поиск решений, отвлекает от размышлений о том, как можно иным способом согласовать одно с другим — экологию с экономикой.

Одна из существенных задач этой книги состоит в том, чтобы освободить читателя от страха перед неолиберализмом. Автор объясняет, что правильное понимание принципов неолиберализма всегда возвращает нас к социальному рыночному хозяйству — с кризисом или без кризиса. Но при этом — к изначальному, правильно понимаемому социальному рыночному хозяйству, которое, правда, немного отличается от того, что мы сегодня реально имеем в Германии. К социальному рыночному хозяйству, которое строится на ясных, проверенных временем, понятных, обоснованных принципах, которое не является всего лишь исключительно теоретической концепцией, а реально служит всеобщему благу. Ведь именно в этом и состоит суть неолиберализма.

I

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

1. НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Путешествие в 30-е годы XX века

Социальное рыночное хозяйство – это неолиберальная концепция? Серьезно? С какой стати? Разве это возможно? Чтобы обосновать это на первый взгляд непривычное и, возможно, даже кого-то шокирующее утверждение, необходима историческая ретроспектива, которая позволила бы вспомнить истинное содержание понятия «неолиберализм». Неолиберализм был не чем иным, как проектом, направленным на создание свода правил, которые позволили бы гармонично соединить друг с другом такие базовые ценности, как свобода, справедливость, ответственность и солидарность.

Ретроспектива возвращает нас в 30–40-е годы XX века. Неолиберализм возник в 1930-е годы, так же как и его немецкий вариант – ордолиберализм. Ордолиберальная концепция «социального рыночного хозяйства» – это, в свою очередь, продукт 1940-х годов.

Основные элементы концепции социального рыночного хозяйства, которое позже оказалось столь успешным в Германии, были разработаны во Фрайбурге. Поэтому говорят также о «фрайбургском императиве». Фрайбург был одним из мировых центров зарождения неолиберализма, другие центры находились в Лондоне, Чикаго и Вене. Первые фрайбургские наработки по теории социального рыночного хозяйства относятся еще ко временам Третьего рейха. Эти работы велись большей частью тайно, в тяжелых условиях, зачастую с большим риском для разработчиков и их семей. Ведущую роль здесь сыграла группа верующих ученых из Университе-

**Фрайбург
как колыбель
германского
неолиберализма**

та Альберта Людвига, которые были оппозиционно настроены по отношению к нацистскому режиму.

Знать специфику тогдашней ситуации важно по двум причинам. Во-первых, потому что давление, которое тогда испытывали вовлеченные в эту работу ученые, возможно, объясняет некоторые пробелы в теоретической концепции, так что к ним надо относиться с определенным пониманием. И во-вторых, потому что это объясняет, что речь тогда шла не об интеллектуальных упражнениях, не заслуживавших особого внимания, а о тщательно продуманных ответах на жизненно важные вопросы. Отважные люди рисковали жизнью, разрабатывая проекты будущего в интересах всего общества.

Фрайбургская школа и ордолиберализм

Основатели Фрайбургской школы

Самыми знаменитыми представителями Фрайбургской школы были экономист Вальтер Ойкен, а также правоведы Франц Бём и Ганс Гроссманн-Дёрт. Три основоположника Фрайбургской школы встретились в 1933–1934 годах, когда в зимнем семестре им пришлось проводить первый «экономико-правовой и экономико-политический вводный семинар для юристов и экономистов-теоретиков».

Моментом рождения Фрайбургской школы можно считать выход в 1937 году первого тома издававшегося ими альманаха «Порядок экономики» («*Ordnung der Wirtschaft*»). Под программным заголовком «Наша задача» три издателя заявляют, что *«хозяйственную конституцию необходимо воспринимать как всеобщее решение о порядке национальной экономической жизни»*, а потому *«правовой порядок следует понимать и формировать как хозяйственную конституцию»*.

К Фрайбургской школе относят также таких ученых, как Константин фон Дитце (Constantin von Dietze, 1891–1973), Карл Пауль Хензель (Karl Paul Hensel, 1907–1975), Адольф Лампе (Adolf Lampe, 1897–1948), Фридрих Август Лутц (Friedrich August Lutz, 1901–1975), Карл Фридрих Майер (Karl Friedrich Maier, 1905–1993), Фриц В. Майер (Fritz W. Meyer, 1907–1980) и Леонхард Микш (Leonhard Miksch, 1901–1950). Теоретиками ордолибе-

Основатели Фрайбургской школы

Вальтер Ойкен (Walter Eucken, 1891–1950) – сын работавшего в Йене филолога и лауреата Нобелевской премии по литературе Рудольфа Ойкена и его жены Ирены, художницы. В Киле, Бонне и Йене изучал историю, теорию государства, экономику и право. В 1913 году защитил диссертацию в Берлинском университете, в 1920 году получил степень доктора наук, защитив работу о круговороте азота в природе.

Первую профессорскую должность он получил в 1925 году в Тюбингене, в 1927 году был приглашен во Фрайбург, где прожил всю оставшуюся жизнь. Известность в научных кругах Ойкену, который начинал как представитель исторической школы национальной экономики, принесла разработка теории хозяйственного порядка. Подробно исследовав условия функционирования свободного социально-экономического строя, он заложил основы концепции социального рыночного хозяйства. Во Фрайбурге он сразу же вступил в оппозицию к тогдашнему ректору Фрайбургского университета философу Мартину Хайдеггеру, который поддерживал преследование евреев в академической среде. Жена Ойкена Эдит Эрдзик была еврейского происхождения. Ойкен во Фрайбурге входил в кружки, которые следует отнести к академическому сопротивлению и которые уже тогда готовили почву для послевоенного порядка. После войны Ойкен консультировал французские и американские оккупационные власти во Франции. Был одним из учредителей Общества «Мон Пелерин».

Франц Бём (Franz Böhm, 1895–1977) вырос в семье работавшего в Констанце адвоката, который позже стал министром культуры земли Баден. Он изучал право и теорию государства во Фрайбурге. Прослужив несколько лет референтом в антимонопольном департаменте министерства экономики в Берлине, Бём возвращается во Фрайбург, где защищает в 1932 году кандидатскую диссертацию, в 1933 году – докторскую. Его исследования

посвящены вопросам частноправового регулирования рыночной экономики и необходимости четкого разграничения уровня

регулирования и практической деятельности, правил игры и игровых ходов. Бём был женат на Мариетте Чекони, дочери писательницы Рикарды Хух. Выступления Бёма против дискриминации евреев стоили ему должности заведующего кафедрой во Фрайбурге. Он успел последовать приглашению в Йену, где должен был замещать профессорскую ставку, но из-за критических высказываний, направленных против режима, его лишили права преподавания в вузах. После войны он преподавал во Фрайбурге право, был избран проректором, но потом уехал во Франкфуртский университет. Был избран депутатом бундестага, консультировал политических деятелей, участвовал в работе научно-консультативного совета при Экономическом управлении Бизонии (американской и британской оккупационных зон), а затем при федеральном министре экономики. Как и его отец, он занимал какое-то время пост министра по делам образования и религии (в федеральной земле Гессен). С 1952 года возглавлял немецкую делегацию на переговорах о выплате компенсации государству Израиль и международным еврейским организациям. Бёма считают отцом немецкого антикартельного законодательства не только благодаря его научным работам в области исследования картелей. Именно он внес в ХДС в 1957 году компромиссное предложение, которое позволило принять закон против ограничений конкуренции, содержавший принципиальный запрет картельных сговоров, который до последнего момента был на грани провала.

Ганс Гроссманн-Дёрт (Hans Großmann-Doerth, 1894–1944) вырос в Гамбурге в семье директора морской обсерватории. Учился в Мюнхене и Гамбурге, защитил в 1923 году кандидатскую диссертацию по уголовному праву и затем работал судьей, пока в 1929 году не защитил докторскую диссертацию по правовым аспектам морской торговли. Преподавал сначала в Праге, а с 1933 года – во Фрайбурге, где заведовал кафедрой торгового, хозяйственного, трудового

и гражданского права. Гроссманн-Дёрт оставил след в юридической науке, обосновав различия между «самосозданным» и «государственным» правом, противопоставив друг другу стихийно сложившиеся соглашения между экономикой и обществом с одной стороны и нормы государственного регулирования с другой. Этот подход в какой-то мере напоминает размышления Фридриха Августа фон Хайека. В 1939 году Гроссманн-Дёрта призвали на военную службу. В чине командира полка он умер в 1944 году в лазарете в Кенигсберге после ранения, полученного на Восточном фронте.

рализма, работавшими вне Фрайбурга, были также Альфред Мюллер-Армак (Alfred Müller-Armack, 1901–1978), Вильгельм Рёпке (Wilhelm Röpke, 1899–1966) и Александр Рюстов (Alexander Rüstow, 1885–1963), хотя все же было бы точнее отнести последних к представителям социологического неолиберализма.

Очевидно несколько замысловатое слово «ордолиберализм», которое, кстати, вошло в обиход лишь в 50-е годы, должно было показать, что представителям этого идейного течения грезились отнюдь не беспорядочные дебри в экономике и обществе, а разумно, морально и целесообразно выстроенный порядок свободы, создающий основу для жизни в условиях ответственности и солидарности: их идеалом был всеобщий «ordo» — принцип, заимствованный из концепции средневековой схоластики. Словом «Ordo» Ойкен и Бём назвали также научный альманах, который они начали выпускать в 1948 году и который стал продолжением издававшейся совместно с Гроссманн-Дёртом серии публикаций «Порядок экономики». Этот альманах выходит и поныне — под названием «ОРДО — Ежегодник для упорядочения экономики и общества».

Согласно «фрайбургскому императиву», экономический, общественный и политический порядок логически взаимосвязаны друг с другом. Вальтер Ойкен говорил о «взаимозависимости порядков» в разных сферах жизни общества. Рыночная экономика — это логическое продолжение демократии и гражданского общества: она строится на принципах децентрализации, добровольности и отсутствия принуждения. *«Всеобщий порядок должен быть таким, чтобы он позволял людям жить в соответствии с этическими принципами»*, — писал Ойкен. Следует избегать любой концентрации власти — как на частном, так и на государственном уровне.

Чрезмерная власть государства — это всегда плохо, ведь тоталитарная плановая экономика, которая была характерна для национал-социализма, а позже для реального социализма ГДР, уводит людей на ложный путь. Она буквально заставляет их сознательно обходить законы, провоцирует на коррупцию и эксплуатацию других граждан. Что же касается ордолибералов, то они стремились к созданию системы, которая не вводила бы людей в такое искушение.

**Разумный,
моральный
и целесообразный
порядок свободы**

**Чрезмерная
власть
государства —
это всегда плохо**

Сопrotивление во «фрайбургских кружках»

«Сопrotивление некоторых представителей Фрайбургской школы нашло институциональное оформление в так называемых «фрайбургских кружках». Первый из них – «Фрайбургский собор» – был создан в 1938 году по инициативе К. фон Дитце и А. Лампе после Хрустальной ночи. В него входили как университетские профессора, так и представители обеих немецких церквей. Главными темами обсуждений были «проблемы власти, право на сопротивление, обязанность оказывать сопротивление и убийство тирана» <...>.

К «фрайбургским кружкам» относится также «Рабочая группа Эрвина фон Бекерата», хотя она была создана не во Фрайбурге. Ее плацдармом стал «Четвертый отдел Академии немецкого права» во главе с берлинским экономистом-теоретиком Йенсом Йессеном (1895–1944). В рамках «Четвертого отдела» образовалось несколько рабочих групп, в том числе «Рабочая группа политэкономии», которой руководил боннский экономист Эрвин фон Бекерат (1889–1964). Деятельность вышестоящей «Рабочей группы политэкономии» была прекращена в начале марта 1943 года, так как она «не отвечала условиям военной необходимости». Но дискуссии продолжались на частном уровне, причем Фрайбург стал центром этого рабочего сообщества. Сохранилось и было опубликовано более сорока рецензий и протоколов группы.

На основании запроса берлинского пастора Дитриха Бонхёффера (1906–1945) и по поручению «Временного руководства Исповедальной церкви» в 1942 году был основан «Фрайбургский кружок Бонхёффера». Он должен был разработать программный документ основанной на христианских принципах внешней и внутренней политики, который стал бы базой для дискуссий в ходе послевоенной всемирной конференции церквей. Этот документ, озаглавленный «Политический общественный порядок», содержал, в частности, теоретическую работу фон Дитце, Ойкена и Лампе под названием «Экономический и социальный порядок». Именно в ней был сформулирован ряд идей, ставших позднее основой ордолиберальной программы.

После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года часть этого документа попала в руки гестапо, что привело к аресту некоторых из его авторов, в том числе потому, что им было известно о планах переворота. Из фрайбуржцев были арестованы фон Дитце, Лампе, позже также историк Герхард Риттер (1888–1967). Ойкена долго и жестоко допрашивали. Дитце, Лампе и Риттера союзники позже освободили из тюрьмы в Берлине. Лампе вскоре умер от заболевания, полученного в заключении».

(Источник: Gerold Blümle, Nils Goldschmidt, Walter Eucken – Vordenker einer freiheitlichen Ordnung [Вальтер Ойкен – основоположник свободного порядка] / WISU-KOMPAKT, WISU 6/03, S. 749.)

Моральный подход фрайбуржцев особенно ярко проявился в Приложении 4 составленного под угрозой жизни манифеста «Кружка Бонхёффера», который, кстати, был так назван значительно позже. Авторами Приложения 4 под заголовком «Экономический и социальный порядок» были Константин фон Дитце, Вальтер Ойкен и Адольф Лампе.

Жить по десяти заповедям

Из меморандума «Кружка Бонхёффера»

«Наша работа посвящена прежде всего всеобщему порядку хозяйственной жизни... Насущная задача состоит в том, чтобы поставить социально-экономическую этику на христианскую основу <...>. Мы должны предложить экономический порядок, который <...> позволил бы оказать максимальное сопротивление власти греха <...> и систематически не мешал бы хозяйствующим субъектам жить жизнью евангелических христиан. <...> Заповеди Господа обращены не только к отдельным людям, которым они предписывают любовь к ближнему, труд на основе приличной профессии, уважение к чужой собственности, соблюдение правил честности и законопослушания в деловой жизни. Они относятся также к сообществам жизни и труда, к правилам порядка, который является их основой. Поэтому церковь тоже должна занять определенную позицию по отношению к экономическому порядку. <...> Она знает, что ни один экономический порядок не может освободить мир от власти зла, но должна требовать от любого экономического порядка, чтобы он служил целям сопротивления этой власти. <...> Экономический порядок должен быть направлен на то, чтобы не нарушалось исполнение первых трех заповедей... (Да не будет у тебя других богов перед лицом моим, не произноси имени Господа напрасно, помни день праздничный, чтобы святить его). Любой экономический порядок должен чтить пятую заповедь (не убивай). <...> Из седьмой (не укради), девятой (не желай жены ближнего твоего) и десятой (не желай имущества ближнего твоего) заповедей вытекает, что должна существовать экономика, в которой один хозяйствующий субъект может быть ближним для другого, то есть где возможно настоящее сообщество. Экономический порядок не должен быть направлен на то, чтобы отвлекать людей от соблюдения четвертой (почитай отца и мать твою) и шестой (не прелюбодействуй) заповедей, но скорее должен способствовать тому, чтобы сохранялись и укреплялись связи с естественными и создаваемыми сообществами, особенно с семьей и народом».

(Источник: Bonhoeffer-Kreis, 1979)

Для них главным ориентиром были: человеческое достоинство, личная свобода, межличностная солидарность и социальная справедливость в обществе, построенном в соответствии с христианскими принципами — десятью заповедями.

«Коллоквиум Уолтера Липпмана» в Париже (1938)

Глубокий шок
мирового
кризиса

Ордолибералы опирались на размышления и дискуссии группы ученых, которые сами себя называли просто «неолибералами». Так что ордолиберализм — это разновидность неолиберализма, один из нескольких его вариантов. В 1930-е годы, в разгар глубочайшего мирового экономического кризиса неолибералы собрались на международном коллоквиуме во Франции, чтобы обсудить тезисы американского публициста Уолтера Липпмана, касавшиеся тогдашнего кризиса либерализма. В честь его этот форум был назван «Коллоквиум Уолтера Липпмана». Главной темой дискуссий было обновление либерального мышления в той сложной ситуации, когда либерализм подвергался массивным антикапиталистическим нападкам, когда на либералов взваливали ответственность за мировой кризис. Их роль, казалось, становилась все более маргинальной. Либералы предчувствовали и опасались проникновения в общество социалистической идеологии и распространения тоталитарных форм правления. Необходимо было защищать от них идеалы свободы.

В ходе длительных дискуссий, в которых, что интересно, уже проявились все существенные концептуальные конфликты и специфика сегодняшних дебатов, собравшиеся в Париже ученые предложили назвать общие элементы течения, которое они представляли, термином «неолиберализм». Но в чем же состояла суть обновления? Новой была активная роль, которую неолибералы признавали за государством как инстанцией, устанавливающей правила игры в экономике. Новым был отход от принципа невмешательства (*laissez-faire*).

Рынок
нуждается
в надежном
и гарантированном
порядке

Неолибералы пришли к выводу, что рынок нуждается в надежном и гарантированном порядке, что свобода должна опираться на право и мораль. С учетом глубины

Laissez-faire

Понятие «laissez-faire» традиционно связывают с одной историей, случившейся в XVII веке, когда французский министр финансов Жан-Батист Кольбер, основатель меркантилизма, спросил предпринимателя Лежандра: «Que faut-il faire pour vous aider?» («Что нужно сделать, чтобы вам помочь?») Меркантилизм – это экономическое учение, делавшее упор на интервенционизм и дирижизм государства и направленное прежде всего на то, чтобы обеспечить собственной нации во внешней торговле относительные преимущества за счет других. Это учение опиралось на статичную концепцию внешней торговли, согласно которой везде имеет место только «игра с нулевой суммой»: то, что для одного выигрыш, для другого обязательно проигрыш. Предприниматель Лежандр гордо ответил: «Laissez-nous faire!» («Позвольте нам самим сделать!») – иными словами: «Сами справимся!») В XVIII веке экономист Винсент де Гурне популяризировал это выражение как призыв к свободе предпринимательства. В XX веке эта фраза наполнилась новым содержанием: когда теперь говорят «laissez-faire», подразумевают – главным образом критически – либеральный экономический порядок, в котором отсутствует осознанное регулирование.

мирового экономического кризиса оказалось недостаточным уповать на стихийные самоисцеляющие силы рынка. Стало ясно, что необходимо соблюдать определенные правила, что нужен порядок. Тем самым неолбералы возвестили о начале новой эпохи – как в аналитическом, так и в политическом плане. «Если какая-то теория сумела когда-либо правильно истолковать знаки времени и исходя из своих познаний дать новые импульсы экономической и социальной политике, то это были идеи ученых, которых сегодня считают нео- или ордолибералами, – писал Людвиг Эрхард, который позже получил известность в качестве политического основоположника социального рыночного хозяйства. – Они стали придавать экономической политике все больше социально-политических акцентов, высвобождая ее из тисков меркантильно-механистического мышления».

Уолтер Липпман опубликовал в 1937 году книгу, наделавшую немало шума в ученых кругах, – «Хорошее общество» («The Good Society»). В этой книге содержится критика по трем направлениям. Липпман критикует,

Три аспекта
критики
либерализма
Липпманом

во-первых, классический либерализм, который он сводит к упрощенной формуле «laissez-faire» и который, по его мнению, не способен дать ответов на важнейшие вопросы. Во-вторых, он критикует тоталитарные режимы в Италии, Германии и России, равнозначные капитуляции идей свободы. И в-третьих, он подвергает критике Соединенные Штаты, где «Новый курс» («New Deal») президента Франклина Д. Рузвельта — гигантский пакет государственных мероприятий по оживлению конъюнктуры и выстраиванию обширных систем социальной защиты — ведет, на его взгляд, к «ползучему распространению коллективизма»: «“Новый курс” Рузвельта в среднесрочном плане также ограничивает свободу». Липпман призывает либералов к обновлению, с тем чтобы они вышли из изоляции и не допустили маргинализации либерализма; они должны, по его мнению, научиться защищать свои идеалы.

«Laissez-faire»
как доктрина,
лишенная
смысла

Прежнюю политику невмешательства («laissez-faire») Липпман на фоне мирового экономического кризиса высокопарно охарактеризовал как полный провал. На его взгляд, «laissez-faire» — это лишенная содержания и в конечном счете деструктивная доктрина, которая в эпоху революций сыграла определенную роль, но теперь исчерпала себя. Прошли времена, когда задача либерализма в первую очередь состояла в ограничении вмешательства

Уолтер Липпман

Уолтер Липпман (Walter Lippmann, 1889–1974) — влиятельный американский журналист и писатель, двукратный лауреат Пулитцеровской премии. Родился в Нью-Йорке в семье еврейских эмигрантов из Германии. Изучал в Гарварде философию и иностранные языки; примкнул там к кружку интеллектуалов-социалистов.

В 1914 году стал одним из учредителей леволиберального журнала «The New Republic»; позже писал, в частности, для «World», «New York Herald Tribune», «Washington Post», «Newsweek». Кроме того, Липпман написал несколько книг по политической философии, теории демократии и внешней политике. После Первой мировой войны он консультировал, в частности, американского президента-демократа Вудро Вильсона и участвовал в качестве эксперта в версальских мирных переговорах. Критикуя «Новый курс» («New Deal») президента Франклина Д. Рузвельта, Уолтер Липпман перешел на позиции либерализма.

государства; теперь же, полагает Липпман, надо конструктивно заниматься насущными задачами государства. Липпман считал, что либерализм нуждается в обновлении. Он хотел «нового синтеза, который устранил бы очевидные противоречия между индивидуальной свободой человека и суверенитетом народа, порядком и свободой, национальным суверенитетом и международной безопасностью, властью большинства и ответственностью государства, стабильностью и переменами, частной собственностью и общественным благом, свободой и социальной организацией».

Французский философ Луи Ружье (Louis Rougier, 1889–1982) обратил внимание на эту книгу, так как она поднимала важные вопросы, и организовал ее перевод на французский язык. Он попросил Липпмана, который летом 1938 года совершал свадебное путешествие по Европе, прервать его для участия в коллоквиуме, на котором можно было бы обсудить его книгу, и организовал в Париже встречу ведущих либерально настроенных ученых и бизнесменов из разных европейских стран. Встреча прошла в Институте международного интеллектуального сотрудничества, в ней участвовало 26 человек, среди них французский философ Раймон Арон, австрийские экономисты Фридрих Август фон Хайек и Людвиг фон Мизес, венгерский химик и философ Михай (Майкл) Поланы, а также уже упомянутые немецкие неолибералы – покинувшие страну экономисты и социологи Александр Рюстов и Вильгельм Рёпке. Всех их объединила обеспокоенность, которую ясно сформулировал философ Ружье: кризис привел, на его взгляд, к тому, что «масса населения готова отказаться от свободы в пользу тех фюреров и мессий, которые обещают им безопасность» (Compte-Rendu, 1939). Эта обеспокоенность существует по сей день: тяготы кризиса могут вызвать сильнейший антилиберальный сдвиг в обществе, его радикализацию в направлении, которое трудно предсказать.

Споры среди либералов

Создается впечатление, что история, по крайней мере частично, повторяется. Во всяком случае, история идей-

Дискуссии,
которые
повторяются
вновь и вновь

ных течений. Некоторые дискуссии возникают вновь и вновь. Если интеллектуальный прогресс и существует, то он протекает, очевидно, не линейно, а скорее циклично. Ситуация того времени и вызванные ею дебаты очень напоминают день нынешний, и этот факт действует на наблюдателя отрезвляюще. Банковский кризис вызвал глобальную рецессию, наука пришла в замешательство, разгорелись бурные системные дебаты, публицисты-интеллектуалы стали громко требовать выработки новых парадигм. Либералы затеяли междоусобицу, погрязли в жесточайших спорах, в то время как государственники-интервенционисты подняли голову.

Протоколы дискуссий в рамках «Коллоквиума Уолтера Липпмана», с которыми можно познакомиться на французском, а вскоре, наверное, также и на английском языке, могли бы быть протоколами 2009 года. Стоит только заменить фамилии и немного снизить принятый тогда выпендренный тон речей, и документ покажется совсем свежим. Это не только любопытно, но и свидетельствует об определенном интеллектуальном застое, производя на читателя отрезвляющее впечатление. Так что к концу первого десятилетия XXI века человечество в плане аргументации, очевидно, не сильно продвинулось вперед по сравнению с 30-ми годами XX века.

Тогдашние парижские дискуссии были посвящены вопросу, который до сих пор не утратил остроты: равносильны ли экономический кризис кризису либерализма и связанных с ним экономических теорий и что можно против этого предпринять.

Будущее капитализма

Вопрос стоял так: можно ли подправить классический либерализм, который себя вроде бы дискредитировал, или же нужна совершенно новая философия? Речь шла также о том, что сегодня сводится к формуле «будущее капитализма», но при этом подразумевается также будущее либерализма.

Еще на этапе анализа сложившейся в мире ситуации на Парижской конференции (1938) завязался гордиев узел, который до сих пор не удалось распутать: одни считали главной причиной мирового кризиса сбой в функционировании рынка, другие же сетовали на неправильную политику государства, которое не сумело установить соразмерные регулирующие рамки и не справилось

с выполнением своих важнейших обязанностей. Разными были, соответственно, и рекомендации по мерам, которые следовало принять. Поэтому речь шла также о принципиальной роли рынка и государства. В связи с этим разгорелась острая дискуссия о том, в какой мере вообще допустимо политическое вмешательство в хозяйственную жизнь, а если допустимо, то по каким разумным критериям его следовало бы ограничить. Александр Рюстов выдвинул идею о соразмерном рыночным принципам «либеральном интервенционизме», которую он озвучивал еще в 1932 году в рамках заседания Союза социальной политики и которая позже наложила существенный отпечаток на концепцию социального рыночного хозяйства. Суть этой идеи заключалась в том, что государство должно не «реактивно» противодействовать силам рынка, а скорее «проактивно» сопровождать их адаптационные движения, с тем чтобы они осуществлялись быстрее и тем самым менее болезненно.

**Роль рынка
и роль
государства**

Либерализм

Термин «либерализм» появился лишь в XIX веке в Испании. Под ним понимается интеллектуальная традиция и политическое мировоззрение, в центре которых стоит право каждого человека на свободу, самостоятельность, самоопределение и свободное развитие. Человек должен быть свободен от принуждения и чрезмерной опеки со стороны других людей и государства. Своими корнями либерализм уходит в классическую античность. Но в узком смысле этот тип мировоззрения сформировался намного позже – как прогрессивная доктрина просвещения, направленная против абсолютизма XVII и XVIII веков. В XIX веке либерализм превратился в глобальное политическое движение бурно развивающейся буржуазии. Либералы не отрицают необходимости государства, но считают, что оно должно действовать строго в рамках права.

Важнейшими этапами политического становления либерализма считаются: принятие Билля о правах в Англии (1689), Конституции Соединенных Штатов (1787) и Декларации о правах человека и гражданина во время Французской революции (1789). В сфере экономики либерализм опирается на частную собственность, конкуренцию и свободную торговлю. Часто проводимое четкое разграничение между политическим и экономическим либерализмом особого смысла не имеет; либеральное мышление не ограничено какими-то определенными сферами, оно является универсальной парадигмой (см. часть II).

«Сильное
государство»

Итак, в Париже речь шла о «сильном государстве», которое не должно поддаваться влиянию лоббистов, его задача — быть надпартийной, беспристрастной силой, независимой от частных интересов. Участники спорили о конкуренции, которая зачастую пробуксовывает, не поощряя настоящие достижения, что заставляет подумать о том, как государство могло бы обеспечивать реальную конкуренцию посредством активной конкурентной политики, вместо того чтобы разрушать ее задачами привилегий. Участники много говорили об ответственности, в том числе материальной, в хозяйственной жизни и о том, как эту ответственность усилить.

Несмотря на очевидность общих задач, позиции участников парижской встречи не были едиными. Сколько нужно государства, чтобы обеспечить функционирование рынка, — об этом спорили тогда и спорят по сей

Союз социальной политики

Союз социальной политики (*der Verein für Socialpolitik*) — это ассоциация немецкоязычных экономистов, основанная в 1873 году. Отцы-учредители союза, которых тогда иронично называли «катедер-социалистами», основное внимание уделяли «социальному вопросу», пытаясь найти на него удовлетворительный ответ, не становясь при этом на сторону набравшего силу социалистического движения. По словам многолетнего председателя союза Густава Шмоллера, видного представителя исторической школы, основатели Союза социальной политики хотели «на основе существующего порядка в такой мере возвысить, образовать и примирить низшие классы, чтобы они гармонично и мирно вписались в организм» (www.socialpolitik.de). Содержательный спектр союза лишь позже был расширен за счет других, более широких вопросов политической экономии. В 1936 году союз был распущен, чтобы не попасть под пресс нацистской идеологии. Заново учрежденный в 1948 году, Союз социальной политики, бюро которого находится во Франкфурте-на-Майне, насчитывает в настоящее время более 3600 членов. Это крупнейшая ассоциация ученых-экономистов немецкоязычных стран. Согласно уставу главная его цель состоит в «научном обсуждении экономических, социологических, хозяйственно- и социально-политических проблем в устной и письменной форме, а также в поддержании международных связей в рамках данной отрасли науки».

день. Но участники были, во всяком случае, едины в том, что государство должно делать больше, чем просто быть «ночным сторожем», не вмешиваться в хозяйственные процессы по принципу «laissez-faire». Они согласились с тем, что необходимо соответствующее содержательное обновление концепции либерализма. Предстояло разработать обоснованные критерии для того, как наделить свободу устойчивостью в рыночных условиях с помощью осознанно выстроенного каркаса правил. Рюстов, недолго думая, предложил назвать эту программу термином «неолиберализм», так как ни о каком другом конкретном названии договориться не удалось.

Группа собравшихся экспертов высказала пожелание встречаться регулярно. Предполагалось, что будет создана постоянная научная структура с филиалами за рубежом. Для нее даже нашли название: «Centre International d'Etudes pour la Rénovation du Libéralisme» («Международный центр исследований по обновлению либерализма»). В Париже действительно состоялось еще шесть публичных мероприятий. Но вскоре началась Вторая мировая война. Европа, а затем и весь мир погрузились в сумерки эпохальной катастрофы.

Опыт мирового экономического кризиса

Катастрофический опыт мирового экономического кризиса и Веймарской республики заставил неолибералов отказаться от представлений о том, что можно особо не задумываться о создании определенных рамочных условий, целиком положившись на благотворные стимулы конкуренции и саморегулирующие силы рынка. В то время экономика полностью находилась во власти картелей и монополий. Государство этому никак не противодействовало. Конкуренция практически прекратилась — при попустительстве государства. Говорили о «вырождении добросовестной конкуренции».

Либералов упрекали в том, что они в этом тоже отчасти виновны, поскольку наивно исходили из того, что рынок «сам все урегулирует», обеспечив естественную гармонию интересов. Теперь же стало совершенно очевидно, что рынок не может работать в безвоздушном про-

**Наивность
либералов**

странстве, без каркаса правил, который дал бы ему опору. Но ведь и старые либералы не имели этого в виду: просто фокус их аргументации — исходя из конкретных исторических условий и тогдашних приоритетов — был направлен прежде всего на обеспечение либеральных прав и ограничение произвола властей, то есть на сдерживание государства, а не на его укрепление. Но в ретроспективе даже такой подход был, очевидно, слишком поверхностным, и это имело определенные последствия. *«Роковая тактическая ошибка многих либералов XIX века состояла, очевидно, в том, что они создавали впечатление, будто устранение всех вредных и необязательных мер государства является вершиной всякой политической мудрости, будто вопрос о том, как государство должно применять ту силу, которую у него никто не отнимал, не породит никаких серьезных и важных проблем, о которых разные люди будут думать по-разному»*, — писал в 1947 году Фридрих Август фон Хайек.

Во всяком случае, неолибералы осознали остроту текущего момента. Надо было срочно принимать меры, чтобы катастрофические события не повторились — ни экономический кризис мирового масштаба, ни последовавшая за ним эрозия либерализма. Предстояло найти — в концептуальном, философском и чисто практическом плане — некий третий путь между «laissez-faire» и жесткой системой государственного регулирования.

2. БЕЗ СВОБОДЫ ВСЁ – НИЧТО

Основные постулаты неолиберализма и ордолиберализма

Свободное движение рыночных сил нужно было направить в надежное правовое русло, которое ограничило бы власть монополий и позволило бы использовать благотворные свойства конкуренции, стимулирующие развитие экономики и повышающие благосостояние общества. Экономика и общество требовали установления четкого рамочного порядка, защищающего индивидуальные права и свободы с опорой на силы конкуренции. Речь шла, по сути говоря, о защите системы ценностей западной цивилизации.

Свобода

Идея свободы личности, которая была и остается основополагающей для всех либералов, а значит, и для неолибералов, имеет три главных источника: естественное право, ориентированный на чисто материальную пользу утилитарный подход и прагматический опыт, который свидетельствует о том, что человечеству в условиях свободы лучше живется, лучше удается преодолевать дефицит знаний, чем в условиях несвободы. Самым интересным и, наверное, самым глубоким в философском плане является естественно-правовое обоснование свободы, вытекающее из самой природы и достоинства человеческой личности. Изначально сложившаяся на основе религиозной идеи о том, что человек создан по образу и подобию Бога, мысль о неприкосновенности челове-

**Свобода
личности
превыше всего**

ческого достоинства является непреходящим этическим принципом. Как подчеркивал великий немецкий философ Иммануил Кант, человек никогда не может быть средством для достижения цели, он есть цель сам по себе.

По Канту, человек – сам себе цель и смысл, не просто масса людей, которой можно управлять, и не инструмент некоего высшего целого. Человек – это и есть целое, человек как таковой, а не абстрактный, возвышающийся над ним коллектив вроде «народа» или даже государства. Этот глубинный смысл несет в себе и принцип личной ответственности, характерный для католического социального учения. Для неолибералов, в большинстве своем глубоко верующих христиан, этот принцип служил основой всех помыслов.

**Экономика
и государство –
не самоцель**

Человек и его человеческое достоинство должны всегда стоять в центре общества и всего, что в нем происходит. Такие коллективные конструкции, как «экономика» или «государство», не обладают никакой самоценностью. В них нет никакого органического содержания. Их смысл и оправдание состоят лишь в том, чтобы они служили человеку и отвечали его потребностям. Знаменитый немецкий социолог-иезуит Освальд фон Нелль-Бройнинг (1889–1991), в свое время участвовавший в подготовке папской энциклики *«Quadragesimo anno»* (1931), сформулировал это так: *«У сообщества нет иной цели, кроме самого человека, то есть его совершенствования как личности»*. Одним из основных принципов, на которых строится такое сообщество, является принцип субсидиарности.

Приоритет свободного самоопределения

Согласно принципу субсидиарности в сообществе людей никого нельзя лишить права решать то, что он может решить сам. Это право вытекает из права каждого человека на самоопределение и развитие личности. Если кто-то нуждается в помощи, то ее должно обеспечить ближайшее окружение нуждающегося: сначала семья, затем местное сообщество и лишь в самую последнюю очередь, когда этого не могут сделать все предыдущие ступени общества, государство. Таким образом, принцип субсиди-

Иммануил Кант

Иммануил Кант (1724–1804) – знаменитый немецкий философ эпохи Просвещения, которая ознаменовала, как он сам сформулировал, «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине». Родившись в семье ремесленника-шорника, изготавливавшего ремни и конскую упряжь, Кант всю жизнь прожил в Кёнигсберге (Восточная Пруссия) и его окрестностях. В Кёнигсбергском университете он изучал философию, естественные науки, физику и математику, затем восемь лет работал домашним учителем. В 1755 году, защитив диссертацию на тему «Основополагающие принципы метафизического познания», получил докторскую степень, что позволило ему преподавать в университете самые разные дисциплины – логику, метафизику, философию морали, математику, географию. В 1766 году Кант получил место библиотекаря в библиотеке Королевского дворца. В возрасте 46 лет стал профессором логики и метафизики Кёнигсбергского университета. Приглашений преподавать в Эрлангене, Йене и Галле Кант не принял.

Как философ Кант, хорошо знавший и ценивший, кстати, труды шотландского просветителя Адама Смита, изменил мир. Не будет преувеличением сказать, что он открыл новую эпоху, сформулировав дихотомии, такие как чувственность и рассудок, практический и теоретический разум. С выходом его трактата по теории познания «Критика чистого разума» философское мышление в Европе и во всем мире вышло на новый уровень. В своем сочинении Кант ищет ответы на четыре ключевых вопроса: 1. Что я могу знать (теория познания)? 2. Что я должен делать (этика)? 3. На что я могу надеяться (философия религии)? 4. Что такое человек (антропология)? Для либеральной философии кантианский образ человека является столь же важной предпосылкой, как и его знаменитый «категорический императив», который вводит принцип универсальности: «Поступай лишь так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом». Этот принцип является также основой современных теорий общественного договора, например Джеймса М. Бьюкенена. В отношении самой свободы категорический императив Канта звучит так: «Правомерным будет совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы».

арности выходит далеко за рамки узко понятого правила «снизу вверх», согласно которому распределяются компетенции между государственными органами и которое теоретически известно из политологии, а практически — не в последнюю очередь из системы разграничения полномочий между ЕС и его государствами-членами. В этом плане принцип субсидиарности предполагает, что в первую очередь в рамках своих компетенций должны действовать местные, то есть муниципальные органы, затем инстанции среднего, регионального уровня, затем национальные органы власти и только в последнюю очередь наднациональные органы. Но это ведь всего лишь особое проявление более общего принципа субсидиарности, а из-за акцентирования государственных полномочий даже, может быть, ложное проявление. Ставя человека и развитие его личности в центр общественной жизни, принцип субсидиарности является гораздо более широкой и глубокой категорией: *«То, чего отдельный человек может достичь по собственной инициативе и за счет собственных сил, общество не вправе у него забрать и присвоить; таким же образом то, что может сделать и довести до ума малая социальная группа, у нее нельзя изъять и передать на более высокий социальный уровень»*, — писал Нелль-Бройнинг. Помощь для самопомощи всегда должна иметь приоритет.

**Каждый человек
рождается
свободным**

Каждый человек рождается свободным. Каждый человек вправе самостоятельно выстраивать свою жизнь, стремясь при этом именно к тому счастью и тому успеху, о которых лично он мечтает. Такая свобода, однако, обязательно сопряжена с личной ответственностью. Терпя неудачи, человек должен отвечать за последствия.

Зачастую лишь тот умеет по-настоящему ценить свободу, кто ее когда-либо терял. В первую очередь свобода — это отсутствие принуждения. Никто не должен заставлять другого человека что-то делать против его воли — ни отдельный человек, ни государство. Каждый человек вправе сам решать, что ему делать и чего не делать.

Это относится и к сфере экономики: каждый человек как наемный работник и потребитель вправе свободно и самостоятельно решать, где и как ему работать и что ему потреблять. Предприниматели вправе свободно и само-

стоятельно решать, во что им вкладывать или не вкладывать средства, кого принимать или не принимать на работу, что делать с прибылью – распределять среди акционеров или оставлять в компании.

Лишь тот, кто свободен в принятии решений – как частное лицо или как предприниматель, может действовать по-настоящему ответственно и самостоятельно. Свобода и ответственность тесно взаимосвязаны. А поскольку это так, свобода в сочетании с разумным обязательственным правом является лучшей гарантией того, что люди во всем народном хозяйстве будут наилучшим образом проявлять и использовать свои знания и таланты. Свобода – это основное право человека; наряду с человеческим достоинством в 1949 году она была закреплена в Основном законе Федеративной Республики Германия (статьи 1 и 2). В то же время она очень полезна и с чисто практической точки зрения.

Свобода и ответственность тесно взаимосвязаны

Отсутствие принуждения

Отсутствие принуждения философы – не очень благозвучно – называют «негативной свободой», «негативной» или «формальной» всего лишь потому, что речь идет о недопущении таких вещей, как принуждение или насилие среди людей. Этот аспект свободы намного важнее, чем «позитивная свобода», которая не отвергает ничего недопустимого, а просто позитивно направлена на что-то желательное и всегда устанавливает материальные отношения. Здесь, как правило, просто имеется в виду наличие финансовых возможностей.

Если совершить скачок во времени из 1930–40-х годов в более близкую к нам историю, то в Германской Демократической Республике, например, не было, как известно, свободы передвижения по крайней мере что касалось поездок на Запад. То, что гражданам не позволяли выезжать на Запад, если они того хотели, было чистым принуждением со стороны государственных органов, то есть в ГДР отсутствовала «негативная свобода». После того как в 1989 году пала Берлинская стена, все граждане Восточной Германии теперь обладают формальной свободой передвижения. Но некоторые все же

не могут по финансовым причинам позволить себе больших поездок. У них нет денег — то есть материальной или «позитивной свободы». Здесь имеют место чисто материальные ограничения, хотя никакого личного принуждения нет. Воля человека не подчинена никакой другой воле, он лишь вынужден приспособливаться к фактическим обстоятельствам. Об этом можно сожалеть, но человечество живет, по крайней мере со времен Адама и Евы, не в раю.

У свободы
всегда есть
границы

Свободу путешествий сегодня ограничивают только материальные обстоятельства или, может быть, чисто личные причины, но никак не государственные правовые барьеры. Это является существенным отличием. Ведь в конечном счете свобода ценна не только тогда, когда ею можно конкретно воспользоваться. Тот, для кого свобода ценна сама по себе, всегда видит в дополнительных возможностях выгоду для себя — вне зависимости от того, воспользуется ли он ими когда-либо в реальности или нет.

Границы свободы

Безграничная свобода вообще вряд ли возможна. Это объясняется уже тем, что ни один человек не одинок в этом мире. Человек живет в сообществе людей. Тот, кто делает все, что хочет, зачастую не позволяет другому человеку делать то, чего ему, в свою очередь, хочется. Интересы у людей бывают разные. Иногда эти интересы противоречат друг другу. Поскольку действия индивида могут иметь последствия для других людей, реализация свободы одного человека может фактически ограничивать реализацию свободы других людей. Осуществление свободы возможно лишь на основе гармоничного и справедливого взаимодействия между людьми.

Свобода — это также свобода распоряжаться тем, что человек самостоятельно заработал. Этот принцип впервые, наверное, четко сформулировал английский философ Джон Локк примерно за сотню лет до Иммануила Канта. Каждый человек свободен распоряжаться самим собой и, если рассуждать логически, также тем, что он заработал. Отсюда вытекает право собственности. Оно

Джон Локк

Джон Локк (John Locke, 1632–1704) – английский философ, представитель традиции естественного права. Родился в Сомерсете в семье служащего суда, изучал в Оксфорде «классические науки». Окончив университет, преподавал греческий язык, риторику и этику. После 1665 года становится секретарем и лейб-врачом будущего графа Шефтсбери, воспитывает его внука. Локка считают одним из выдающихся мыслителей эпохи Просвещения. Вместе с Томасом Гоббсом и Жан-Жаком Руссо он разработал теорию общественного договора. Его идеи оказали большое влияние на развитие теории познания и политической философии. Локк исходил из того, что Господь наделил человека естественными правами и что поэтому в «естественном состоянии» все люди равны и независимы, так что никто не вправе причинять ущерб «жизни, здоровью, свободе или собственности» другого человека. Локк – оптимист, он верит в человеческий разум. В политическом плане он выступает за разделение властей и верховенство права. С точки зрения либерализма особый интерес представляет локковское обоснование права собственности: поскольку каждый человек рождается свободным, он имеет полное право распоряжаться самим собой и своей рабочей силой, таким образом, человек как бы обладает правом собственности на самого себя и на плоды своего труда.

определяет возможности для деятельности индивида и защищает его от неправомерных притязаний других людей. Подробнее об этом ниже.

Государство как регулятор

С учетом нынешних системных дебатов важно подчеркнуть, что неолибералы стремились к построению системы, в рамках которой государство устанавливает и обеспечивает общие правила игры и этим в основном ограничивается. Во Фрайбургской школе в этой связи говорили о «политике порядка» («Ordnungspolitik»), которая находится в компетенции государства. Что же

**Государство
отвечает
за правила игры**

Политика порядка и политика регулирования процессов в сравнении

Политика порядка устанавливает общие правила игры. Политика регулирования процессов непосредственно направлена на достижение желаемых хозяйственных результатов. Политика порядка оперирует универсальными законами, а политика регулирования процессов решает конкретные вопросы. Политика порядка проявляет принципиальную сдержанность, политика регулирования процессов почти неизбежно претендует на обладание верным знанием. Политика порядка ориентирована на длительную перспективу, горизонт политики регулирования процессов, как показывает опыт, сравнительно краткосрочен. Хорошая политика порядка служит общему благу, а политика регулирования процессов легко подвержена риску подчинения особым интересам.

касается «политики регулирования (хозяйственных) процессов» („Prozesspolitik“, см. врезку), то от нее по возможности следует воздержаться. Исключением являются те случаи, когда политика регулирования процессов служит укреплению политики порядка. Но она не должна противоречить последней.

В современной экономической науке давняя убежденность неолибералов в том, что государство должно ограничиться установлением и обеспечением общих правил игры, нашла свое отражение и дальнейшее теоретическое развитие в учении о «конституционной экономике». Ее важнейшим представителем считается американский экономист Джеймс М. Бьюкенен (James M. Buchanan), отмеченный в 1986 году Нобелевской премией. Если государство прежде всего является общим регулятором, то оно не должно в то же время быть главным игроком в экономике. В принципе государство и экономика должны существовать отдельно друг от друга. Если продолжить эту логическую цепочку, то напрашивается вывод, что правительство должно быть достаточно сильным и независимым, чтобы выдерживать давление со стороны отдельных заинтересованных групп. Это прекрасно понимали и неолибералы, собравшиеся в Париже (в 1938 году).

Политика порядка служит общему благу

Оба противопоставляемых понятия – «политика порядка» и «политика регулирования процессов» («Ordnungspolitik» – «Prozesspolitik») сохранились до сих пор, правда, только в немецкоязычном пространстве. При этом понятие «политика порядка» кажется более понятным и менее запутанным, чем «политика регулирования процессов»; последний термин сейчас, впрочем, все менее употребляем. Уже само словосочетание «политика порядка» говорит о том, что речь идет об институциональных рамках, о том, чтобы их правильно установить, сохранять, приспособлять к меняющимся условиям и улучшать. Она направлена на решение крупных вопросов. Что же касается политики регулирования процессов, то она направлена не на установление общего порядка, а на решение конкретных вопросов, речь идет здесь о вмешательстве в рыночные процессы, о достижении непосредственных результатов.

В социальном рыночном хозяйстве, которое базируется на идейном фундаменте Фрайбургской школы, политика порядка обладает явным верховенством. Государство отвечает прежде всего за установление, сохранение и поддержание рамочного порядка. Оно должно, насколько это возможно, воздерживаться от вмешательства в стихийное течение хозяйственных процессов, от так называемой политики регулирования процессов. Иначе оно нарушило бы механизм ценообразования, подорвав тем самым благотворное воздействие конкуренции, которая порождает благосостояние и преумножает знания общества.

Существенной причиной подобного самоограничения государства является не что иное, как ограниченность его ресурсов. Периоды кризисов, когда правительства снова крепче берутся за руль, – это скорее исключение. Но и без того многие люди склонны к тому, чтобы не доверять рынку и конкуренции и, наоборот, слишком доверять государству. При этом государство – это не добрый отец, а всего лишь абстрактный институт, созданный всеми гражданами.

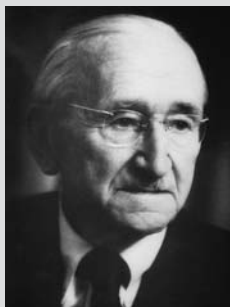
**Явное
верховенство
политики
порядка**

Претензия на обладание полным знанием

**Призыв
к скромности**

Претензии политиков «на обладание полным знанием», когда они отказываются от свободного течения рынка и считают, что могут без потерь навязывать людям свое видение вещей, может нанести обществу большой вред – об этом не раз говорил Фридрих Август фон Хайек. Особенно яркой в этом плане была речь Хайека, произнесенная в 1974 году в Стокгольме, когда ему вручали Нобелевскую премию по экономике. Хайек при-

Фридрих Август фон Хайек

Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) – экономист и социальный философ. Вырос в Вене, в семье врача, преподававшего ботанику в Венском университете. Сначала изучал право, но интересовался также политэкономией и психологией.

Хайек посещал знаменитый частный семинар либерального экономиста Людвиг фон Мизеса. В 1921 году защитил диссертацию по теории права, в 1923 году – по экономике. Вместе со своим учителем

Мизесом Хайек с 1927 года руководил Австрийским институтом экономических исследований. В начале 1930-х годов принял приглашение преподавать в Лондонской школе экономических наук, где стал доброжелательным спарринг-партнером и оппонентом Джона М. Кейнса, интервенционистские концепции которого ему нравились столь же мало, как и его дендизм и легковесность, отражавшиеся даже в научном дискурсе.

В 1950-х годах Хайек работал в Чикагском университете. В 1960-х годах вернулся в Европу – сначала во Фрайбург, затем в Зальцбург и, наконец, в 1977 году снова во Фрайбург. В 1974 году Хайек вместе со шведом Гуннаром Мюрдалем получил Нобелевскую премию в области экономики в знак признания как его ранних исследований по теории денег и конъюнктуры, так и его социально-философских трудов. Своим главным вкладом в науку сам Хайек считал открытие динамичной и постоянно порождающей новые знания системы ценообразования («разделение знаний»). Из этого он сделал вывод о том, что политика по возможности не должна вмешиваться в «стихийный порядок» экономики и общества.

звал своих коллег-экономистов к скромности, так же как и деятелей политики, которые слишком охотно полагаются на расчеты и рекомендации экономистов.

Хайек был пламенным борцом за свободу, о чем свидетельствует не только его знаменитый манифест либерализма – книга «Дорога к рабству», но и тот факт, что именно по его инициативе в 1947 году в Швейцарии было основано (нео)либеральное Общество «Мон Пелерин».

Претендуя на «обладание полным знанием», обычно ссылаются на то, что каждый человек в отдельности довольно мало знает. Человек знает кое-что о самом себе, о том, чего он хочет, и о том, что он может, – и это, пожалуй, все. Если люди добровольно, произвольно и без давления извне торгуют и заключают договоры друг с другом, то они привносят в сделки свои частные, «локальные» знания. Так в ходе общения люди суммируют свои знания. Таким образом даже возникает некое новое знание. Хайек это называет «разделением знаний» – по аналогии с «разделением труда» в процессе производства. Однако новое общественное знание возникает в этом процессе лишь при условии, что в него не вмешивается политика. Хорошая политика должна со всей серьезностью относиться к свободе и самоопределению людей. Она должна исходить из признания того, что граждане вменяемы и самостоятельны.

**Возникновение
новых
общественных
знаний**

Народные представители и обладатели мандатов на политическом уровне, разумеется, могут иметь собственные представления о том, как должны выглядеть экономика и общество. Но они не могут знать, что будет хорошо и правильно для общества, состоящего из отдельных индивидов, каждый из которых обладает собственным мнением. Это то, что люди сами должны вновь и вновь открывать заново, общаясь друг с другом. Они должны быть к этому готовы. Для этого необходима конкуренция – настолько открытая, чтобы люди совершенно непринужденно, особо не задумываясь, понимали, как нужно жить, что для них хорошо и что плохо. Именно из этого проистекает в конечном счете общее благо, а не из мнения большинства, которое выявляют путем все более популярных опросов. Демоскопические анализы – это всегда лишь моментальные снимки, при том что мнения большинства все же имеют мало общего с желаниями конкретного человека.

**Стихийный
порядок**

Чтобы обеспечить открытость общественных процессов, государству следует, таким образом, ограничиться задачами политики порядка. Посредством общих правил оно должно создать условия для того, чтобы такое самоопределение — Хайек говорил о «стихийном порядке» — происходило в максимально свободном и открытом режиме. Так складывается непредсказуемый массив социального опыта и социальных знаний. Если же политика нарушает эту стихийную координацию, навязывая обществу посредством политики регулирования процессов конечные результаты и отказывая гражданам в многообразии мнений и решений, то она лишает человека и общество способности к самореализации.

В концепции неолиберализма государство является грамотным создателем и главным охранителем порядка, опирающегося на право. В идеале экономический порядок должен быть таким, чтобы вообще было мало поводов для вмешательства на уровне политики регулирования процессов. С самого начала предотвращая негативные явления, например за счет жесткого правового закрепления принципов материальной ответственности, хорошая политика порядка, кстати, предотвращает также возникновение кризисов. Ее задача состоит прежде всего в обеспечении того, что Ойкен называл «конституирующими принципами» конкурентного порядка: главная задача политики порядка — это забота о том, чтобы конкурентные рынки вообще существовали.

Конкуренция как инструмент лишения экономической власти

**Конкуренция
не сохраняется
сама по себе**

Конкурентные рынки занимают центральное место во «фрайбургском императиве». Это основа основ социального рыночного хозяйства. Причин тому несколько.

Во-первых, потому что конкуренция, как удачно выразился один из фрайбургских ордолибералов правовед Франц Бём, «*это самый гениальный в истории инструмент лишения власти*». Вальтер Ойкен также всегда критиковал формирование устойчивых властных позиций — вне зависимости от того, о каких властных позициях шла речь, о частных или государственных. Доминирование на рынке — это всегда проблема. Бём подчеркивал, что

конкуренция не сохраняется сама по себе: любому предпринимателю понравилось бы отсутствие конкуренции. Никто не будет против того, чтобы получить определенную власть на рынке, если она возникнет сама собой, по крайней мере на какой-то период. Лучше всего было бы, конечно, монопольное положение, единоличное господство на рынке. Или же по крайней мере картель, то есть договоренность с конкурентом о том, чтобы не сбивать друг другу цену. Непосредственной, собственной заинтересованностью в честной конкуренции обладает, вообще-то, лишь тот предприниматель, который сам находится в невыгодном положении – если только он сам не является теоретиком-ордолибералом по совместительству или по убеждению. За отсутствие конкуренции приходится платить потребителю. Так что конкурентный экономический порядок остро нуждается в защите от монопольных и картельных рисков. Только там, где существует честная конкуренция, не происходит концентрации экономической власти – ни частной, ни государственной.

Клиент – это король

Во-вторых, конкуренция заставляет предприятия ориентировать предложение товаров и услуг на потребности потребителей. В отличие от плановой экономики – Ойкен гораздо жестче характеризовал эту систему как «экономику централизованного управления» – в конкурентной экономике главную роль играют не государственные органы, а граждане: люди в домохозяйствах и на предприятиях. Предприятия сами решают, что им производить, с какими издержками, по какой цене и для какого рынка. При этом они ориентируются на рыночный спрос, то есть на желания потребителей. Потребители решают, где, в каком качестве и как много им работать, сколько накапливать и расходовать средств – и, конечно, на что их тратить. В этой связи экономисты говорят о «суверенитете потребителя». В конкуренции все решает потребитель, здесь он король. Потребитель решает в конечном счете, что производить и чем торговать в народном хозяйстве. Для этого потребителям даже нет надобности собираться

в большие группы и договариваться. Просто каждый человек ходит в магазин и принимает свои сугубо индивидуальные потребительские решения.

**Клиент должен
быть королем**

Только если на рынок выходит много продавцов, у потребителя появляется выбор и он действительно становится «королем». Только если он реально может выбирать, своим потребительским решением он посылает сигнал, надежно отражающий его реальные желания. Тогда и у производителя возникает стремление побороться за благосклонность клиента, прежде всего за счет снижения издержек и высокого качества изделий. Если, например, в городе имеется один-единственный продавец электроэнергии, то у потребителя нет выбора. В качестве альтернативы можно разве что отказаться от электричества. Цена, по которой тогда потребитель оплачивает киловатт-час, мало что говорит о том, насколько он доволен, так что монополист может выставить цену выше, чем она была бы в конкурентной ситуации. Клиентам просто некуда деваться.

Если ситуация на рынке обратная, то происходит, кстати, нечто похожее: если конкуренция отсутствует, потому что имеется один-единственный потребитель, информация о ценах на рынке тоже распространяется в линейном режиме. Можно себе представить — вполне реальную, кстати, ситуацию, когда в регионе имеется один центральный молокозавод, который является единственным потребителем молока, производимого местными фермерами. В таком случае у производителей молока изначально нет никакой возможности привлечь другого клиента высоким качеством молока и, возможно, получить за него более высокую цену. Тогда цена молока оказывается ниже нормальной, и у фермера заинтересованность в том, чтобы найти для своих коров пастбище получше, стремится к нулю.

Эффективность, справедливость, творческий подход

В-третьих, конкуренция в решающей мере способствует эффективному использованию факторов производства: труда, капитала, земли и т.д. Она позволяет эффективно,

то есть экономно, хозяйствовать, избегать расточительства, максимально снижать издержки.

В-четвертых, факторы производства оплачиваются в соответствии с их вкладом в конечный продукт. Это является важнейшим стимулом и фактором справедливости. И это тоже результат конкуренции.

В-пятых, конкуренция постоянно побуждает производителей к созданию новых продуктов и технологий. Конкуренция порождает предпринимателей-первопроходцев.

В-шестых, конкуренция способствует быстрому продвижению и распространению инноваций. Ведь в условиях конкуренции никто не может долго почивать на лаврах. Хороший продукт быстро находит подражателей и имитаторов. Преимущество, которого достигает предприниматель-новатор, как правило, бывает трудно долго сохранять. В принципе это положительный момент, от этого все получают пользу. Проблема возникает лишь тогда, когда новинки копируются настолько быстро, что настоящий новатор не успевает покрыть издержки, связанные с разработкой новшества. Если новации приносят лишь убытки, их просто не будет. Чтобы избежать такой ситуации, существуют патенты, по крайней мере для настоящих изобретений. Они особенно важны в фармацевтической промышленности, где, как правило, требуются годы для того, чтобы разработать и вывести на рынок новый препарат. Столь длительные сроки обусловлены, с одной стороны, научной сложностью задач, а с другой – серьезнейшими требованиями к безопасности медицинских препара-

**Быстрое
продвижение
и распростране-
ние инноваций**

Конкуренция ...

- это гениальный инструмент лишения экономической власти;
- ориентирует рыночное предложение на потребности клиента;
- обеспечивает эффективность производства;
- является основой для соразмерной оплаты труда;
- стимулирует инновации;
- способствует быстрому распространению новшеств.

тов, которые предъявляет государство. Патентирование позволяет таким компаниям успешно преодолеть столь длительный и трудный путь. Патент обеспечивает изобретателю право собственности на изобретение в течение определенного срока — и тем самым также получение дохода.

По мнению Вальтера Ойкена, существует одна-единственная сфера, где конкуренция не нужна, по крайней мере на национальном уровне — сфера денежного обращения. Ойкен решительно высказывается в пользу *«предоставления Центральному банку исключительной привилегии на эмиссию денег»* — в отличие от Фридриха Августа фон Хайека, который считает, что конкуренция была бы полезной и в валютной сфере.

КОНКУРЕНТНЫЙ ПОРЯДОК

3. ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ «ОРДО»

Универсальная система порядка Вальтера Ойкена

Наиболее точно и полно основные идеи, позднее получившие название «социального рыночного хозяйства», были изложены в принципах конкурентного порядка, сформулированных фрайбургским экономистом Вальтером Ойкеном. Они четко и лаконично отражают «фрайбургский императив». Привлекательность этого свода принципов и сегодня состоит в том, что на основе этих категорий можно проанализировать отдельные политические меры и однозначно оценить их как безопасные либо, напротив, представляющие риск для политики порядка. Во времена, когда существует угроза утраты ориентиров в политике порядка во многих аспектах, такая интеллектуальная матрица становится все более необходимой и чрезвычайно полезной. Тому, кто однажды усвоил подобную точку зрения, сразу становится ясно, что меры, угрожающие политике порядка, могут приниматься только при наличии чрезвычайно веских причин, имеющих приоритетное значение, а также убедительных аргументов.

Еще одной сильной стороной системы Ойкена является ее универсальность. Именно поэтому постоянный упрек в том, что модель, разработанная более шести десяти лет назад, не может быть применена к реалиям XXI века, не выдерживает критики. Возраст не исключает мудрости. Канон Ойкена обладает достаточным потенциалом, чтобы внести необходимые коррективы в категории, используемые для оценки нынешней экономической политики. У него многому можно научиться. Действительно, он помогает многое разглядеть.

**Категории
для оценки
экономической
политики**

В книге «Основные принципы экономической политики» (1952) Ойкен обосновал смысл и преимущества порядка конкуренции перед централизованно управляемой экономикой и перед устаревшей и дискредитированной концепцией «невмешательства» в экономику со стороны государства («laissez-faire»). Именно порядок конкуренции должен, по мнению Ойкена, представлять собой основу для свободной, но при этом упорядоченной рыночной экономики. Прежде всего речь идет о том, чтобы установить, сохранять и поддерживать правила, которые «дают человеку возможность жить по этическим принципам». При этом Ойкен подчеркивает неразрывную связь между порядком и свободой: *«От человека нельзя требовать того, что может обеспечить только экономический порядок: гармоничного соотношения интересов индивидуума и общества... Свобода и порядок не противопоставлены друг другу, а обуславливают друг друга».*

Плановая экономика коррумпирована и порождает коррупцию

Что же касается плановой экономики с ее пресловутой неэффективностью, сопровождаемой тоталитарным принуждением, постоянно вводящей человека в искушение, то такую систему, напротив, нельзя считать гуманной и соответствующей человеческой природе. Неэффективность, основанная на ошибочной мотивации, ведет к дефициту. Дефицит же сужает материальные возможности для нравственного поведения. Плановая экономика с ее ошибочной мотивацией и неэффективностью фактически толкает людей на то, чтобы жульническим путем добиваться привилегий, вести теневую экономическую деятельность, обманывать и обделять соседей, чтобы улучшить собственное материальное положение. Поддерживать плановую экономику можно только путем принуждения, контроля и насилия. Люди, желающие следовать моральному императиву, вынуждены постоянно идти против предлагаемых стимулов и терпеть значительные издержки, не только материального характера. Подобная система коррумпирована и порождает коррупцию. Она извращает основы сосуществования людей. Система, которая не позволяет индивидууму самому нести ответственность за собственную жизнь, самому ставить цели и достигать их, заботиться о близких, не может считаться гуманной и соответствующей человеческой природе.

В меморандуме «Кружка Бонхёффера» Ойкен и его соратники когда-то сформулировали эту мысль следующим образом: *«Даже лучший экономический порядок открывает для власти зла возможности для вмешательства. ... Нравственная личность человека и его душа несут ущерб, если он в условиях свободной конкуренции безудержно предается борьбе за земные блага. Но не меньше нравственность и душа его страдают тогда, когда он, служа обожествленному коллективу, подвергается эксплуатации или эксплуатирует других»* (Bonhoeffer-Kreis, 1979. S. 129–130).

Из-за ранней скоропостижной кончины автора книга Ойкена смогла выйти лишь после его смерти. Ее основная идея состоит в следующем: *«Порядок конкуренции способен правильно согласовывать инвестиции между собой на длительную перспективу, поскольку его инструмент — ценовая механика — позволяет ему обнаруживать диспропорции и затем корректировать их. В этом его преимущество перед другими системами. ... Без порядка конкуренции не может возникнуть дееспособное государство, а без дееспособного государства невозможен порядок конкуренции»*. Отношения с государством, лежащие в основе его концепции «конкурентного порядка», знаменитый экономист Фрайбургской школы четко формулирует в нескольких фразах: 1. *«Политика государства должна быть нацелена на то, чтобы распуснуть экономические властные группировки или ограничить их функции. Любое укрепление властных группировок усиливает неофеодальное снижение авторитета государства»*. 2. *«Экономическая деятельность государства должна быть направлена на создание форм экономического порядка, а не на регулирование экономического процесса»*.

В условиях рынка, где действует конкуренция, мы никогда не говорим лишь об одном отдельно взятом товаре, речь всегда идет о множестве товаров. Можно посмотреть на ситуацию и с другой стороны: существует неограниченное число рынков, связанных между собой. Таким образом, процесс оценки, состоящий в поиске соответствия между спросом и предложением, осуществляется одновременно для множества товаров и услуг.

Рынок – это не только рынок

Голосование
кошельком

В принципе рынок представляет собой грандиозный плебисцит: когда предприятие выводит продукт на рынок, потребителям одновременно предлагается своим кошельком отдать голос за или против этого продукта. Некоторые продукты сразу начинают пользоваться повышенным спросом, а неудачные новинки тихо и бесшумно исчезают с рынка, зачастую всего за несколько недель. Если производителю не удастся убедить достаточное число людей приобрести новый продукт, доходы быстро перестают покрывать его производственные издержки и в конце концов производство приходится останавливать. Достаточно вспомнить о странных йогуртах со вкусом помидоров или огурцов, появившихся в супермаркетах в 90-е годы. Всего через несколько недель они исчезли.

Рынок –
естественная
часть жизни
общества

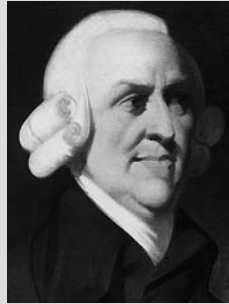
Под рынком, однако, мы понимаем не обычный базар или супермаркет. Рынок – это не только рынок. Это и электронная торговля, и биржа, и любая реальная или виртуальная площадка, на которой разные люди, стремящиеся что-то продать, встречаются с людьми, желающими что-то приобрести. Эти люди конкурируют между собой и, возможно, осуществляют обмен. Понятие «рынок» – это лишь термин, означающий добровольный взаимовыгодный обмен. Поскольку коммуникация, контакты и обмен разного рода с другими людьми лежат в природе человека, большинство рынков, как правило, возникает спонтанно. Рынки – это неотъемлемая и естественная часть жизни человеческого общества, подавить которую не удавалось даже в условиях социализма. В условиях рынка разные интересы различных людей приводятся в равновесие.

Наследие Адама Смита

Впервые эта идея, однако, была сформулирована отнюдь не неолибералами и Вальтером Ойкеном, а гораздо раньше. Она принадлежит прежде всего шотландскому ученому Адаму Смиту, представителю моральной философии, жившему примерно в одно время с Иммануилом Кантом

Адам Смит

Адам Смит (1723–1790) – экономист, представитель моральной философии. Родился в семье шотландского таможенного чиновника, скончавшегося еще до его рождения. Изучал философию в Университете Глазго и в Оксфорде. В 1751 году назначен профессором логики в Университете Глазго. Годом позже возглавил кафедру моральной философии того же университета, став на этой должности преемником своего учителя Фрэнсиса Хатчесона. Близким другом Смита был философ Дэвид Юм. Первым крупным произведением Смита стала работа «Theory of Moral Sentiments» (1759) – «Теория нравственных чувств», основанная на материалах лекций, прочитанных им в Университете Глазго.

Благодаря авторитету в научных кругах, приобретенному Смитом после этой первой крупной публикации, он получил высокооплачиваемое место наставника герцога Баклю. Ради этого места Смит отказался от профессорской кафедры и вместе со своим воспитанником отправился в образовательную поездку по Франции и Швейцарии, длившуюся несколько лет. Там Смит встречается с такими величайшими мыслителями того времени, как Вольтер, Анн Робер Жак Тюрго и Франсуа Кене, и все больше задумывается о законах экономики. После возвращения из путешествия Смит десять лет провел в своем родном городке Керколди, приводя в порядок записи и работая над обширным экономическим исследованием – своей знаменитой двухтомной работой «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» (1776) – «Исследование о природе и причинах богатства народов». Позже Адам Смит, так же как ранее его отец, становится таможенным чиновником, получив место таможенного комиссара в Эдинбурге. В университет он не вернулся и продолжал давать частные уроки.

Работы Адама Смита относят к наследию Шотландского просвещения, прогрессивного философского течения второй половины XVIII столетия, основывавшегося на эмпирическом наблюдении и практическом разуме. От физика и философа Исаака Ньютона (1643–1727), которого иногда называют величайшим ученым всех времен, мыслители Шотландского просвещения унаследовали убеждение в возможности путем наблюдения за действительностью понять лежащие в ее основе законы природы. Цель состояла в том, чтобы обнаружить закономерности поведения человека и следующие из них структурные принципы жизни общества.

(у которого, кстати, тоже были шотландские предки). Благодаря идее о том, что при свободном обмене, осуществляемом в соответствующих институциональных рамках, в обществе стихийно достигается баланс интересов, Адам Смит до сих пор считается отцом-основателем современной экономической теории. Своими работами он создал теоретическую базу классического либерализма в его экономических аспектах.

**Экономическая
деятельность
в личных
интересах
не противоречит
общему благу**

В обеих своих главных работах Смит объясняет гармоничную, руководствующуюся принципом взаимности самоорганизацию общества на основе отношений добровольного обмена. В соответствии с этим и обычная коммерческая деятельность, основанная на личном интересе, также служит общему благу. Здесь механизм, получивший метафорическое название «невидимая рука рынка», действует на благо каждого. Благодаря распространению разделения труда на открытых рынках достигается рост благосостояния.

Невидимая рука

В своих исследованиях о «Богатстве народов» Смит описывает системную логику рынка на основе индивидуальных действий, объясняет игру мотивов, проводит дифференциацию между индивидуальной этикой и этикой порядка, касается вопроса возникновения и пользы разделения труда, обосновывает свободную торговлю. Свои выводы он делает на основании логичного и относительно простого предположения о естественной склонности человека к торговле с другими людьми. При этом человек прежде всего следует своим собственным эгоистическим интересам. Однако он должен думать и о благе своего контрагента, иначе тот быстро найдет себе другого партнера.

Процессы обмена осуществляются только тогда, когда от них выигрывают обе стороны, то есть на основе взаимности. Взаимность, или обоюдная выгода – вот тот механизм, на котором держится система. В результате, как сформулировал Адам Смит в одном из самых известных своих высказываний: *«Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить*

свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов».

Метафору «невидимая рука» Адам Смит использовал в «Богатстве народов» лишь единожды, в связи с экспортом. В то же время эта метафорическая идея пронизывает всю книгу. Автор приходит к выводу, что индивидуум, ведомый невидимой рукой, *«движется к цели, преследовать которую он ни в коей мере не намеревался».* Это означает, что рынок представляет собой систему, которая выдвигая лишь незначительные требования к нравственности индивидуума, обладает огромной координирующей силой только благодаря тому, что она правильно создает стимулы для каждого из участников.

Главную роль в порядке конкуренции играет гибкая цена. Для того чтобы был достигнут оптимальный баланс между спросом и предложением, необходима функционирующая ценовая система, свободная от искажений, а для этого нужна конкуренция. Однако конкуренция всегда означает соперничество. Естественно, конкуренцией не могут быть довольны все, во всяком случае, она не приносит радости тому, кто в конечном итоге проигрывает в конкурентной борьбе. Это касается не только экономики, в спорте ситуация схожа. Однако если стремиться к высочайшим достижениям — а именно в этом состоит идея любого соревнования, — то нельзя наградить призом каждого из участников. Участники могут рассчитывать на симпатию, уважение и сочувствие, но награду не могут получить все. Награда эксклюзивна, и цель ее — создать стимул для приложения максимальных усилий.

Поставщики в мире бизнеса ведут постоянную борьбу за покупателя, поэтому они стараются предложить максимально инновационный продукт по минимально возможной цене. Если речь идет об обычных товарах, а не о предметах роскоши, то реальные издержки поставщика при идеальных условиях конкуренции раскрываются в той минимальной цене, по которой поставщик в состоянии предложить свой продукт. Покупатель же, в свою очередь, демонстрирует силу своего стремления приобрести продукт по той максимальной цене, при которой его спрос продолжает сохраняться. Таким образом, в любой цене, по которой в результате продается и поку-

Главную роль
играет гибкая
цена

пается товар или услуга, скрыта оценка всех участников рынка. При этом конкуренция гарантирует, что в результате выигрывает тот поставщик, который способен производить с наименьшими издержками, и тот покупатель, чье явное стремление приобрести товар или услугу будет сильнее. Таким образом, порядок конкуренции позволяет реализовать принцип «клиент всегда прав».

Принципы конкурентного порядка

**Абстрактные
правила порядка
с универсальным
действием**

Однако вернемся к Ойкену. В своей системе основных принципов он выделяет семь «конституирующих» и четыре «регулирующих» принципа, которые должны реализовываться при формировании порядка конкуренции. Возможно, эти обозначения покажутся несколько громоздкими. Тем не менее имеет смысл вновь открыть для себя скрытые за ними принципы. «Конституирующие» принципы, лежащие в основе порядка конкуренции и создающие его, представляют собой абстрактные правила порядка с универсальным действием. Они формулируют рамочные условия, являясь таким образом необходимыми столпами конкурентного порядка. К ним относится базовый принцип — дееспособная система цен, а также примат денежной политики, открытые рынки, частная собственность, свобода заключения договоров, личная имущественная ответственность и постоянство экономической политики.

«Регулирующие» же принципы, направленные на обеспечение функционирования системы, показывают, где в рамках существующих условий и правил в стихийные результаты рыночных процессов должна вмешиваться экономическая политика, чтобы обеспечить действенность конституирующих принципов и максимально обеспечить порядок конкуренции. К регулирующим принципам относятся: контроль над монополиями, политика в области доходов (и их перераспределения), корректировка внешних эффектов (экономический расчет) и осознанное вмешательство в случае возникновения аномального предложения на рынке труда.

Эти принципы, возможно, не столь универсальны, как конституирующие принципы, поскольку их кон-

кретное проявление зависит от ситуации и соответственно может быть расширено. Однако их основная направленность в любом случае одна: регулирующие принципы служат тому, чтобы обеспечить действенность конституирующих принципов.

4. ВСЕ ДЕЛО В ЦЕНАХ

Конституирующие принципы конкурентного порядка

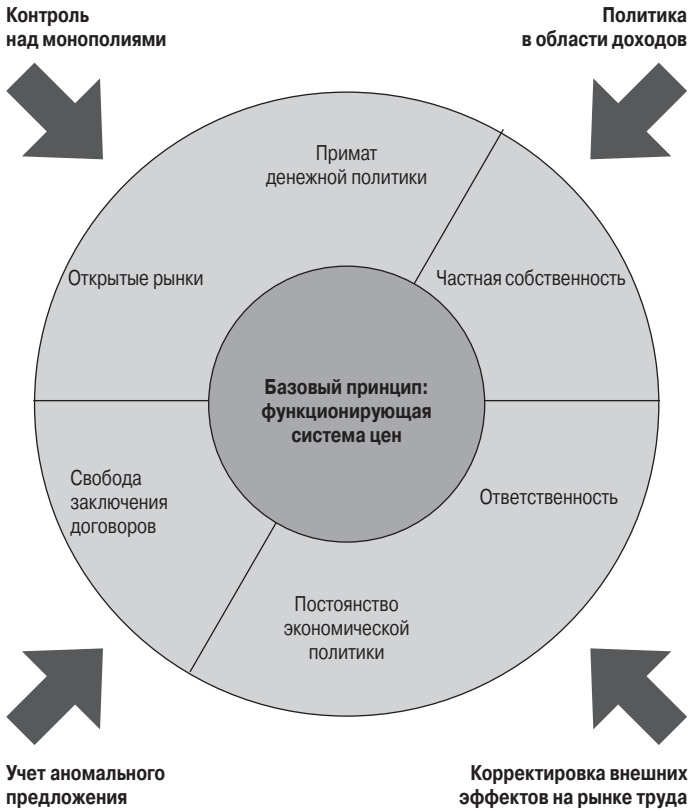
Общий план строительства

Среди конституирующих принципов конкурентного порядка, сформулированных Вальтером Ойкеном, есть определенная иерархия. При этом все принципы, и конституирующие, и регулирующие, неразделимы между собой. Ойкен пишет, что каждый отдельный принцип *«приобретает смысл лишь в контексте общего плана строительства порядка конкуренции»*. Принципы дополняют друг друга, они комплементарны. Ключевую роль в обеспечении конкурентного порядка, разумеется, играет наличие дееспособной ценовой системы. Задача всех остальных принципов – укреплять этот базовый принцип. Поэтому на рис. 1 конституирующие принципы располагаются вокруг данного всеохватывающего основного принципа. Регулирующие принципы влияют на весь этот комплекс извне.

Первый принцип: Функционирующая система цен

Информация об изменяющихся дефицитах и предпочтениях

Функционирующая система цен – базовый принцип конкурентного порядка. Соотношение цен содержит информацию о меняющихся дефицитах товаров и услуг на рынке и предпочтениях потребителей. Цены, имплицитно сообщая о прибылях и убытках, контролируют всех участников процесса и обеспечивают эффективное использование ограниченных ресурсов. Таким образом, направляющая функция неискаженных цен в

Источник: Schüller A., Krüsselberg H.-G. (Hg.). Grundbegriffe zur Ordnungstheorie und Politischen Ökonomik. Marburg, 1991. На русском языке см.: Анализ экономических систем: основные понятия теории хозяйственного порядка и политической экономики / Под общ. ред. А. Шюллера и Х.-Г. Крюссельберга / Пер. с нем. М., 2006. Составлено Романовой Е.В.

Рисунок 1. «Конституирующие и регулирующие принципы конкурентного порядка»

их соотношении друг с другом являются стержнем социального рыночного хозяйства. Меры экономической политики, преследующие цели общественного, экологического или иного характера и осуществляемые путем вмешательства в механизм ценообразования, действуют разрушающе на эти социально значимые функции

рынка. Одновременно они часто приводят к реакции, сводящейся к попытке обойти эти меры, и к побочным эффектам, приводящим к результатам, обратным желаемому. Ойкен подчеркивает: *«Основная цель состоит в том, чтобы обеспечить функциональность ценового механизма. Любая экономическая политика, которой это не удастся, потерпит фиаско».*

Что конкретно это означает? По мнению Ойкена, политике запрещено вмешиваться в ценообразование. Необходимо избегать любых действий, меняющих соотношение цен: субсидий, принудительных государственных монополий, иных ограничений конкуренции любого рода, замораживания цен и запретов на импорт. Все меры экономической политики должны следовать одной заповеди: они должны действовать для всех участников рынка, то есть не допускать или, во всяком случае, сводить к минимуму любую дискриминацию и искажение ценообразования. Этой заповеди необходимо следовать всегда, особенно в периоды кризиса.

Здесь Ойкен не допускает двоякого толкования: *«Нельзя реализовывать политику регулирования конъюнктуры, которая под воздействием возникшего кризиса препятствует функционированию ценовой системы или парализует ее. Это касается валютных ограничений, кредитной экспансии и тому подобных мер».* К этому мало что можно добавить. Стоит разве что с сожалением упомянуть о премии за утилизацию автомобилей, красиво названной «экологической премией». С помощью этой меры в Германии «Большая коалиция», состоящая из СДПГ и ХДС/ХСС, в 2009 году старалась справиться с рецессией, вызванной финансовым кризисом. Успех был достигнут весьма умеренный, а эффекты искажения, наблюдавшиеся на рынке, представляются очень опасными: искусственно изменилось соотношение между нынешним и будущим спросом в автомобильной промышленности, между спросом на новые и поддержанные машины, между спросом на малолитражные автомобили и дорогие лимузины, оснащенные по последнему слову техники, и в целом между спросом на автомобили и другие потребительские товары длительного пользования.

Сигнальная функция цен

Избегать искажения цен так важно потому, что только в этом случае они способны выполнять свою сигнальную функцию, выступая в качестве шарнира между спросом и предложением. Если эта функция не выполняется, это чрезвычайно негативно сказывается на общеэкономической эффективности и динамике. Как работает этот шарнир, когда функция его не нарушена? Если на рынке один из товаров дороже другого, это сигнализирует о том, что предложение этого товара меньше, либо как минимум о том, что этот товар выше ценится (причины этого, однако, в каждом конкретном случае требуют обоснования). К этому соотношению ограниченного предложения приспосабливаются и поставщики, и покупатели, в результате чего достигается баланс.

Механизм прост: если цены повышаются, спрос сокращается; если они падают, спрос растет. Когда цены, которые продавцы могут получить за свой продукт, растут, поставщики расширяют предложение, поскольку они получают возможность увеличить обороты. Когда цены падают, они сокращают предложение, в том числе и в надежде на то, что готовность покупателей платить за товар возрастет. Так с незапамятных времен действуют виноделы в Бордо, так же поступает и ОПЕК — организация (или картель) стран-экспортеров нефти. Когда цена на нефть возрастает, у всех стран ОПЕК появляется стимул увеличить добычу, поскольку в результате они могут ожидать дополнительного роста оборота. В большинстве случаев они, однако, стремятся оставить добычу на прежнем уровне, чтобы цены продолжали повышаться: тогда обороты и дальше будут расти, а им не придется выкачивать больше нефти из своих скважин. В этом состоит природа картелей. Вышеописанную функцию шарнира, которую выполняют цены, экономисты на своем профессиональном жаргоне называют «аллокативной регулирующей функцией» цен, говоря о том, что «народнохозяйственные ресурсы» благодаря конкуренции направляются в наиболее эффективные «сферы применения».

Однако это еще не все. В любом обществе задача экономики не ограничивается тем, чтобы обеспечить опти-

**Шарнир
между спросом
и предложением**

Оптимальное
использование
локального
знания

мальное использование имеющихся ресурсов. Неверно уже само понятие «имеющиеся ресурсы», поскольку оно предполагает, что некий центральный орган хотя бы теоретически должен знать обо всех этих ресурсах. Но ведь это не так. Задача, которую система цен решает полностью самостоятельно, в гораздо большей степени состоит в том, чтобы обеспечить наиболее эффективное использование всех ресурсов, знаниями о которых обладают (и могут обладать) только отдельные личности. Таким образом, задача состоит в оптимальном использовании децентрализованного «локального» знания, то есть знания, которым никто не владеет в полной мере. Решение этой задачи по координации действительно граничит с чудом.

Особую важность этот факт приобретает, если учесть, что мера доступности товаров и услуг может меняться. Допустим, пекарь, выпекающий пироги со сливами и яблоками, обнаружил, что сливы урожая этого года в его регионе поражены личинками. Если он тем не менее продолжает печь пироги со сливами, он вынужден будет для этого закупать сливы в другом регионе, где дождей было меньше. Если выразить это языком микроэкономики, у него появляется фактор, ведущий к увеличению затрат при производстве пирогов со сливами. Это вынуждает пекаря либо отказаться от продажи пирогов со сливами, либо предлагать их по более высокой цене — дороже, чем раньше и дороже, чем пироги с яблоками, в производстве которых этого фактора, вызвавшего скачок цены, не наблюдалось. Клиентов подорожание пирогов со сливами, конечно, не порадует, однако для них в этом факте скрывается полезная информация: изменение цены будет сигналом того, что имеет смысл перейти на пироги с яблоками, если, разумеется, покупатель не испытывает к ним стойкого отвращения.

Чудо
координации

То же наблюдается и в мире моды. Кто-то в маленьком городке запускает слух, что вновь в моду вошли так называемые платки «арафатки», как это уже было в начале 80-х годов. Спрос подскакивает, платков не хватает, торговцы потирают руки и постепенно повышают цены. Производителю подобный скачок однозначно показывает, что имеет смысл наращивать производство, и ткацкие станки начинают работать на полную мощность. Вскоре

производитель способен поставить новый товар. В этом состоит удивительная функция цен как источника информации. Не будет преувеличением, если мы назовем это чудом передачи информации и координации. Чем еще это можно считать, если информация о незначительном дефиците или внезапном скачке спроса в одной точке распространяется по всей системе, причем никто для этого специально не предпринимает никаких действий, и все участники процесса без единого слова верно адаптируют свое поведение к изменившимся условиям?

Таким образом, направляющая и информирующая функция по возможности свободных от всякого искажения цен (относительных, но находящихся во взаимосвязи) лежит в основе конкурентного порядка, а значит, и социального рыночного хозяйства. Эту функцию необходимо сохранять. Именно это имели в виду первые представители неолиберального течения, когда они говорили о том, что любые вмешательства должны «соответствовать рынку»: функцию системы ценообразования нельзя нарушать. Цены не должны исказиться.

О горах масла и холмах из клубники

Если цены искусственно удерживаются на низком уровне, это в сравнении с естественной ситуацией ведет к повышенному спросу и пониженному предложению. Если же цены искусственно завышаются, это снижает спрос и повышает предложение. Люди адаптируют свое поведение к ценам, которые в этом случае дают искаженную картину доступности товаров и услуг. Из повседневной жизни можно привести множество примеров: достаточно вспомнить меры по поддержке уровня цен в сельском хозяйстве стран-членов ЕС, которые привели к скандалам, вызванным появлением легендарных озер из молока и вина, к горам сливочного масла и говядины, холмам из клубники и т.п. Обычный гражданин, руководствуясь здравым смыслом, в раздражении назовет это расточительством. Ошибочная аллокация ресурсов, скажет экономист, имея в виду то же самое.

Как правило, минимальные и максимальные цены вводятся из лучших побуждений. Политики таким образом реагируют на громкие жалобы поставщиков, кото-

Благие намерения не означают эффективных действий

рые не могут выжить при низких ценах, либо покупателей, которые не способны платить столь высокие цены за товары и услуги. При этом политики осуществляют эти меры при поддержке населения. Ведь стоимость аренды жилья должна оставаться на приемлемом уровне, крестьяне должны зарабатывать, а цены на продукты питания тем не менее быть доступными. Но часто благие намерения приводят к обратным результатам, а тот, кто желает подобного вмешательства, что-то выигрывает на короткое время, но остается в проигрыше в длительной перспективе. Ограничение стоимости аренды жилья приводит к тому, что жилой фонд приходит во все более плачевное состояние, потому что собственники не получают должных доходов от сдачи квартир и у них не остается средств на ремонт и инвестиции. Если сдача квартир в аренду себя не оправдывает, для этих целей строится все меньше зданий. В случае же с установлением минимальных цен на молоко в сельском хозяйстве создается стимул для перепроизводства, в результате чего разливаются все известные молочные реки.

К примеру, в сельском хозяйстве призыв к субсидиям вполне объясним. Тем не менее они таят в себе опасность. Даже целей, которые ставятся при их введении, они, как правило, не достигают, поскольку приносят пользу не тем, кому предназначались изначально. Они не поддерживают малые семейные предприятия, они не помогают бедным домохозяйствам. Во-первых, поскольку размер субсидий, как правило, напрямую зависит от объема производства, семейные фермерские хозяйства получают от них меньше пользы, чем крупные аграрные предприятия, материальное положение которых в большинстве случаев не так уже плачевно. А бедные домохозяйства больше других страдают от завышенных цен на аграрную продукцию, поскольку именно на продукты питания они тратят значительную часть своего дохода.

**Не вмешиваться
в цены!**

Вывод из вышеизложенного ясен: меры экономической политики, преследующие социальные, экологические и иные цели и предполагающие для этого вмешательство в ценообразование, всегда имеют побочные эффекты, как правило, вредные. Эти побочные эффекты могут быть столь существенны, что перестают быть побочными и становятся основными. Тот, кто позволяет

себе манипуляции с механизмом ценообразования, разрушает основной принцип функционирования рынка, подрывая таким образом основы социального рыночного хозяйства.

Второй принцип: Примат денежной политики

Вокруг базового принципа Ойкена — функционирующей системы цен — группируются прочие неразрывно связанные с ним конституирующие принципы, которые необходимо одновременно учитывать как неотъемлемые смежные аспекты. Второе место в каталоге занимает примат денежной политики, под которым имеется в виду стабильность валюты. Необходим стабильный курс денежной единицы на внешнем и внутреннем рынке. Инстанции, занимающиеся финансовой политикой и обладающие правом эмиссии, обязаны препятствовать инфляции и дефляции, выходящей за рамки допустимых погрешностей. Финансовая политика также не должна использоваться в качестве инструмента конъюнктурной политики. Государственным органам следует воздерживаться от целенаправленного воздействия на курс национальной валюты на внешнем рынке (например, с целью содействия экспорту), тем более что подобные шаги быстро приводят к абсолютно не эффективному обесцениванию валюты во всех странах.

Стабильный внутренний и внешний курс валюты необходим, чтобы избежать искажения естественных относительных оценок нынешних и будущих расходов в собственной экономике и экономиках других стран.

Что это означает на практике? Центральный банк должен быть независим, чтобы защититься от политического влияния. Его задачи должны быть четко и однозначно направлены на обеспечение стабильности валюты и не касаться целей, связанных с конъюнктурой. Не везде это так: Федеральная резервная система США, американский Центральный банк, имеют обе эти функции. Однако к чему приводит ситуация, когда по причинам, связанным с конъюнктурой, снимаются ограничения в финансовой политике и нарушается ста-

**Стабильный курс
валюты
на внешнем
и внутреннем
рынке**

Зачем вообще нужны деньги?

Зачем человечеству вообще нужны деньги? Для чего монеты и банкноты? Почему просто не обмениваться предметами? Когда-то все происходило именно так: люди обменивались вещами. Но если бы граждане такой большой страны, как Германия, пожелали бы осуществлять все расчеты лишь путем натурального обмена, по принципу «за кочан савойской капусты – две венские сосиски, за два кочана – газета «Франкфуртер альгемайне», жизнь их весьма усложнилась бы. Деньги – будь то в виде монет, банкнот, чеков, банковских карт или электронных платежных средств – упрощают расчеты и экономят время и силы. Деньги предлагают всем и каждому универсальный стандарт. Они облегчают оценку стоимости и сравнение цен. Кроме того, деньги проще хранить, и хранятся они дольше, чем скоропортящиеся товары. Может быть, газету интересно будет прочесть и через много лет после ее выхода, но кому нужна старая сосиска? Однако деньги имеют преимущество перед оплатой в натуральной форме только в том случае, если деньги не портятся (в переносном смысле, разумеется), то есть если их стоимость с течением времени сохраняется.

бильность валюты, мы видим по пузырям на американском рынке недвижимости, возникновение которых вылилось в международный финансовый и экономический кризис. Для Вальтера Ойкена это было ясно всегда: *«Если удалось бы снабдить валютную систему стабилизатором курса, можно было бы надеяться, что вместо постоянных перемен конъюнктуры, то есть в периоды дефляции и инфляции, как это до сих пор происходило в прошлом из-за конструктивных недостатков существующих валютных систем, проявилась бы имманентная порядку конкуренции тенденция к равновесию».*

Таким образом, для того чтобы цены могли эффективно играть свою роль, недостаточно исключить стороннее вмешательство в ценообразование. Гораздо большее значение имеет функционирование финансовой системы в целом. Денежная система должна работать.

Инфляция несправедлива

Инфляция вредит всем

Действительно, не только искажения цен, но и значительные изменения общего их уровня, наносят вред, независимо от того, поднимается уровень цен или опуска-

ется. В целом инфляция сейчас перестала быть чем-то необычным. Тем не менее она опасна. Снижение стоимости денег наносит вред всем, кому нужно что-то приобрести, то есть потребителям, и прежде всего наименее состоятельным из них. Это показывает, что инфляция несправедлива. При этом тот, у кого есть долги, может радоваться инфляции, ведь реальная стоимость долга падает. То есть те, кто не умеет распоряжаться деньгами, от инфляции еще и выигрывают. Этот принцип, кстати, работает и на уровне государства.

Считается, что умеренный рост цен, составляющий до 2%, к чему стремится Европейский центробанк, не представляет собой проблемы. Некоторые экономисты даже рассматривают умеренный уровень инфляции как позитивный фактор, оказывающий стимулирующее влияние на конъюнктуру. Бытует мнение, что потребители могут легко примириться с незначительным ростом цен. А те производители, которые не вполне осознают связь этого роста цен с общей инфляцией, будут ожидать дополнительных прибылей, и в результате это ожидание оправдается. Конечно, рост прибыли будет иллюзорным, но такая иллюзия полезна, поскольку прибавляет предпринимателям энтузиазма. Однако в целом ситуация выглядит рискованно, как игра в покер. И, если быть честным, риск действительно есть.

Особую опасность представляет собой ситуация, когда инфляция превращается в гиперинфляцию и цены начинают стремительно расти. Германия столкнулась с этим горьким опытом в 20-е годы прошлого века, когда уровень месячной инфляции доходил до 32 400%. Это означало, что в течение одной недели цены возрастали вчетверо. Зарплата, которую отец семейства получал в полдень, к вечеру значительно обесценивалась. Поэтому жены еще в полдень приходили к воротам заводов, чтобы забрать зарплату мужей и сразу же купить на эти деньги продуктов. Следствием гиперинфляции были нужда и обнищание населения.

Гиперинфляция происходит тогда, когда государству для покрытия своих расходов приходится перманентно наращивать государственный долг. В какой-то момент никто из кредиторов не будет верить в то, что страна сможет когда-либо вернуть долги. Последним выходом оста-

**Горький опыт
гиперинфляции**

ется инфляция, то есть искусственное обесценивание долгов. Если такого развития событий можно ожидать, население начинает утрачивать доверие к собственной национальной валюте и вкладывает средства в материальные ценности. В результате деньги еще больше теряют в цене. Затем этот процесс становится неуправляемым, приобретает собственную динамику и продолжает нарастать.

Дефляция тоже не лучше

**Сваливание
в штопор**

Обратный феномен, дефляция, тоже не лучше. Вследствие кумулятивного снижения цен на широком фронте происходит «сваливание в штопор» цен, прибылей, инвестиций и спроса. На первый взгляд ситуация, когда цены снижаются, а стоимость денег растет, кажется вполне позитивной. В принципе это верно. И издержки предприятий, и потребительские расходы в период дефляции снижаются, в частности благодаря резкому падению цен на сырье. Это, так же как снижение налоговой нагрузки, помогает сбалансировать общий спад и представляет собой «автоматический стабилизатор», то есть механизм, встроенный в макроэкономику и тормозящий спад и смягчающий рост, сглаживающий конъюнктурные колебания. Однако здесь тоже есть и выигравшие, и проигравшие. Выигрывают те, кому приходится нести издержки, проигрывает тот, кто зависит от оборота.

Но даже это не главное. Дефляция набирает обороты и опасна прежде всего потому, что потребители откладывают свои покупки, поскольку рассчитывают позже приобрести желаемое по более низкой цене, чем сегодня. Чем сильнее дефляция и чем дольше она продолжается, тем

Инфляция и дефляция

Колебания общего уровня цен измеряются Федеральным статистическим ведомством, которое в расчетах индекса потребительских цен за основу берет репрезентативную потребительскую корзину, представляющую собой фиктивный комплекс того, что приобретает среднее домохозяйство. Рост общего уровня цен называют «разбуханием денежной массы», или инфляцией. Под дефляцией (когда цены, так сказать, «сдуваются») понимают процесс, при котором общий уровень цен значительно снижается в течение продолжительного времени.

больше покупок откладывается на потом, а это «потом» не наступает никогда. Вызванное таким поведением сокращение оборотов значительно ухудшает ситуацию на предприятиях, не давая им покрыть издержки, и ставит под угрозу их дальнейшее существование. Товары остаются невостребованными, производственные мощности работают с неполной загрузкой. Недостаток спроса приводит к падению объема заказов, спаду производства, сокращению инвестиций и уменьшению занятости.

Происходит не только падение общего уровня цен, но и смещение соотношения цен на отдельные товары в зависимости от спроса и предложения. Покупка одних товаров чаще откладывается на более поздний срок, чем других. Предложение одних товаров труднее сохранить при сокращении спроса ниже определенного уровня, чем других товаров. В связи с этим цены меняются неравномерно, что не может не повлечь за собой эффектов для реального сектора экономики, поскольку смещение соотношения цен, в свою очередь, влияет на решения потребителей и производителей. В последний раз подобную ситуацию порочного круга мы могли наблюдать на примере Японии. Во время так называемого потерянного десятилетия в девяностые годы рост ВВП (то есть совокупной производительности экономики) не превышал там 1%.

Обязанности центрального банка

Для того чтобы избежать подобной ситуации, чреватой столь негативными последствиями, финансовая система должна быть направлена на обеспечение стабильности общего уровня цен. Стабильность валюты зависит от того, какая денежная масса находится в обращении, а это определяет эмиссионный банк, который также называется центральным банком. Если денег в обращении слишком много, это приводит к повышению цен, если слишком мало – к снижению. Эмиссионный банк должен поддерживать этот тонкий баланс, в частности путем управления денежной массой. Под денежной массой понимают все наличные деньги и средства на банковских счетах, принадлежащие частным лицам и предприятиям, то есть находящиеся в обращении вне самих банков. В решении своих задач эмиссионный банк не

**Обеспечение
стабильности
цен**

должен подвергаться влияниям, направленным на достижение иных целей экономической политики. Положительный опыт Немецкого бундесбанка (Центрального банка ФРГ) показал, что имеет смысл однозначно закрепить в законодательстве обеспечение стабильности цен как главную задачу эмиссионного банка и сделать его независимым от указаний правительства. То же было сделано в отношении Европейского центрального банка (ЕЦБ), который с начала 1999 года сменил в этой функции Немецкий бундесбанк.

От денег к кредиту

**Центробанк
как последняя
инстанция**

Одновременно центральный банк представляет собой краеугольный камень финансовой системы страны. Он держит в узде рост денежной массы. Он последняя инстанция, от которой могут получить рефинансирование многочисленные кредитные институты. Важную роль играют и коммерческие банки: они выступают посредниками при предоставлении финансовых средств во временное пользование, а это важная смазка для всего механизма экономики. Коммерческие банки действуют как маклеры между вкладчиками и заемщиками.

В общем и целом кредитная операция выглядит так: заемщику сегодня нужны средства на осуществление

Нет веры — нет кредита

Кредиты существуют с незапамятных времен. Письменные свидетельства существования кредитных институтов относятся уже ко второму столетию до нашей эры. Кредит — это обычный элемент деловых отношений, служащий для преодоления временного промежутка между моментом, когда возникает потребность в финансировании, и получением выручки. Это никак не связано с безответственной жизнью в долг. Кредиты создают возможность инвестиций и предоставляются только тогда, когда у кредитора существуют веские основания верить в возврат занятых средств (само слово «кредит» происходит от латинского «*credere*» — «верить»). Кредиты дают возможность находить альтернативные пути производства, то есть включать в производственную цепочку новые элементы, которые повышают эффективность и способствуют общему росту благосостояния общества.

инвестиции, но денег нет. Но если бы кто-то ссудил его деньгами, он мог бы вернуть завтра долг за счет ожидаемых доходов. И за это заемщик готов заплатить определенную компенсацию. У вкладчика деньги есть, но сегодня они ему не нужны. Поэтому до завтра он мог бы предоставить их во временное пользование, что он с радостью и делает, поскольку на этом можно заработать определенный процент, представляющий собой своего рода арендную плату за взятые во временное пользование денежные средства. Таким образом, возникает обоюдная заинтересованность в сделке. А коммерческие банки выступают здесь в качестве посредников, помогая потенциальным заемщикам и потенциальным кредиторам найти друг друга на финансовом рынке. Они собирают воедино различные вклады, чтобы адаптировать их по объему, срокам и профилю рисков к спросу на кредиты.

Поскольку кредитные институты имеют особое значение для функционирования экономики, для них действуют многочисленные правила на национальном и международном уровнях. Создать такие правила, которые позволят избежать системных ошибок, нелегко, это задача на длительную перспективу. В частности, это показал финансовый кризис 2008–2009 годов. В будущем многое будет зависеть от того, удастся ли выстроить для финансовых рынков новые рамочные условия, чтобы и здесь снова начали действовать конституирующие принципы Вальтера Ойкена, по возможности на международном уровне.

Третий принцип: Открытые рынки

Третий конституирующий принцип – свободный доступ на рынок, причем как на национальном, так и на международном уровне. В этом состоит существенное условие для функционирования конкуренции. Вальтер Ойкен так формулирует свой постулат: «Экономическая политика должна следовать принципу открытости рынков, поскольку при их закрытии возникает явная опасность для свободной конкуренции». Если свободного доступа на рынки нет, то есть если «спрос и предложение ограничены», то старожилы рынка, занимающие положение мо-

**Свободный
доступ на рынок**

нополистов, могут расслабиться, постепенно переставая при этом служить потребителю. Связь между отдельными рынками также нарушается. Следовательно, необходимо избегать любого рода протекционистских устремлений: таможенные барьеры и другие препятствия на пути свободной торговли, на английском называемые „*non-tariff barriers*“, необходимо устранить, новые не должны создаваться. При этом под препятствиями понимаются не только явные барьеры, но и регулирующие стандарты, фактически ограничивающие конкуренцию.

Торговля –
не игра
с нулевой
суммой

Политическая власть регулярно испытывает сильное искушение закрыть национальные рынки, ограничив таким образом свободную торговлю. В долгой истории борьбы за многосторонние соглашения о свободной торговле тому было немало примеров. В заинтересованных отечественных отраслях защита от иностранной конкуренции нередко пользуется популярностью. А интересы тех, кто опосредованно пострадает из-за сокращения доступа к более дешевым товарам, как правило, выражаются не столь явно. Так было еще во времена политики меркантилизма в XVII–XVIII веках. Тогда мысль о том, что торговля не игра с нулевой суммой, то есть что объем мировой торговли не обязательно является константой, но может постоянно расти, еще не получила широкого распространения.

Чем больше
рынок, тем
интенсивнее
разделение
труда

В начале XIX века британское правительство в ответ на наполеоновскую континентальную блокаду в очередной раз обложило ввоз зерна высокой пошлиной. И это при том, что еще до Адама Смита, который предупреждал об опасности голода в результате осуществления подобной политики, меркантилизм с его целенаправленной установкой барьеров критиковали философы Джон Локк и Дэвид Юм. В работе «Богатство народов» Адам Смит представил всеобъемлющий экономический анализ, в котором он опровергает представление о торговле как «игре с нулевой суммой» и разъясняет принцип экономического разделения труда. По мнению Смита, возможности разделения труда, способствующие благосостоянию, ограничиваются лишь пределами рынка, то есть чем больше рынок, чем ниже барьеры в торговле, тем более активно можно развивать разделение труда и тем выше будут его результаты.

Политика меркантилизма

В XVII–XVIII столетиях в абсолютных монархиях Западной Европы в экономической политике действовала доктрина меркантилизма. Среди правителей, которые пользовались этой доктриной в ее зачастую весьма различных национальных вариантах, можно назвать королеву Англии Елизавету I, Оливера Кромвеля, Фридриха II Прусского и Иосифа II Австрийского. Меркантилизм представляет собой экономический национализм. Правители и их советники стремились укрепить власть и благосостояние собственной страны при помощи искусственного расширения экспорта, осознанно делая это за счет своих торговых партнеров. Непосредственная цель состояла в том, чтобы повысить доходы страны, необходимые для финансирования чиновничьего аппарата государства Нового времени, а также дорогой наемной армии. Для этого прибегали к влиянию на торговый баланс, регулятивными мерами ограничивая импорт и поддерживая экспорт готовой продукции. Напротив, сырье можно было ввозить в неограниченных объемах, однако его нельзя было вывозить. Связанный с этим протекционизм сразу создал целую привилегированную касту. Государство реализовывало активную политику, направленную на экономический рост и развитие промышленности: оно давало новым предприятиям деньги, освобождало их от цеховых правил и налогов, допускало существование монополий, раздавало титулы и пенсии. Во внешней торговле оно устанавливало защитные таможенные пошлины, вводило премии за экспорт или квоты на импорт либо просто запрещало вывоз особенно ценных инструментов и оборудования. Оно препятствовало эмиграции квалифицированных работников и создавало государственные мануфактуры. Во время политики меркантилизма в Западной Европе было больше военных конфликтов, чем в любой другой исторический период.

Тогда Смит знал лишь об абсолютных преимуществах торговли. Однако в 1817 году Давид Рикардо смог представить преимущества торговли в еще более широком контексте. Даже в том случае, если одна страна способна производить два товара дешевле, чем другая, ей имеет смысл специализироваться на том товаре, где у нее есть большее преимущество в издержках производства, с тем чтобы второй товар производился в другой стране. Здесь страна достигает «сравнительного преимущества в издержках».

Разумеется, с XIX столетия методы и модели экономической теории подверглись некоторому уточнению, однако в общих чертах теория внешней торговли со вре-

мен Смита и Рикардо осталась неизменной: свободная торговля себя оправдывает. Принципиально не подлежит сомнению, что международное разделение труда приносит пользу всем участникам. Негативное воздей-

Давид Рикардо и Ричард Кобден

Давид Рикардо (1772–1823) – британский экономист. Родился в Лондоне в еврейской семье. Отец был биржевым маклером. Сам Рикардо, начав профессиональную деятельность также биржевым маклером, быстро разбогател и в возрасте сорока двух лет оставил активную деятельность, чтобы посвятить себя науке и политике. Опубликовал ряд статей и исследований. С 1819 года был депутатом Палаты общин, выступая там за свободу торговли и отмену

хлебных законов (таможенных пошлин и запретов на импорт с целью защиты отечественного сельского хозяйства). Помимо теории внешней торговли, известна его теория земельной ренты и теория стоимости, на которую позже опирался Карл Маркс.

Ричард Кобден (1804–1865) – частный предприниматель, занимался текстильным производством. Один из ведущих представителей британского движения за свободу торговли. В 1839 году основал «Лигу против хлебных законов» («*Anti-Corn Law League*»), посредством которой боролся с барьерами в торговле зерном. В детстве он сам пострадал от голода, вызванного следствием торговых барьеров. «Лига против хлебных законов» публиковала брошюры,

собирала подписи и подавала петиции в Палату общин, чтобы добиться отмены хлебных законов. В 1841 году Кобден был избран депутатом Палаты общин. В 1846 году при премьер-министре Роберте Пиле хлебные законы наконец были отменены. В 1860 году Великобритания и Франция заключили двухстороннее соглашение о торговле, в рамках которого только британская сторона отменила почти 400 таможенных пошлин. Позже к соглашению присоединились другие страны.

ствии могут испытать отдельные отрасли и их работники, если они проиграют в конкурентной борьбе, как однажды отметил американский лауреат Нобелевской премии Пол Энтони Самуэльсон в одной из своих известных работ. Однако эта проблема, как признавал сам Самуэльсон, возникает на уровне национального распределения и не представляет собой аргумента против свободной торговли.

Четвертый принцип: Частная собственность

С философской точки зрения право частной собственности выводится из естественного права. Каждый человек считается собственником самого себя. Исходя из этого индивидuum располагает первоочередным правом распоряжаться плодами своего труда. С чисто функциональной точки зрения защита частной собственности представляет собой также важную опору порядка конкуренции: только тот, кто может быть уверен в своей возможности распоряжаться тем, чем владеет, может делать это ответственно и в полной мере участвовать в конкуренции. Этот принцип равным образом распространяет свое действие на всех граждан и должен сопровождаться эффективной политикой поддержки конкуренции.

Вальтер Ойкен рассматривает частную собственность не как нечто абсолютное, а в связи с определенной функцией. У частной собственности нет иной задачи, кроме выстраивания порядка конкуренции. Этой функцией частная собственность связана изначально. Ойкен писал: *«Частная собственность при полной конкуренции означает следующее: а) право и свободу распоряжения собственностью в интересах народного хозяйства; б) невозможность ограничивать право и свободу других собственников распоряжаться собственностью, что нанесло бы вред обществу. <...> Частная собственность на средства производства нуждается в контроле посредством конкуренции».*

Здесь, помимо прочего, важны слова «в интересах народного хозяйства» и «контроль посредством конкуренции». Право собственности не абсолютно и не бесконечно, оно всегда должно быть ограничено правами

собственности других лиц, конкуренцией и ответственностью. Статья 14 Основного закона ФРГ гарантирует частную собственность. В соответствии с ней каждый имеет право распоряжаться своей частной собственностью, пользоваться ей для личного потребления, для извлечения дохода или инвестиций, сдавать в аренду, налагать на нее обременения, продавать ее, дарить или передавать по наследству.

Однако в соответствии с духом идей Вальтера Ойкена Основной закон сопровождает гарантию частной собственности известной оговоркой о социальной ответственности: «Собственность обязывает». Никто не имеет права использовать свою собственность явно во вред обществу. В уже процитированном меморандуме «Кружка Бонхёффера» Ойкен вместе со своими соратниками записал следующее: *«Любая собственность сопровождается социальными обязательствами, которые не только должны препятствовать владельцу злоупотреблять собственностью для эксплуатации ближнего, но и требуют от него всем своим имуществом приносить пользу обществу. Конкуренция и свобода инициативы, играющие столь большую роль в предлагаемом нами хозяйственном порядке, также таят в себе риски морально-нравственного характера. Любая экономика, построенная на свободной конкуренции, в том числе и с государственным регулированием, нуждается в морально-нравственных механизмах для противодействия частному эгоизму, чтобы тот не разрастался и не вытеснял идею о службе общему»* (Bonhoeffer-Kreis, 1979. S.94).

**Собственность
освобождает
человека**

Чрезвычайно важно, чтобы в частной собственности наряду с личной рабочей силой и знаниями индивидуума могли находиться материальные ценности и денежные средства, поскольку частная собственность освобождает человека, обеспечивая ему независимость и уверенность в завтрашнем дне. Она же являет собой основу ответственности.

Собственность мотивирует

Собственность мотивирует. К вещи, которая кому-то принадлежит, относятся более бережно. Если же люди полагают, что некая вещь не принадлежит никому, к ней

относятся с меньшим уважением. При социализме старые здания, находившиеся в так называемой муниципальной собственности и таким образом фактически не принадлежавшие никому, не только не получали должного ухода, более того, они подвергались настоящему разграблению: паркет использовали на дрова, выкручивали предохранители, выламывали из стен трубы. Попробовал бы кто-нибудь сделать подобное с частными жилыми домами...

За частную собственность человек ощущает ответственность. Именно поэтому собственники, как правило, принимают более эффективные решения. Следуя своим собственным интересам, они внимательно следят за своей собственностью, чтобы она использовалась разумно и не теряла в стоимости. Собственность, кроме того, предполагает защиту от притязаний на нее со стороны других частных лиц, а также общества или государства. Даже государство не может просто взять и лишить гражданина собственности. Разумеется, допускается отчуждение собственности в интересах общества, но такие случаи требуют веских обоснований и должны оставаться абсолютным исключением из правил. Налоговая нагрузка также не должна быть чрезмерной, чтобы не истощать собственность.

Для порядка конкуренции социального рыночного хозяйства частная собственность имеет столь большое значение еще и потому, что она представляет собой основу для децентрализованного принятия решений. Децентрализация принятия решений обеспечивает динамику. При социализме все, что должно происходить в экономике, определялось госпланом. Четко фиксировались объемы производства, определялись количественные и качественные параметры использования производственных факторов. Проблема состояла в том, что такая система была абсолютно статичной. Она не способна реагировать, если люди меняют свои предпочтения в сравнении с ранее утвержденным планом. Система также не способна к реакции, когда люди не могут или не хотят обеспечить такую производительность труда, какую требует план; она не способна учитывать развитие техники.

Таким образом, центральное планирование весьма самонадеянно. Специалисты, составляющие подобный план, бесосновательно исходят из того, что они знают все,

**Основа для
децентрализо-
ванных решений**

что знают граждане. Теоретически выполнить эту задачу невозможно было бы даже с помощью гигантского компьютера, в который бы ежечасно или даже ежеминутно вносились бы все необходимые актуальные данные. Компьютер способен на основании данных, доступных на конкретный момент времени, рассчитать некие балансы для текущей ситуации. Однако ни один компьютер нигде в мире не сможет запускать свободно развивающиеся динамические процессы и создавать абсолютно новое знание.

Именно в этом и состоит преимущество порядка конкуренции, лежащего в основе социального рыночного хозяйства. Конкуренция, как выразился когда-то Фридрих Август фон Хайек, представляет собой «процесс открытий». Конкуренция дает возможность двигаться вперед методом проб и ошибок, поддерживая таким образом стремление к инновациям во всем обществе. В условиях конкуренции проводится постоянная проверка того, какие продукты и процессы находят себе место в обществе. Только в условиях конкуренции возникает динамика и изобретается нечто новое.

Пятый принцип: Свобода заключения договоров

**Добровольность
принятия всех
экономических
решений**

Пятый конституирующий принцип, сформулированный Вальтером Ойкеном, – свобода заключения договоров. Порядок конкуренции основан на том, что экономические решения принимаются децентрализованно и добровольно. Отдельные предприятия и индивидуумы по обоюдному согласию заключают о своих операциях договоры на совместно определенных условиях. Так действуют клиент и продавец у мясного прилавка, работник и работодатель, ведущие переговоры о величине зарплаты, производитель и покупатель при заключении контракта на поставку товара. И в этом никто и никогда не должен им препятствовать. Лишь в том случае, если законное право распоряжаться собственностью, являющейся предметом сделки, не будет ограничиваться, конкуренция сможет обеспечить действительно оптимальное использование ресурсов. Принцип свободы заключения договоров Ойкен формулирует коротко

и ясно: *«Первое. Этот принцип является неотъемлемым. Второе. Принцип свободы заключения договоров не может быть использован для заключения договоров, которые ограничивали или устранили бы сам этот принцип».*

Конкретно это означает, что такие условия, подкрепленные соответствующими санкциями, как *«Визу American»* (покупайте американские товары), к которому Конгресс в Вашингтоне в 2009 году стремился привязать использование средств из широкой программы поддержки конъюнктуры, принятой правительством Барака Обамы, или аналогичные предписания в других странах, нарушают не только принцип открытости рынков, но и принцип свободы заключения договоров. Подобный подход изначально лишает целые группы потенциальных партнеров возможности участвовать в сделках. Помимо внешнеэкономических отношений, принцип свободы заключения договоров позволяет в новом критическом свете рассмотреть и многие другие случаи стороннего влияния, например обязательные для всех нормы тарифных договоров или минимальный уровень заработной платы, зафиксированный для конкретной отрасли. Дело в том, что сейчас договоренности, достигнутые между одним союзом работодателей и соответствующим профсоюзом, могут быть объявлены правительством недействительными, если оно признает договоренности другого союза работодателей с другим профсоюзом в той же отрасли обязательными для всех. А работодателя, не принадлежащего ни к одному союзу, можно принудить следовать тем же положениям, которым следуют члены союза, договорившиеся о них с профсоюзом. В обоих описанных случаях фактическая свобода заключения договоров отсутствует, поскольку отдельным участникам рынка навязывается нечто, что не соответствует их желаниям и на что они сами ни в коей мере не могли повлиять.

Шестой принцип: Ответственность

Шестой конституирующий принцип – принцип ответственности. Этот принцип имеет особое значение, что недавно весьма наглядно продемонстрировал мировой финансовый и экономический кризис. Ведь имен-

Ответственность – основа для взвешенных решений

но вследствие пренебрежения этим принципом кризис и разразился. Этот принцип играет решающую роль, потому что ответственно действует только тот, кто в полной мере отвечает за последствия своих действий. Лишь ответственность обеспечивает в условиях конкуренции соблюдение правил всеми участниками рынка и удерживает их от безудержной эксплуатации, даже в том случае, если их собственные моральные принципы в этом отношении отличаются гибкостью. Таким образом, ответственность создает основу для взвешенных решений. Благодаря ответственности можно обеспечить отказ от недопустимых средств в конкурентной борьбе, чтобы конкуренция была по-настоящему добросовестной. Выражаясь современным языком экономической науки, общий принцип ответственности включает в себя и принцип компенсации ущерба за счет виновного, который часто применяется в связи с любыми внешними эффектами. В соответствии с ним, например, предприятие, загрязняющее окружающую среду, обязано устранить нанесенный им ущерб, а тот, кто страдает от этого негативного экологического воздействия, не должен платить виновнику, чтобы тот прекратил вредные выбросы.

Ойкен в этой связи писал: *«Ответственность — это профилактическая мера против разбазаривания капитала, принуждающая к осторожному поведению на рынках»*. Как и многие неолiberaлы, Ойкен скептически относится к ограничению ответственности, имеющему место в некоторых правовых формах предприятия, таких как ГмбХ (общество с ограниченной ответственностью). Однако здесь возможен и другой взгляд. Нынешние экономисты согласны в том, что в динамичной экономике определенная мера ответственности за риск может быть увязана с ограничением ответственности. Но не вызывает сомнений одно: широкий отказ от ответственности за риски при сложных банковских сделках, предоставление бонусов и отсутствие штрафов, экстренная финансовая помощь предприятиям, которые просто ошиблись в своих экономических расчетах, переоценив свои возможности, — все это, согласно принципам Ойкена, недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Седьмой принцип: Постоянство экономической политики

Последний из семи конституирующих принципов касается политики как таковой. Не следует поддаваться искушению, рассматривая этот принцип как дополнительный и менее важный. Напротив, в связи с вопросом о роли государства формулируется весьма существенная и необходимая предпосылка. Принцип постоянства экономической политики требует предсказуемости рамочных условий, чтобы участники экономического процесса имели надежную основу для планирования. Это требование имеет общий характер и касается не только изменения правил задним числом, что в любом случае недопустимо с правовой точки зрения. Там, где государство вмешивается в стихийные рыночные процессы, чтобы скорректировать их, оно должно следовать точным, известным и прежде всего универсальным основополагающим принципам, действующим в течение длительного времени. Произвольные вмешательства для решения конкретных проблем всегда вносят неуверенность и уже поэтому причиняют вред. Если же к этому добавляются неожиданные изменения политического курса, то подготовленные ранее планы быстро теряют ценность. Ойкен пишет: *«Суетливая экономическая политика, когда часто сегодня отменяется то, что еще вчера действовало, способствует значительной неопределенности и вместе с искажением соотношения цен препятствует многим инвестициям. Отсутствует атмосфера доверия».*

Примеров можно привести множество, один из них — налоговая льгота за использование собственного автомобиля для поездок на работу в германском налоговом праве. Как бы мы ни относились к этой субсидии, которую получает работник при значительной удаленности места работы от места жительства, однозначно можно утверждать, что резкие изменения, которые мы наблюдали в прошлом, — отмена этой меры, затем ее обратное введение — были явно негативным сигналом. То же касается и колебаний ставки НДС в Германии. Для решения буржуазной коалиции НДС/ХСС и СвДП сократить налоговую нагрузку на гостиничную отрасль нелегко найти аргументы экономического характера. Подобная мера

Предсказуемость
политических
рамочных
условий

отличается непредсказуемостью, она непоследовательна и поэтому неожиданна. При этом тем, кого эта мера коснулась, пришлось прилагать значительные усилия и принимать меры административного характера, чтобы к ней адаптироваться. Это явилось для них неожиданностью и в конечном счете не было продиктовано необходимостью.

**Избегать
путаницы**

То же касается и специфических субсидий любого рода, поскольку они, естественно, поддерживают производство продуктов, которые сами по себе нерентабельны. Подобные субсидии сводят на нет экономические расчеты производителей-конкурентов, которые вынуждены адаптироваться к новым условиям и менять свою стратегию. Если же меры по поддержке прекращаются или вводятся новые, участникам рынка снова приходится переориентироваться. Это приводит к неэффективному использованию ресурсов. Помимо искажения естественного соотношения цен, что недопустимо с точки зрения порядка конкуренции, в экономической политике важно всячески избегать подобных резких неожиданных действий, ведущих к путанице на рынке.

5. ГДЕ НЕОБХОДИМА ПОМОЩЬ ПОЛИТИКИ?

Регулирующие принципы конкурентного порядка

В концепции Вальтера Ойкена конституирующие принципы конкурентного порядка дополняются и подкрепляются так называемыми регулирующими принципами. Регулирующие принципы обосновывают вмешательство государства. При этом в отличие от конституирующих принципов действуют они не на уровне конституции и правил, скорее они описывают политические действия на более низком уровне, но при этом учитывают общий порядок и направлены на его сохранение. Они указывают на точки приложения активной экономической политики в рамках конституирующих принципов конкурентного порядка. Такая экономическая политика служит единственной цели — укреплению конкурентного порядка. Ойкен видит здесь четыре направления: политика защиты конкуренции в узком смысле, которая направлена на борьбу с проблемой монополий и должна таким образом обеспечивать истинную конкуренцию; политика в области доходов (перераспределение); интернализация внешних эффектов и решение проблемы аномалий на рынке труда (минимальный уровень оплаты труда). В отличие от универсального канона конституирующих принципов список регулирующих принципов вполне может быть дополнен.

Первый принцип: Политика защиты конкуренции

**Не допускать
концентрации
экономической
власти**

Политика защиты конкуренции в узком смысле предполагает борьбу с образованием картелей и монополий. Подобные вмешательства оправдываются необходимостью избежать длительного доминирования на рынке независимо от природы этого явления. Со времен Ойкена, однако, экономическая теория проделала здесь определенный путь, продемонстрировав, что отнюдь не все зависит здесь от реального отсутствия монополий. Важнее обеспечить конкурентам доступ на рынок и не допустить возникновения барьеров. Монополист, не имеющий возможности почивать на лаврах, заботится о снабжении потребителей ничуть не хуже, чем предприятие, работающее в условиях конкуренции. Для иностранных рынков эта мысль содержится уже в третьем конституирующем принципе Вальтера Ойкена — в принципе открытости рынков. Отсюда можно вывести применимость этого принципа и для внутренних рынков. Такая политика защиты конкуренции должна также действовать на основе общих принципов и избегать дискриминации.

Вальтер Ойкен весьма широко определил задачи политики защиты конкуренции. По его мнению, она выходит далеко за пределы контроля над монополиями и таким образом за пределы политики защиты конкуренции в узком смысле. Ойкен писал, что при порядке конкуренции возникновению монопольных властных структур препятствует не только запрет на образование картелей, «но и, что гораздо важнее, экономическая и правовая политика, которая путем применения конституирующих принципов позволяет проявиться мощным силам конкуренции, присутствующим в современной экономике». В этом смысле любая экономическая политика одновременно представляет собой политику поддержки конкуренции.

Второй принцип: Перераспределение доходов

В рамках конкурентного порядка определенное перераспределение в качестве корректировки спонтанного распределения доходов в условиях рынка вполне рационально и допустимо. Ойкен выводит из этого свой второй регулирующий принцип. Однако второй принцип не действует самостоятельно, он подчинен первому принципу. Он не включает в себя любую корректировку результатов функционирования рынка, сколь мотивирована бы она ни была с точки зрения социальной политики, берущей на себя обязательство обеспечить обещанное социальным рыночным хозяйством социальное выравнивание. Напротив, перераспределение доходов ставит перед собой задачу укрепить ценовой механизм, и таким образом повысить эффективность рынка. Это и делает перераспределение доходов частью политики порядка. Самостоятельная политика распределения, осуществляемая вне зависимости от этого принципа, слишком сильно вмешивалась бы в экономический процесс. Политическая корректировка распределения влечет за собой риск последовательного ослабления ценового механизма. Она всегда сродни эквилибристике.

Здесь нельзя перегибать палку: слишком сильный акцент на социальное выравнивание может оказать столь значительное негативное влияние на функционирование рынков и их эффективность, что масса для распределения будет постоянно уменьшаться при постоянном нарастании социальных конфликтов. Ведь часто упоминаемая величина пирога, который можно разделить, непостоянна, пирог может и уменьшиться. Здесь Ойкен допускает противоречие: *«Легко видеть, что распределение национального продукта благодаря ценовому механизму полной конкуренции, несмотря на множество недостатков, все-таки лучше, чем распределение на основании произвольных решений частных или государственных субъектов власти. <...> Тем не менее такой механизм распределения оставляет ряд вопросов открытыми и нуждается в корректировке»*. В качестве средства для решения этой задачи Ойкен рекомендовал налоговое право.

Перераспределение доходов как часть политики порядка

Размер пирога непостоянен

Сейчас политика распределения является классической отраслью экономической политики. Как правило, выделяют три сферы: аллокационная политика, политика распределения и политика стабилизации, называемая также политикой стабильности. Целью политики распределения должно быть достижение справедливости в обществе. Но что такое справедливость?

Справедливость и честность

Вероятно, каждый человек желал бы справедливости для себя самого и для всех остальных. Индивидуальное стремление к справедливости и честности заходит так далеко, что ему даже приносятся жертвы. Большинство людей требуют справедливого поведения и от себя самих. Но что это означает конкретно? Значит ли это, например, что человек, у которого есть дети, должен каждому из детей дать ровно одно и то же? Должна ли справедливость автоматически подразумевать материальное равенство?

Представим себе пожилую женщину, которая составляет завещание и должна решить, как после ее скорой кончины распределить между двумя дочерьми оставшееся после нее имущество. В соответствии с простым, классическим и предусмотренным в германском законодательстве порядком имущество должно быть поделено между дочерьми пополам. Однако с точки зрения справедливости на это можно посмотреть с другой стороны. Что делать, если одна из дочерей постоянно заботилась о матери, а вторая пошла по скользкой дорожке и не показывалась у матери десятилетиями? Что делать, если одна из дочерей нашла себе богатого мужа, да еще и владеет собственной успешной фирмой, а второй явно не хватает активности? Не будет ли более справедливо, если мать оставит менее успешной дочери немного больше средств, чтобы та наконец могла встать на ноги? Или, напротив, справедливым будет оставить большую часть наследства более успешной дочери в знак признания ее заслуг? Нужно ли отнестись к ним одинаково или скорее по-разному, чтобы компенсировать то неравенство, которое существует между ними в реальной жизни?

Какой вариант справедливости выбрать?

Решение принять непросто, оно зависит от трудного вопроса, какой вариант справедливости более логичен и применим. Можно спросить и иначе: какая справедливость справедлива? Во-первых, можно говорить о «справедливости распределения», при которой достигается более или менее выраженное равенство доходов, поддающееся количественному изменению. Автоматически мы приходим здесь к вопросу «справедливости результата», что связано с материальным аспектом свободы, с так называемой «позитивной свободой». Но в случае с обеими дочерьми, претендующими на наследство, все еще неясно, что должно получиться в результате: должно ли между ними благодаря получению наследства быть достигнуто равенство или они должны получить равные суммы?

Еще один вариант справедливости, который можно применить в данном случае, — это «равенство возможностей». Здесь допускается гораздо большее неравенство в текущий момент времени, поскольку эта концепция направлена в будущее. Или третий вариант — «каждому по труду», в соответствии с которым каждый имеет право получить то и владеть тем, что он законным образом заработал своими руками или умственными способностями. Или еще одна возможность — «справедливость процесса», которая отличается от «справедливости результата» отсутствием дискриминации. Для нашего теоретического примера с распределением наследства в этом случае решением было бы деление пополам, если, конечно, мать еще в молодости не установила для дочерей также допустимые правила, гласящие, что когда

Какая
справедливость
справедлива?

Концепции справедливости (на выбор)

Справедливость распределения
«Каждому по потребности»
Справедливость результата
Справедливость обмена
«Равенство возможностей»
«Каждому по труду»
Справедливость процесса
Равенство прав

придет время, наследство получит только та из дочерей, которая будет действительно нуждаться в деньгах.

Вне сферы частной жизни, вероятно, самое важное выражение «справедливости процесса» — это равенство всех перед законом. Здесь речь идет об отсутствии привилегий для кого бы то ни было. В рамках государства «справедливость процесса» означает также одинаковую формальную свободу для всех.

Третий принцип: Интернализация внешних эффектов

В качестве третьего регулирующего принципа Вальтер Ойкен называет усовершенствование «экономического расчета». Таким образом, он расширяет принцип ответственности. Под «экономическим расчетом» имеется в виду следующее: расчет, который готовит предприниматель, совершенно не обязательно учитывает все издержки, релевантные для экономики в целом. Сегодня экономисты в этой связи говорят о «внешних эффектах». Внешние эффекты — это издержки или польза, с которыми сталкиваются сторонние субъекты в качестве побочных следствий некоего конкретного экономического решения, которые при принятии решения не учитывались. Такие побочные эффекты возникают часто. Ойкен в связи с этим отмечает: *«Система работает очень четко, но она не учитывает обратного влияния, которое конкретные экономические планы предприятий и их реализация оказывают на общеэкономические показатели, если это обратное действие не нашло отражения в планах руководства конкретного предприятия. <...> Достаточно вспомнить об уничтожении лесов в Америке».*

Для того чтобы координация в условиях рыночной конкуренции функционировала корректно, эти издержки и польза, возникающие в виде побочных эффектов, должны учитываться в экономических расчетах частных компаний. Эта задача может быть возложена на экономическую политику, которая действует на более низком уровне, чем общие правила экономического порядка, но тем не менее может рассматриваться как политика экономического порядка, поскольку она укрепляет ценовой

механизм. Технически при этом говорят об «интернализации внешних эффектов». Для этих целей современная экономическая теория предлагает несколько подходов, в том числе правовые предписания, дополнительная адаптация налогообложения, субсидии, сертификаты, а также решения, достигаемые путем переговоров.

Но следует иметь в виду: не каждый внешний эффект автоматически представляет собой проблему для функционирования ценового механизма. Конкуренция ежедневно вызывает побочные эффекты. Постоянно лучший поставщик вытесняет худшего или как минимум более дешевый более дорогого, что не всегда одно и то же. Однако успех лучшего поставщика в любом случае оказывает значительное влияние на худшего, который при наименее благоприятном для него развитии ситуации будет вынужден покинуть рынок. На лучшего поставщика лично этот факт не оказывает непосредственного негативного влияния, наоборот. Он никогда не стал бы прилагать усилий, чтобы сохранить конкуренту позиции на рынке.

Он и не обязан это делать, поскольку с точки зрения бесперебойного функционирования ценового механизма значение имеют только те внешние эффекты, которые приводят к тому, что при ценообразовании из поля зрения выпадает важная информация. В этой ситуации цены перестанут отражать реальную доступность товаров и услуг и будут давать участникам рынка неверные сигналы. Однако в приведенном примере мы этого не наблюдаем. Здесь все расчеты осуществляются через рынок без каких-либо искажений. Однако в случаях загрязнения окружающей среды цены чаще всего не отражают полной информации. В современной экономической теории феномен внешних эффектов тесно связан с именем Рональда Коуза, который через некоторое время после Вальтера Ойкена занялся систематическим изучением этой проблемы.

Опираясь на работы Рональда Коуза, приведем пример негативного внешнего эффекта: представим себе реку, недалеко от истока которой расположилось химическое предприятие, на вполне законных основаниях сбрасывающее в реку сточные воды. Значительно ниже по течению уже в течение многих поколений находится фермерское хозяйство, которое вынуждено использовать

**Не каждый
внешний эффект
представляет
собой проблему**

Рональд Коуз

Рональд Коуз родился в 1910 году неподалеку от Лондона. Окончил Лондонскую школу экономики. Преподавал в Данди, Ливерпуле и Лондоне. В 1951 году получил приглашение в США, где сначала работал в Университете Буффало, затем в Виргинском и Чикагском университетах. В 1991 году «за открытие и иллюстрацию важности транзакционных издержек и прав собственности для институциональных структур и функционирования экономики» Коузу была

присуждена Нобелевская премия по экономике. Коуз является членом Общества «Мон Пелерин». Основные работы: «Природа фирмы» («The nature of the firm», 1937 год), где автор разрабатывает концепцию транзакционных издержек (издержек, возникающих при использовании рынков помимо обычных производственных издержек, например в ходе заключения, осуществления и контроля за исполнением договоров) и рассматривает их влияние на форму предприятия, а также «Проблема социальных издержек» («The Problem of Social Cost», 1960 год), в которой Коуз выстраивает логическую связь между внешними эффектами и правами собственности.

воду из реки, чтобы поить скот. Однако химикаты, попадающие в реку, ядовиты. В результате пить из нее животные не могут. Здесь рынок никак не участвует в расчетах, ничто и никак не отражается в ценах. Химическое предприятие не учитывает издержек, возникающих у фермерского хозяйства, упуская из виду, что чистая вода имеет ценность для кого-то другого. С точки зрения экономики в целом наблюдается нежелательный рост уровня загрязнения окружающей среды. Для того чтобы этого не происходило, необходимо каким-либо образом учесть стоимость используемой воды и выставить за нее счет.

Кому здесь что принадлежит?

Для этого сначала нужно прояснить, кому здесь что принадлежит и кто чем имеет право распоряжаться. На языке экономистов это называется установлением прав собственности и распоряжения. Не важно, как именно это произойдет, главное — покончить с неясностью. Если право распоряжаться водой на правах старожил

получит фермер, то здесь применяется классический принцип компенсации ущерба за счет виновного, то есть химическое предприятие должно возместить фермеру понесенный ущерб. Тогда если предприятие не желает менять местоположение, оно должно приобрести у фермера права на сброс сточных вод. Если же право распоряжаться водой в реке получит химическое предприятие, то фермеру придется мириться с последствиями этого. Он сможет либо вместе с домом и хозяйством, с чадами и домочадцами переместиться на другое место, либо компенсировать химическому предприятию расходы на строительство современных очистных сооружений.

Эти два решения, однако, неодинаково справедливы. Тем не менее оба они способны обеспечить рыночную эффективность, так влияя на цены, чтобы они учитывали внешние эффекты. Таким образом, негативное влияние на соседа не остается за скобками, а включается в экономический расчет.

Здесь, как правило, что-то должно предпринять государство. Чтобы повысить эффективность координирующих механизмов рынка, государство должно установить права распоряжения собственностью. Когда права распоряжения собственностью будут зафиксированы, государство может предпринять попытку привести частные и общественные издержки в соответствие друг с другом. При этом существует разная вероятность того, что средства, которые могут быть применены для этой цели, будут действовать эффективно, то есть достигать желаемых эффектов, и не будут чрезмерными. Меры чисто дисциплинарного характера, заключающиеся исключительно в требованиях и запретах, можно концептуально сравнить здесь с бесконечно высокими ценами. Эффективность данного инструмента в конкретном случае равна нулю. Идеальным решением были бы дополнительные налоги и субсидии, специально подобранные для данного случая, чтобы привести в соответствие частные и общественные издержки. Однако такие налоги и субсидии рассчитать очень трудно, если вообще возможно.

Лучше всего было бы создать и здесь своего рода рынок. Там, где рыночные структуры не возникают сами по себе, государство может их смоделировать. Например, государство может определить, какой уровень за-

Создать рынок

грязнения окружающей среды оно на данный момент считает приемлемым. При этом право на выбросы не предоставляется в свободном режиме, такой подход был бы большой ошибкой. Вместо этого имитируется рынок, и заинтересованные субъекты ведут между собой торговлю правами на выбросы. В результате взаимодействия спроса и предложения права на выбросы распределяются между заинтересованными субъектами естественным образом и без внешнего вмешательства. У Германии уже накоплен некоторый опыт в данном вопросе, достаточно вспомнить об экологических сертификатах на выбросы диоксида углерода. В этой сфере Европейский союз в 2005 году искусственно создал рынок. Государство предоставляет заинтересованным субъектам рынка права на выбросы, которыми они могут торговать на бирже. Таким образом, права получают те предприятия, для которых ценность такого права наиболее высока. Цены на этом рынке диктуются ограниченностью предложения.

«Сбой в рыночном механизме»

Учет внешних эффектов – часть аллокационной политики, которая наряду с политикой распределения представляет собой классическую отрасль экономической политики. Аллокационная политика направлена на оптимизацию использования макроэкономических ресурсов. Если рынок, как часто выражаются, «дает сбой», традиционно говорят о необходимости вмешательства государства. Но что значит «дает сбой»? Подобные высказывания весьма размыты, и их следовало бы избегать, поскольку они часто ведут к злоупотреблениям. Не успеет кто-то объявить о «сбое рынка», как политики судорожно начинают принимать срочные меры.

**Рынок хорош
настолько,
насколько
хороши правила**

Кроме того, подобная формулировка просто слишком жестка. Сам по себе рынок просто не может «дать сбой». Он зависит от разумной политики и правил, а политика часто не срабатывает, в результате чего и происходит сбой. В большинстве случаев сбой рынка обусловлен сбоем политики, правил и государства либо человеческим фактором. Таким образом, довольно раздутое понятие «сбой рынка» не подходит, когда рынок, например, не может справиться с внешними эффектами, пока

не будут однозначно определены права распоряжения собственностью. Определение прав распоряжения собственностью – исконная задача государственной политики порядка. Но когда внешние эффекты не учитываются из-за того, что не определены права распоряжения собственностью, тогда сбой дает политика государства, определяющая правила, а не рынок. Субъекты рынка же, напротив, оптимально адаптировались к неясной рыночной ситуации – и не пришли к компромиссу, поскольку не могли прийти к нему. Рынок всегда настолько хорош, насколько хороши действующие на нем правила. Именно в этом состоит основная идея ордолибералов. Поэтому в сфере аллокационной политики также необходимо задуматься, нельзя ли решить возникшую проблему путем разумной корректировки действующих правил, вместо того чтобы сразу принимать политические меры, вмешиваясь в действие механизма рынка.

Наряду с внешними эффектами, которые нуждаются в интернализации, существует еще ряд сфер деятельности государства в области аллокационной политики, которые, однако, нередко вызывают споры в конкретных ситуациях. Речь идет, например, об общественных благах. Никто не оспаривает существование общественных благ вообще. Споры вызывают лишь конкретные случаи. Под общественными благами понимают вещи, которые множество людей может использовать совместно, не ущемляя при этом интересов друг друга. Этим общественное благо отличается от частного имущества. Например, брюки – частное имущество, ведь если их надел один человек, второй в них уже может и не влезть. А примером общественного блага является воздух, личное

Типичные сферы деятельности государства:

1. Аллокационная политика:
  - интернализация внешних эффектов;
  - предоставление общественных благ;
  - препятствование образованию монополий и картелей путем реализации политики защиты конкуренции;
  - регулирование естественных монополий.
2. Политика распределения.
3. Политика стабилизации.

освещение, функционирующее регулирование финансовых рынков или даже социальное рыночное хозяйство в целом: когда один гражданин пользуется таким благом, возможности других граждан пользоваться им же никоим образом не должны ущемляться.

Проблема с общественными благами возникает со стороны предложения. Как правило, поставщик общественного блага не в состоянии получить с пользователей плату, чтобы покрыть свои издержки. Если плату получить и удастся, то она недостаточна для покрытия издержек и не соответствует получаемой от общественного блага пользе. Именно поэтому, как правило, производитель отказывается от предложения общественных благ, поскольку ему не удастся выйти на уровень рентабельности. Государству в этом смысле проще, оно просто взимает налоги и принуждает всех участвовать в расходах. Насколько сумма, которую государство тратит на определенное общественное благо, соответствует пользе, получаемой от этого обществом, остается неизвестным. Правительства тоже иногда вынуждены руководствоваться лишь предположениями.

**Государство
не должно
выступать
в качестве пред-
принимателя**

Опыт неоднократно демонстрировал, что ответственность государства, проводящего аллокационную политику и предоставляющего общественные блага, нередко толкуется слишком широко. Например, такая ответственность не подразумевает, что государство само должно выступать в качестве предпринимателя. Для этого у него просто нет возможностей. Если государство заказывает уличное освещение и финансирует его из налоговых средств, это отнюдь не значит, что фонари обязательно должно устанавливать государственное предприятие. Напротив, размещая заказы в рамках конкурсов и отдавая их частным фирмам, государство выполняет свои задачи в соответствии с требованиями рынка и оптимизирует издержки.

Наряду с внешними эффектами и общественными благами часто в качестве примера «сбоя рынка» рассматривают «естественные монополии», требующие вмешательства государства. Монополия считается естественной тогда, когда из экономических соображений не имеет смысла привлекать к выполнению определенной задачи несколько аналогичных предприятий. В этой

связи говорят о «депрессии издержек». Сокращение издержек приводит к тому, что объем предложения растет, а стоимость его падает. Например, это касается различного рода сетей, то есть всех сфер, где необходимым условием является наличие обширной (сетевой) инфраструктуры, например в электроснабжении, для которого нужны провода, или в железнодорожном сообщении, которое невозможно представить себе без рельсов. От подобных объектов инфраструктуры страдает эстетика, поскольку они портят ландшафт. Но с точки зрения экономики не будет иметь никакого смысла, если разные железнодорожные перевозчики проложат свои пути через всю страну параллельно друг другу.

Между тем монополии, если они не встречают соперничества, имеют неприятное свойство эксплуатировать своих клиентов. Поскольку конкуренции у них нет, им не нужно бояться каких-либо санкций в случае завышения цен или низкого качества продукта. Это видно, в частности, по тому, как выглядят железнодорожные сети во многих странах мира. Здесь необходимо вмешательство государства, но и в этом случае оно не должно рассматривать свою задачу слишком широко. Нередко определенную деятельность можно разделить на отдельные сферы, не каждая из которых должна представлять собой естественную монополию. Раньше считали, что весь железнодорожный транспорт представляет собой общественное благо и поэтому должен находиться в одних руках – в руках государства. Сегодня ясно, что только железнодорожная сеть может рассматриваться как естественная монополия. В ходе эксплуатации депрессии издержек не возникает, каждый дополнительный локомотив, проходящий по железнодорожным путям, вызывает дополнительные издержки. При этом совершенно не обязательно, чтобы государство само занималось эксплуатацией железнодорожной сети. Частная компания, пока за ее деятельностью осуществляется соответствующий надзор, справится с такой задачей гораздо лучше. За надзор отвечает Федеральное агентство в Бонне. Таким образом, проблема аллокации может быть решена политическими средствами путем введения соответствующих правил.

Четвертый принцип: Аномальное изменение предложения

Минимальные
зарплаты лишь
в исключительных
случаях

Четвертый регулирующий принцип Вальтера Ойкена касается темы, связанной с рынком труда. Эта тема в последний раз совсем недавно подхлестнула общественную дискуссию в Германии в связи с введением минимального уровня заработной платы. Дело в том, что в результате снижения оплаты труда люди, возможно, начнут работать не меньше, а больше. В обычной ситуации падение цен приводит к снижению предложения. Однако для работников, предлагающих на рынке свой труд и существование которых зависит от их заработка, этот принцип не работает. Вальтер Ойкен, однако, считал этот эффект редким особым случаем. Он полагал, что при снижении заработной платы в условиях гибкого конкурентного порядка работник просто сменит род занятий или переедет в другой регион. *«В условиях мобильности рабочей силы и возможности сменить сферу деятельности поиск нового рабочего места облегчается»*. Однако если в реальности такая возможность ограничена, например вследствие локальной монополии спроса на рабочую силу, тогда (и только тогда), по мнению Ойкена, государство может ввести минимальный уровень заработной платы, чтобы воспрепятствовать эксплуатации.

Итак, это был весь комплекс «конституирующих и регулирующих принципов», сформулированных экономистом Фрайбургской школы Вальтером Ойкеном более шестидесяти лет назад. Эти принципы конкурентного порядка не подвержены влиянию времени. И сегодня они могут использоваться как объективные критерии для оценки политики, которая как раз сейчас находится в кризисе. «Фрайбургский императив» представляет собой ядро неолиберального проекта и основу социального рыночного хозяйства.

СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ
ХОЗЯЙСТВО

6. «СОЕДИНИТЬ СВОБОДУ РЫНКА С СОЦИАЛЬНЫМ ВЫРАВНИВАНИЕМ»

Примиряющая формула Альфреда Мюллер-Армака

Понятие «социальное рыночное хозяйство» предложил не Вальтер Ойкен. Этот термин впервые в 1947 году в одной научной работе использовал кельнский экономист Альфред Мюллер-Армак, ставший позднее статс-секретарем в Федеральном министерстве эконо-

Название, обладающее силой убеждения

Альфред Мюллер-Армак

Альфред Мюллер-Армак (1901–1978) – немецкий экономист, культуролог-социолог и политический деятель. Родился в Эссене. Учился во Фрайбурге, Мюнхене и Кёльне. Защитил кандидатскую диссертацию по социально-экономической тематике. В 1926 году получил степень доктора экономических наук за работу по экономической теории конъюнктурной политики. Двенадцать лет преподавал в Кёльне, исполнял обязанности заведующего кафедрой в Мюнстере. В 1940 году возглавил кафедру национальной экономики и социологии культуры, в том числе социологии религии, в Университете Мюнстера. Одновременно занимал пост исполнительного директора Института экономических и общественных наук. Член НСДАП с 1933 года. Еще в период Третьего рейха познакомился с Людвигом Эрхардом. Так же как и Эрхард, рано начал работать над концепцией организации экономики Германии после окончания войны. После создания ФРГ вступил в партию ХДС.

мики, причем уже тогда он написал эти слова с большой буквы. Это название оказалось чрезвычайно убедительным и быстро распространилось.

Мюллер-Армак был членом и одним из основателей Научного совета при Управлении экономики англо-американской оккупационной зоны, на основе которого позже возник Научный совет при Федеральном министре экономики. В 1950 году Мюллер-Армак становится профессором Кёльнского университета, сменив на этом посту своего научного руководителя. С 1952 года возглавлял отдел основных проблем экономической политики Министерства экономики ФРГ при министре Людвиге Эрхарде. В 1958–1963 годы – статс-секретарь по европейским вопросам.

Симбиоз
социальности
и рынка

Ордолиберальная концепция Мюллер-Армака в отдельных деталях отличается от идей Фрайбургской школы, однако основные черты схожи. Социальное рыночное хозяйство Мюллер-Армака ставит во главу угла человека с его индивидуальными потребностями. В социальном рыночном хозяйстве, которое всегда являлась для него экономикой на службе человека, социальный элемент и рынок образуют симбиоз. Этот симбиоз способствует миру и социальному выравниванию в обществе. Поэтому Мюллер-Армак назвал концепцию социального рыночного хозяйства «иренической», то есть умиротворяющей формулой. Смысл состоял в том, чтобы *«принцип свободы на рынке увязать с принципом социального выравнивания»*, как он сформулировал это старомодным языком того времени. Речь шла о высвобождении продуктивных, динамических сил экономики, то есть о том, чтобы *«в рамках экономики, основанной на конкуренции, увязать свободную инициативу с социальным прогрессом, обеспеченным эффективностью рынка»*. И этот синтез должен быть достигнут в гармонии, а не путем победы одного над другим.

Мюллер-Армак, так же как и представители Фрайбургской школы, мыслил не только в категориях эффективности. Он скорее представлял себе социальное рыночное хозяйство как нравственный союз граждан. Подобный союз включал, по его мнению, и полномочия для проведения активной социальной политики, а также перераспределение доходов и собственности. Вопрос

о том, в каких масштабах это должно происходить, он, однако, оставил открытым. Концепция Мюллер-Армака должна была «дышать» и обладать возможностью постоянного развития. Но из-за этого концепция приобрела неопределенность, что привлекает к ней наряду с подлинными сторонниками множество ложных друзей.

«Социальное» в социальном рыночном хозяйстве

Характерное прилагательное «социальное» в понятии «социальное рыночное хозяйство» наряду с фактическим эффектом рекламы преследует две цели. С одной стороны, это определение подчеркивает, что рынок, открытый для конкуренции, способствующий росту благосостояния и обеспечивающий динамичный рост, уже сам по себе приносит кому-то пользу. В условиях такого рынка все работает лучше. Шанс есть у всех. Распределение доходов происходит по справедливости, в зависимости от достигнутых результатов. С другой стороны, концепция социального рыночного хозяйства допускает конкретное вмешательство государства в рыночные процессы, также во имя справедливости. Здесь начинает действовать аспект социальной справедливости.

Роль государства можно представить себе как договор взаимного страхования, который все граждане заключают друг с другом на тот случай, если когда-нибудь дела у них пойдут плохо. Подобное страхование придает сил системе в целом, поскольку при наличии таких механизмов социальной поддержки каждый имеет возможность действовать более уверенно. Поэтому для каждого существует система медицинского и пенсионного страхования, а также страхования от безработицы. Тот, кто потерял рабочее место, заболел или не может больше работать, поскольку достиг преклонного возраста, в социальном рыночном хозяйстве не должен падать на самое дно. Кроме того, государство, играя эту роль, осуществляет перераспределение доходов, забирая часть средств у состоятельных граждан и предоставляя их более бедным.

Полной защищенности, конечно, достичь невозможно, ни в экономике, ни в жизни вообще. Все, за что берется человек, основано на его представлении о том, как ситуация

**Государство
как страхование
на взаимной
основе**

сложится в будущем. Каждый строит прогнозы, иногда используя разум, иногда интуицию. Без ошибок здесь не обходится; часто ситуация складывается не так, как мы себе ее представляли. Но даже если всего предсказать нельзя, в обществе тем не менее есть возможность обеспечить такой уровень социальной защищенности, чтобы гражданин при профессиональных неудачах не терял средств к существованию. Чрезмерный уровень защищенности, возможно, способствует инертности. Но слишком низкий уровень защищенности полностью парализует развитие.

Здесь подключается социальное рыночное хозяйство, система социальной поддержки, которую граждане совместно создают друг для друга. Она не только обладает нравственной ценностью для общества, но и оправдывает себя экономически, поскольку придает всем участникам смелости и способствует предпринимательской активности. И все это не пустые мечты: психологи подтверждают, что многие люди идут на риск только в том случае, если знают, что не потеряют всего в случае неудачи. Таким образом, в интересах граждан предоставить друг другу такие социальные гарантии.

Совместная защита

Поддержка общества в случае неудачи

От многих рисков человек может защитить себя сам. Однако от так называемых «крупных жизненных рисков» защититься трудно. Прежде всего речь идет о болезнях, старости и несчастных случаях. Если человек заболел, стал стар и немощен или пережил несчастный случай, ему становится трудно самому обеспечивать собственное существование. Расходы, которые при этом возникают, настолько высоки, что в одиночку их нести невозможно. Члены общества, в котором действует подобный механизм взаимного страхования, совместно несут расходы при возникновении подобной ситуации. При этом далеко не каждый сильно выигрывает от этой системы: многие платят взносы и ничего не получают взамен. Но они спокойны, поскольку знают, что если возникнет страховой случай, общество их поддержит.

Однако не все испытывают одинаковую потребность в страховании. Тот, кто предполагает, что по причинам,

связанным со здоровьем, не сможет полностью выработать стаж, заключает страховой договор. Тот, кто чувствует себя в прекрасной форме, возможно, откажется от такого шага. Если это будет происходить систематически, то в конце концов застрахованы будут только те, у кого действительно возникают проблемы. Экономисты используют в этой связи понятие неблагоприятного отбора. Накапливаются негативные риски. В этой ситуации страховые кассы быстро пустеют. Чтобы избежать этого, государство должно требовать обязательного страхования крупных жизненных рисков.

Однако в условиях социального рыночного хозяйства социальная поддержка не должна быть чрезмерной, поскольку иначе можно опасаться, что человек мало что будет предпринимать, чтобы не пользоваться мерами поддержки. Тот, кто рассчитывает на государственную пенсию или на пособие, вряд ли будет прилагать большие усилия, чтобы обеспечить себя в старости, как он делал бы, если бы таких механизмов поддержки не существовало. Экономисты называют это «моральным», или «поведенческим» риском. Поскольку действия индивидуума с высокой вероятностью оправдают подобные опасения, это будет означать, что общество, построенное на солидарности, просчиталось, а социальная справедливость, о которой так много говорят, остается недостижимой целью.

**Поддержка
не должна быть
чрезмерной**

Социальная справедливость как моральная основа

Этой цели трудно достичь. Ее даже трудно оценить для каждого конкретного случая. Один человек может поступить несправедливо по отношению к другому, но может ли действовать несправедливо все общество? Или рынок? Ведь ни общество, ни рынок никаких действий не предпринимает. И рынок, и общество представляют собой огромные образования, но они не персонифицированы и потому не способны к действиям. Общество — это лишь отражение множества людей, его составляющих. А рынок — это лишь площадка, на которой индивидуумы вступают в отношения обмена. Трудно

применить понятие справедливости к столь абстрактной сфере, когда речь идет не о действиях, решениях и взаимоотношениях конкретных людей.

Поэтому Фридрих Август фон Хайек писал, что понятие «социальная справедливость», собственно, относится к категории бессмысленных, так же как и выражение «моральные основы». Для Хайека справедливость — это категория из сферы индивидуальных действий: человек может и должен действовать справедливо, а, например, камень к этому не способен, и общество едва ли тоже. В контексте общества категорию справедливости можно использовать лишь в обсуждении того, насколько правила, по которым живет общество, «справедливы», то есть насколько они «универсальны» и «абстрактны». Однако если эти критерии соблюдены, то результаты их применения не должны подвергаться дальнейшей этической оценке.

Сколь логично бы это ни звучало, моральная основа в виде «социальной справедливости», как назвал это Хайек, оказалась достаточно прочной, в особенности в качестве базы для аргументации. Нельзя отрицать, что и в широком абстрактном контексте, охватывающем все общество, у отдельных граждан существует сформировавшееся понятие о справедливости. И именно оно имеет решающее значение. Если эта справедливость нарушается, не исключено, что в течение определенного времени общество с неизбежностью утратит стабильность и сплоченность.

Экономическая политика также должна стремиться к справедливости

Поэтому экономическая политика также должна стремиться к справедливости. Это не всегда легко. Как и в случае с пожилой дамой, которая думает, кому оставить наследство, в масштабах всего общества эти две категории — справедливость распределения и справедливость процесса — трудно применить, избежав неясностей или конфликта между ними.

Общая система для всех граждан

Как бы то ни было, при помощи политики распределения, основанной на идее справедливости, государство создает систему, которая должна взять на себя заботу о гражданах в сложных ситуациях, возникших не по их

Солидарность

Идея солидарности, так же как и принцип субсидиарности, берет свое начало в Социальном учении католической церкви. Как и естественная ограниченность свободы, принцип солидарности основывается на простом факте: человек в этом мире живет не один, каждый индивидум существует в обществе, хочет он того или нет. Даже отшельник так или иначе вписывается в контекст общества и вступает в отношения с другими людьми, даже если это выражается лишь в том, что он их избегает. Полной самоизоляции не может добиться никто; собственно, никто и не должен этого делать с точки зрения социальной этики, поскольку каждый несет обязательства перед ближним. Каждый человек отвечает за себя и своего ближнего.

Солидарность предполагает благожелательное, уважительное и справедливое отношение к остальным. Солидарность способствует доверию. Солидарность представляет собой важную психологическую предпосылку для сплоченности общества. Только в этих условиях возникает фундамент для доверия людей друг к другу. Лишь в том случае, если индивидум искренне ощущает свои обязательства перед согражданами, он действительно заинтересован в общественном благе и не концентрируется исключительно на своих непосредственных личных интересах.

вине, таких как болезнь, инвалидность, безработица. При этом должна быть соблюдена не только справедливость, но и принцип общественной солидарности.

Только в том случае, если отдельные граждане будут воспринимать себя как часть единого целого, они будут участвовать в общественной, а возможно, и в политической жизни. Лишь когда люди стремятся к тому, чтобы сформулировать правила жизни общества, с которыми могли бы согласиться все, эти правила получатся действительно качественными и не будут нуждаться в постоянных усовершенствованиях. И только когда человек ощущает солидарность с представителями более бедных социальных слоев, он будет воспринимать уплату налогов как нормальный и необходимый инструмент для перераспределения доходов.

Государство привлекает граждан в зависимости от их возможностей к финансированию решения общественных задач. При этом оно старается добиться равных возможностей для всех. По рекомендации Ойкена при-

**Создать людям
равные
возможности**

оритетным средством для этого является прогрессивная шкала налогообложения. «Прогрессивная» означает, что чем выше доход, тем выше налоговая нагрузка не только потому, что выше налогооблагаемая база, к которой применяется налоговая ставка, но и потому, что с размером дохода и сама ставка растет. Кроме того, государство может облагать налогом имущество и наследство. В Германии налог на имущество был отменен, поскольку он требовал значительных ресурсов для администрирования и был малоэффективным с фискальной точки зрения. При этом налог на наследство продолжает существовать. Новая редакция соответствующего закона появилась в 2008 году. Этот вид налогообложения, разумеется, ослабляет право частной собственности, которое государство вообще-то должно защищать. Аргументом в пользу этого вида налогообложения, однако, является то, что он направлен на укрепление равенства шансов в обществе. Аналогичную цель преследуют, в частности, образовательные субсидии. Кроме того, как минимум для работающих по найму в Германии существуют комплексные коллективные меры социального обеспечения в виде всеобщего страхования от безработицы, медицинского и пенсионного страхования. Участие в этой системе страхования обязательно. Кроме того, есть еще ряд государственных мер, объем которых также зависит от дохода (социальная помощь, детские пособия, дотации на аренду жилья).

Высочайший уровень поддержки

Мы слишком много ждем от собственного государства

В германском обществе, нацеленном на безопасность и уверенность в завтрашнем дне, концепция социального рыночного хозяйства пользуется большой поддержкой. Стремление к уверенности в завтрашнем дне, укоренившееся в германском менталитете в течение столетий, оказывает влияние на все решения общества. Конечно, любое описание менталитета тяготеет к неоправданным обобщениям и стереотипам. Однако некоторые клише содержат в себе рациональное зерно, отражающее реальное положение вещей. Пожалуй, можно утверждать, что немцы часто склонны к чрезмерной

точности и медлительности. Иногда им не хватает смелости и инициативы. От родного государства — «государства-отца» («Vater Staat»), как называют его сами немцы (что интересно, подобного выражения мы не найдем ни в одном другом языке), немцы часто ожидают слишком многого, причем хорошего. Негативное быстро вытесняется, несмотря на опыт германской истории, который в этом смысле уникален. Немцы инстинктивно склонны полагаться на свое государство. Именно поэтому немцы в отличие от американцев почти не занимаются частной благотворительностью. Ведь для этого есть государство.

Между тем свободолюбивые американцы стараются сохранять дистанцию между собой и государством, чтобы избежать какой-либо опеки. Насколько подобная позиция укоренилась в национальном сознании, наглядно продемонстрировала хотя бы недавняя дискуссия, которая велась в американском обществе о реформе здравоохранения, инициированной президентом Барак-ом Обамой, представителем Демократической партии. Против реформы выступили не только лоббисты медицинских страховых касс и фармакологических концернов, опасавшихся убытков и повышения финансовой нагрузки, поскольку изменения системы предполагали сокращение расходов в сфере здравоохранения. Против реформы выступили и обычные граждане, которые хотели сохранить за собой право самостоятельно принимать решение, станут они заключать договор страхования и нести связанные с ним расходы или нет. Таким образом, обычные граждане воспротивились вполне обоснованному, но тем не менее патерналистскому вмешательству в свою жизнь, то есть подобной современной форме ограничения их дееспособности со стороны государства. Ведь предки иммигрантов из разных стран, переселившиеся в Америку много поколений назад, достаточно сталкивались с подобными явлениями на своей исторической родине.

Американцы спокойнее относятся к значительным различиям в уровне доходов, чем немцы. Ощутимая разница в доходах в Германии воспринимается обществом как нечто противоречащее идее справедливости. Это оправданно и связано с традицией, поскольку в Германии ситуация меняется не так быстро, как, например,

**Низкий уровень
социальной
мобильности
в Германии**

в США. Тот, кто находится внизу социальной лестницы, останется там надолго. «Социальная мобильность», как это называют ученые, в Германии не слишком сильна.

Что же касается американцев, то у них гораздо в большей степени, чем в Германии, выражена относящаяся к этнообразующим мифам традиция помогать друг другу, не надеясь на государство. Кроме того, американское общество постоянно перемешивается. Тот, кто находится внизу социальной лестницы, может быстро подняться вверх и наоборот. Каждый получает свой шанс — и не единожды, а снова и снова. В этом и состоит американская мечта, которая продолжает и сегодня сохранять свою актуальность. Американцы, как правило, сами решают свои проблемы — а немцы взывают к властям. То, что в такой малопрозрачной сфере, как экономика, кто-то держит в руках нити управления, видимо, оказывает успокаивающее действие. В том числе по этой причине социальное рыночное хозяйство уже давно пользуется в Германии широкой поддержкой населения. В условиях глобального финансового и экономического кризиса эта популярность только возросла.

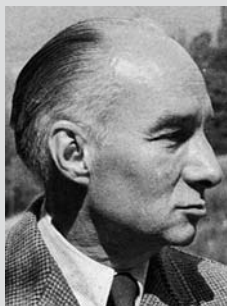
Сильное государство

**Государство,
не позволяющее
себя
шантажировать**

В условиях социального рыночного хозяйства государство отнюдь не самоустраняется. Оно сохраняет за собой важные задачи и должно демонстрировать силу. Социальному рыночному хозяйству нужно сильное государство. Представители неолиберализма и появившегося на его основе ордолиберализма постоянно подчеркивали это. При этом, разумеется, имеется в виду не тотальное государство, не государство, которое вмешивается во все, не правительство, которое во всех сферах действует авторитарно и опекает общество. Нет, здесь подразумевается государство, которое осуществляет политику порядка и знает, где ему необходимо проявить сдержанность. Это государство, которое прежде всего не позволяет себя шантажировать и постоянно нацелено на общественное благо. Это государство, которое не распределяет привилегии, а само запрещает себе всяческую дискриминацию. В свое время в 1932 году Александр

Александр Рюстов

Александр Рюстов (1885–1963) – социолог, экономист. Родился в Висбадене в прусской офицерской семье. Вырос в Берлине. Изучал классическую филологию, философию, математику, физику юриспруденцию и национальную экономику в Гёттингене, Мюнхене и Берлине. В 1908 году защитил диссертацию по логике. В течение нескольких лет был редактором в одном из издательств Лейпцига. Работа над докторской диссертацией, посвященной теории познания, была прервана службой на фронте.

После Первой мировой войны Рюстов работал референтом по вопросам картелей в Имперском министерстве экономики, что заставило его еще более плотно заниматься вопросами народного хозяйства. Он готовил правовые нормы, регулирующие деятельность картелей («Положение о противодействии злоупотреблениям экономической властью»), но вынужден был примириться с тем, что поддерживаемый им принцип запрета был заменен принципом противодействия злоупотреблениям. В 1924 году он становится юридическим консультантом и руководителем отдела экономической политики Союза немецких машиностроителей (VDMA).

В 1933 году Рюстов, для которого рейхсканцлер Курт фон Шлейхер в целях защиты от захвата власти предусмотрел пост министра экономики в своем теновом кабинете, принял решение эмигрировать за границу. Этому решению предшествовали визиты сотрудников гестапо, представлявшие собой несомненную угрозу. Рюстов принял приглашение возглавить кафедру экономической географии, экономической и социальной истории в Стамбуле. Несколько позже за ним туда последовал Вильгельм Рёпке. Турецкий президент Кемаль Ататюрк в тот период старался с помощью ученых, вынужденных покинуть Германию, выстроить современную систему университетов. После войны Рюстов вернулся из эмиграции и в 1949 году возглавил кафедру экономики и социологии Университета Гейдельберга. Он был одним из учредителей и куратором «Фацит», фонда газеты «Франкфуртер альгемайне», а также председателем общества «Социальная рыночная экономика». Среди других трудов Рюстова особой известностью пользуется трехтомная работа по универсальной истории и критике культуры «Определение места настоящего» («Ortsbestimmung der Gegenwart») (1950–1957).

Рюстов в своей яркой речи, произнесенной на заседании Союза социальной политики, требовал «сильного государства», *«государства, стоящего над экономикой, над интересами, там, где оно и должно быть»*. Подобное государство не ограничивается функциями «ночного сторожа». А социальное рыночное хозяйство отнюдь не предполагает невмешательство государства.

Государство прежде всего должно следить за тем, чтобы социальное рыночное хозяйство нормально функционировало и оставалось сбалансированным. С одной стороны, задача экономической политики состоит в том, чтобы защищать рыночный механизм, сохранять его функциональность и вообще выстроить его там, где это необходимо. С другой стороны, она должна быть направлена на то, чтобы рыночные процессы соответствовали моральным требованиям концепции социального рыночного хозяйства. Иными словами, необходимо сохранить и социальный компонент в рыночной экономике, и рыночный в социальной сфере.

Постоянная занятость

**Обеспечение
высокого уровня
занятости**

Для этого по возможности необходима полная занятость. Поэтому издавна основной целью политики остается обеспечение высокого уровня занятости. Такая значимость этой задачи не в последнюю очередь связана с историей Веймарской республики. Тогда число безработных достигло примерно шести миллионов при численности населения, составлявшей немногим более 60 миллионов. Сегодня в Германии при населении свыше 80 миллионов человек насчитывается менее четырех миллионов безработных.

Обеспечение максимальной занятости требует хорошо функционирующих рынков труда. Рынок труда нередко называют особым рынком. «Труд – не товар», – говорят часто. Поэтому рынок труда отличается от других рынков, так же как и цена на труд отличается от прочих цен. Особенно это касается социального рыночного хозяйства, которое должно служить человеку. Это и правильно, и одновременно в определенном смысле ошибочно. Разумеется, для человека особое значение

имеет вопрос, найдет ли он работу. Тот, кто имеет работу, не только обеспечивает себе пропитание. Работа придает жизни смысл или как минимум должна это делать. Поэтому в социальном рыночном хозяйстве особое внимание уделяется сохранению и созданию рабочих мест. И именно поэтому эта сфера связана с множеством политических искушений. В отличие от большинства прочих рынков, рынок труда — это не рынок покупки, а рынок аренды, и тем не менее это рынок.

Итак, рынок труда — это рынок аренды. Работодатель не приобретает прав собственности на рабочую силу, он может лишь использовать ее на определенных условиях. Если вы приобретаете предмет, вы можете использовать его, не использовать, продать его, или подарить, или даже уничтожить. Право собственности дает полную возможность распоряжаться предметом собственности. С рабочей силой работодатель так поступить не может. Он не получает права собственности. Здесь речь идет о людях.

Будучи арендным рынком рабочей силы, рынок труда схож с любым другим рынком тем, что и на нем спрос сходится с предложением: предложение и спрос на рабочую силу, на определенную квалификацию. Условия, на которых сойдутся спрос и предложение, — предмет переговоров. И в результате этих переговоров формируется цена — заработная плата. В случае обеспечения минимально необходимого уровня гибкости заработная плата выступает регулятором, как и на любом другом рынке, она отражает существующие дефициты и широко распространяет информацию о них. Минимальный уровень гибкости означает здесь то, что заработная плата должна обладать способностью к колебаниям, двигаясь как вверх, так и вниз.

Заработная плата, так же как и цена, направляет «труд как производственный фактор», обеспечивая его оптимальное использование и давая необходимые импульсы для адаптации. Если, например, в условиях экономического спада заработная плата падает, это представляет собой сигнал для предприятий, указывающий на то, что они снова могут принять на работу больше людей. Однако информационная функция заработной платы этим не ограничивается. Размер заработной платы — это сиг-

**Заработная
плата тоже
должна обладать
способностью
к колебаниям**

нал, обеспечивающий рост числа представителей профессий, в которых реально нуждается рынок. Поскольку представители специальностей, в которых ощущается нехватка, оплачиваются хорошо, это представляет собой стимул для других людей приобрести такую специальность или повысить свою квалификацию. Напротив, специальности, которые утрачивают свою актуальность, оплачиваются все хуже, и этот факт является предупреждающим сигналом для молодых людей, собирающихся получить профессиональное образование.

Структурный дисбаланс на рынке труда

История, однако, показала, что рынок труда отличается от других рынков тем, что здесь сильнее выражен дисбаланс между спросом и предложением. Если не учитывать базовое обеспечение со стороны государства, работники весьма сильно зависят от своего успеха в поиске рабочего места. При определенном положении на рынке труда эта зависимость может поставить их под угрозу эксплуатации. Если найти другого работодателя вместо нынешнего нелегко, потому что работники не обладают необходимой мобильностью или потому, что спрос на их квалификацию и без того низок, а переучиться на другую, более востребованную специальность нет возможности, тогда они как минимум фактически находятся в подчиненном положении. Иногда имеет место и обратная ситуация. Предприниматели, которые привлекают рабочую силу, в определенных случаях полностью зависят от того, чтобы их команда работала качественно и чтобы сотрудники не покидали предприятие. Не исключено, что при определенном положении

Реликт классовой борьбы

Работодатель–работник: уже сами эти слова отражают противопоставление, сохранившееся со времен классовой борьбы. От предпринимателя ждут чего-то, надеются, что он что-то даст – рабочее место. При этом как раз предприниматель ищет, находит и оплачивает нечто нужное ему – рабочую силу. Если бы время создания подобных терминов давно не ушло, следовало бы их скорректировать и говорить не о работодателе, а о том, кто ищет рабочую силу или приобретает ее. А работника следовало бы называть предлагающим рабочую силу. Но в языке уже утвердились другие понятия.

на рынке труда предприниматели будут лишены возможности быстро найти других работников. В этом случае предприятию в ближайшее время будет грозить крах и банкротство. Такие случаи тоже бывают, но они, вероятно, встречаются реже. Как бы то ни было, утвердилось представление о том, что работники с точки зрения структуры рынка находятся в подчиненном положении в сравнении с работодателями.

Структурный дисбаланс на рынке труда — причина для множества мер государственного регулирования. Нынешнее трудовое право, которое складывалось в ФРГ с 50-х годов, включает в себя целый комплекс законов и правил, определяющих коллективные и индивидуальные аспекты трудовых отношений между работником и работодателем, включая положения относительно рабочего времени, защиты от увольнения, сроков, несчастных случаев на производстве и запрета дискриминации. Сюда же входит широкий круг тем, касающихся правового содержания тарифных договоров, прав и обязанностей работодателя и сотрудников предприятия, правовых аспектов борьбы работников за улучшение условий труда, судов по трудовым спорам, социального страхования, а также участия профсоюзов и советов работников предприятия в принятии решений. Инструментов регулирования в этой области в Германии значительно больше, чем в других странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Определение уровня заработной платы

Институциональная организация определения цены на рынке труда в Германии необычна для рыночных систем: как правило, цена определяется в коллективном порядке, в переговорах между профсоюзами и объединениями работодателей, а не индивидуально, между работником и работодателем. Для этого процесса сознательно было выбрано гармоничное название «социальное партнерство». Участники процесса, которые ведут переговоры не об одной заработной плате, а о «тарифах заработной платы», то есть о согласованном структурированном комплексе заработных плат, называются «сторонами

**Социальное
партнерство
сторон
тарифного
договора**

тарифного договора». Они заключают между собой «тарифный договор». Если договор заключается специально для конкретного предприятия, говорят о «тарифном договоре фирмы»; если его действие распространяется на всю отрасль — о «тарифном договоре отрасли»; если при этом он действует в целом регионе — о «территориальном тарифном договоре» для определенной отрасли.

Систему эту называют «тарифной автономией». Она представляет собой один из классических базовых элементов социального рыночного хозяйства, хорошо зарекомендовавших себя с течением времени. Партнеры по тарифному договору пользуются автономией, поскольку государство не вмешивается в процесс определения уровня заработной платы, кроме тех случаев, когда оно (например, для госслужащих) само выступает работодателем. На основании негативного опыта германской истории был сделан вывод о том, что партнеров по тарифному договору необходимо защитить от государственного влияния, дав им возможность урегулировать отношения самостоятельно и под собственную ответственность. Для этого им нужно сохранить автономию и гарантировать ее. Позиция невмешательства государства была бы возможна и при индивидуальном, а не коллективном порядке ведения переговоров о заработной плате. Однако здесь играет роль уже упомянутый исторически сложившийся дисбаланс в отношениях между работником и работодателем.

**Тарифная
автономия
под защитой
Конституции**

Тарифная автономия находится под защитой германской Конституции. В перечне основных прав Основного закона в статье 9, абз. 3 в отношении свободы объединений указано следующее: *«Каждому гражданину и представителям всех профессий гарантируется право на образование объединений в целях сохранения и развития трудовых и экономических отношений. Какие-либо договоренности с целью ограничить или помешать осуществлению этого права являются недействительными, а действия, нацеленные на это, — противозаконными». Это конституционное право действует как в активной, так и в пассивной форме: любой имеет право вступить в профсоюз либо в объединение работодателей, но никто не может быть к этому принужден».*

Забастовка и локаут

Основное право, регулирующее свободу объединений, при этом влечет за собой более широкие эффекты. В соответствии с нынешним пониманием правовых норм основное право свободы объединений, гарантированное Конституцией, включает в себя и средства для борьбы работников за свои права, такие как забастовка и локаут. Конечно, подобные меры представляют своего рода «Ultima Ratio» (*лат.* — крайнюю меру). К подобным средствам борьбы можно прибегнуть лишь в том случае, если иные возможности исчерпаны, то есть если переговоры и попытки мирного урегулирования не увенчались успехом. Стороны тарифного договора должны в интересах общества следовать принципам партнерства и демонстрировать готовность к сотрудничеству. Они обязаны устранять противоречия в интересах, стараясь достичь согласия и избежать борьбы.

Однако если конфликт неизбежен, он должен хотя бы протекать в рамках правовых норм. Борьбу нельзя начинать во время действия текущего тарифного договора, когда обе стороны обязаны «сохранять мир», решая возникающие проблемы исключительно путем переговоров. Кроме того, коллективы предприятий соответствующей отрасли должны предварительно принять решение о прекращении работы путем голосования. Забастовка — это всегда дорогое удовольствие и для профсоюзов, которые выплачивают своим членам пособие из забастовочной кассы, и для предприятий, производство на которых останавливается, и для всего общества, которому приходится мириться со значительными неудобствами. По причинам финансового и стратегического характера профсоюзы в последнее время все чаще ограничиваются точечными забастовками: работа прекращается лишь там, где ожидается наибольший эффект от остановки производства. Мера, обратная забастовке, — локаут — с правовой точки зрения также является допустимой в целях «паритета конфликтующих сторон» (так звучит соответствующая формулировка). Мера эта тем не менее считается спорной и редко применяется в последнее время.

Прочие аспекты тарифной автономии урегулированы на основе права на свободу объединений в Законе

**Забастовка –
всегда дорогое
удовольствие**

о тарифных соглашениях 1949 года. Помимо прочего, в законе указано, что тарифный договор действует для предприятия непосредственно и является обязательным в том случае, если его производственные мощности как с точки зрения принадлежности к определенной отрасли, так и с точки зрения нахождения в определенном регионе попадают в соответствующую зону тарифного регулирования. Кроме того, как работодатели, так и работники должны быть «организованы», то есть входить в соответствующее объединение работодателей либо в профсоюз. Разумеется, действие тарифных договоров регулярно распространяется и на «неорганизованных» работников — в тех случаях, когда работодатель, заключая с работником индивидуальное трудовое соглашение, ссылается в нем на действующий тарифный договор и включает в него оговорку, предусматривающую для данного работника равные условия с теми работниками, для которых тарифный договор действует. Благодаря этому удастся избежать внутренних конфликтов на предприятии. Отклонения от тарифного договора допускаются лишь в том случае, если в договоре присутствует оговорка, предусматривающая такую возможность.

Тарифные договоры могут опосредованно приобретать обязательный характер в том случае, если такое решение примет федеральный министр для определенной отрасли и определенного региона. Закон о тарифных договорах предусматривает подобную возможность распространения действия тарифных договоров на «неорганизованных» работодателей и работников, если у работодателей, связанных тарифным договором, работает не менее половины работников, для которых тарифный договор действует. Федеральный министр труда может объявить об обязательности тарифного договора для всех работников и работодателей и в том случае, если он считает, что подобный шаг принципиально соответствует общим интересам общества.

7. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРИУМФ

От Людвиг Эрхарда до Вольфганга Шойбле

Политическим наставником социального рыночного хозяйства был Людвиг Эрхард, экономист, хорошо знакомый с мыслителями Фрайбургской школы. Его до сих пор считают кузнецом знаменитого германского «экономического чуда», ошеломительного взлета германской экономики после войны. Однако сам Эрхард, выглядевший добродушным отцом семейства, невысокий и плотный, часто предстающий на фотографиях с сигарой, что тогда воспринималось как символ покоя и уюта, а не как политическая и социальная бестактность, упорно отвергал выражение «экономическое чудо». Это было вполне оправданно и имело веские причины. Ведь Эрхард всего лишь правильно установил политические ориентиры. Обладая теоретическим инструментарием, необходимым упорством и политической волей, Эрхард имел возможность проводить соответствующую его убеждениям политику. То, что произошло в результате, было не чудом, а лишь логичным следствием этой разумной политики.

Как и Мюллер-Армак, Эрхард стремился объединить свободу с социальной справедливостью. Однако если Мюллер-Армак отмечал, что он желал бы построения *«не либеральной рыночной экономики, предоставленной самой себе, а рыночной экономики, находящейся под осознанным управлением с целью поддержания ее социального характера»*, открывая таким образом возможности для государственного вмешательства в экономику, то Эрхард особенно настойчиво подчеркивал неразрывную связь

Экономическое
чудо чудом
не было

Людвиг Эрхард

Людвиг Эрхард (1897–1977) родился в г. Фюрт в семье торговца текстилем. После средней школы он в 1916 году окончил коммерческое училище, затем был призван на военную службу. С 1919 по 1922 год Эрхард получает высшее образование в Высшей торговой школе в Нюрнберге, затем изучает микроэкономику и социологию в Университете Франкфурта. В 1925 году он защищает диссертацию у Франца

Оппенгеймера. После этого Эрхард взял на себя руководство отцовским предприятием, но не смог спасти его во время мирового финансового кризиса.

С 1928 по 1942 год Эрхард работал в Институте по изучению конъюнктуры в области германских готовых изделий в Нюрнберге, преподавая параллельно в Нюрнбергской высшей торговой школе. С 1942 по 1945 год он руководил созданным им Институтом промышленных исследований, финансирующимся крупными промышленниками. Там он занимался разработкой концепции будущего послевоенного восстановления германской экономики. В своем меморандуме 1944 года он писал о необходимости проведения в перспективе денежной реформы. Уже в 1945 году он получил пост в правительстве Баварии, став министром промышленности и торговли. В 1947 году Эрхард руководит Особым отделом по вопросам денег и кредита при Финансовом управлении Бизонии (Объединенной экономической области американской и британской оккупационных зон). В 1948 году он становится директором Экономического управления Бизонии. На этом посту он осуществил денежную реформу, одновременно отпустив цены без подробного согласования этого шага с союзниками.

Позже Эрхард, вопрос о членстве которого в ХДС так и не получил однозначного ответа, тем не менее становится в 1949 году членом Бундестага, сохраняя депутатский мандат вплоть до своей кончины в 1977 году. С 1949 по 1963 год он занимает пост Федерального министра экономики, а с 1963 по 1966 год – пост Федерального канцлера Германии. Известная книга Эрхарда «Благосостояние для всех» становится его политическим завещанием.

между свободой и социальным характером экономики: *«Чем экономика свободнее, тем более она социальна».*

Эрхард установил ориентиры для социального рыночного хозяйства. Одновременно с введением в обращение немецкой марки в ходе экономической реформы в июне 1948 года он способствовал отмене нормированного распределения и ликвидации фиксированных цен на основные товары. Однозначного разрешения союзников на эти шаги он дожидаться не стал. Так Германия мгновенно перешла к рыночной экономике. 21 июня Экономический совет утвердил практически единоличное решение Эрхарда, приняв «Закон об основных принципах нормирования и политики цен после денежной реформы». После этого если и не мгновенно (как гласит легенда), то все же с фантастической скоростью витрины множества магазинов наполнились товарами, которые до этого были спрятаны на складах. Правда, в результате повышенного спроса, который прежде подавлялся, цены выросли, что вызвало мощные протесты и всеобщие забастовки. До массовой поддержки социального рыночного хозяйства тогда было еще далеко, населением владел страх.

Эрхард продолжал осуществлять свою программу. Он выступал за льготные условия амортизации и низкие налоги, чтобы активизировать инвестиции. И постепенно, как и ожидалось, экономика действительно заработала. Труд и инвестиции снова стали себя оправдывать. Экономический подъем в Германии стал стабильным и постоянным. Название книги, опубликованной Эрхардом в 50-е годы, «Благосостояние для всех», стало для той эпохи содержательным слоганом и лейтмотивом, способствовавшим консенсусу в обществе. Экономический рост в среднем составлял 7% в год.

**Благосостояние
для всех**

Политическое отражение концепция социального рыночного хозяйства получила в Дюссельдорфских тезисах ХДС. По инициативе Эрхарда в этих тезисах партия высказалась в пользу социального рыночного хозяйства как идеального *«третьего пути между чистым капитализмом и плановым хозяйством».* В 1959 году за ХДС последовала СДПГ с принятием своей Годесбергской программы. Важной вехой на пути к политической реализации концепции социального рыночного

хозяйства стало принятие «Закона против ограничений конкуренции» 1958 года. Был введен запрет на образование картелей, создан механизм регулирования доминирования на рынке, основано Федеральное ведомство надзора за деятельностью картелей. Людвиг Эрхард совместно со своим соратником, ордолибералом Францем Бёмом, правоведом, ставшим депутатом Бундестага, вел долгую и трудную борьбу за реализацию «фрайбургского императива». В конце концов именно Бём предложил компромиссное решение, которое смогло получить поддержку большинства и в ХДС/ХСС, и в Бундестаге.

«Закон против ограничений конкуренции» – трудоное рождение

Как и следовало ожидать, предпринимательское сообщество вначале не пришло в восторг от этой идеи. Связано это было с тем фактом, который еще Адам Смит шутливо описал в «Исследовании о природе и причинах богатства народов»: *«Предприниматели из одной отрасли редко собираются вместе, даже для праздников и развлечений, не заведя беседы, которая закончилась бы сговором против общества или выработкой некоего плана, ставящего себе целью повышение цен»*. В гораздо большей степени, нежели сегодня, любое ограничение со стороны законодательства, препятствующее достижению доминирующих позиций на рынке, воспринималось тогда как вмешательство в права частной собственности. Кроме того, Федеральный союз германской промышленности сопротивлялся реализации модели «полной конкуренции», которая изначально была положена за основу и которая, как мы знаем сейчас, действительно имеет значительные недостатки с точки зрения теории.

**Борьба против
препятствий
к выходу
на рынок**

Сегодня, более пятидесяти лет спустя, целью является «дееспособная», или «эффективная конкуренция». В основе этой современной модели лежит осознание того, что вопреки ожиданиям и монополист способен качественно обслуживать и снабжать потребителей. Это возможно в том случае, если его доминирование на рынке «небесспорно», а потому всего лишь временное, поскольку его место быстро может занять другое пред-

приятие. Для того чтобы обеспечить такую возможность, выходу на рынок не должны препятствовать ни существующие естественные барьеры, ни вновь создаваемые искусственные препоны.

Естественным образом выход на рынок конкурентов может быть ограничен, например, тогда, когда определенная предпринимательская деятельность требует подготовки, сопряженной с большими затратами, которые невозможно будет вернуть в случае неудачи. Экономисты в этих случаях говорят о «безвозвратных издержках».

Искусственно — и прежде всего намеренно — можно ограничить выход на рынок в том случае, если разные продукты стратегически связаны между собой, так что один без другого не может функционировать. Классический пример здесь — недавнее разбирательство дела компании «Майкрософт», закончившееся наложением санкций со стороны Еврокомиссии. Причина, которой руководствовалась Еврокомиссия в принятии этого решения, состояла в том, что «Майкрософт» использовала свою доминирующую позицию на рынке операционных систем для компьютеров в комплексе с техническим решением, чтобы вытеснить конкурентов и с рынков медиа-плееров и серверного программного обеспечения.

Однако вернемся в 50-е годы. После десяти лет переговоров и множества опровергнутых упреков и обвинений «фрайбургский императив» все-таки нашел свое отражение в правовых нормах, регулирующих конкуренцию. Первая редакция «Закона против ограниченной конкуренции» представляла собой сокращенный вариант, не включавший в себя контроль за слияниями; упор был сделан на запрет образования картелей. В берлинском районе Темпельхоф было создано Федеральное ведомство по надзору за деятельностью картелей. Сегодня оно располагается в Бонне. Ведомство занимается случаями, выходящими за пределы одной федеральной земли Германии. В пределах одной федеральной земли за эти вопросы отвечает соответствующее земельное ведомство. Кроме того, сейчас Федеральное ведомство по надзору за деятельностью картелей применяет и европейское право, если, конечно, масштабы рассматриваемого случая не переводят его в сферу компетенций

Еврокомиссии в Брюсселе. Федеральное ведомство по надзору за деятельностью картелей может налагать ряд санкций, к которым прежде всего относятся запреты, наложение обязательств и денежные штрафы.

**Создание
возможностей
для конкуренции**

Поправки в «Закон против ограничений конкуренции» пришлось вносить уже в 1958 году, то есть в тот же год, когда закон вступил в силу. Кроме того, в 70-е годы закон был дополнен не вошедшими в первоначальную

Закон против ограничений конкуренции

Важной составляющей закона является запрет горизонтальных и вертикальных ограничений конкуренции. Под горизонтальными ограничениями конкуренции понимается классический картель, то есть ситуация, когда предприятия, находящиеся на одном и том же («горизонтальном») уровне и конкурирующие между собой, вступают в ценовой сговор. Вертикальное ограничение конкуренции имеет место тогда, когда в ценовой сговор вступают предприятия, связанные между собой и находящиеся на разных ступенях одной и той же цепочки создания добавленной стоимости, например автопроизводитель и дилер.

Контроль над слияниями состоит в том, что предприятия, которые планируют объединиться, должны подать уведомление об этом и пройти соответствующую проверку. Если в результате слияния предприятие займет или укрепит доминирующую позицию на рынке, то разрешение на такую сделку будет получено лишь в том случае, если удастся доказать, что подобный шаг тем не менее послужит улучшению условий конкуренции на рынке. В качестве последней инстанции разрешение на слияние, несмотря на возражения Федерального ведомства по надзору за деятельностью картелей, может дать Федеральный министр экономики, если он считает, что подобный шаг служит «высшим интересам общества». Различным предприятиям уже приходилось воспользоваться такой возможностью получения разрешения от министра, при том что подобная мера с точки зрения политики хозяйственного порядка должна применяться с величайшей осторожностью. Одним из последних нашумевших случаев такого рода была сделка по слиянию «Э.ОН Рургаз» в 2002 году.

Еще одним важным элементом «Закона против ограничений конкуренции» является так называемый контроль за злоупотреблениями. Эти меры должны воспрепятствовать тому, чтобы доминирующая позиция на рынке, которую уже занимает предприятие, не использовалась во вред конкурентам и обществу.

редакцию положениями о контроле над слияниями. До сегодняшнего дня «Закон против ограничений конкуренции» подвергался изменениям семь раз. Этот закон направлен на реализацию центрального принципа неолиберализма: принципиальное обеспечение конкуренции. Наряду с ним существует множество законов, регулирующих корректное поведение конкурентов на рынке. Прежде всего необходимо упомянуть «Закон против недобросовестной конкуренции». Кроме того, сюда относятся «Закон о патентах» и «Закон о товарных знаках».

«Час ноль» как благоприятный момент

В «час ноль» Германии несказанно повезло. После катастрофы Второй мировой войны и краха преступного национал-социалистического режима Третьего рейха Германии, несмотря на всю вину и страдания, был предоставлен шанс начать все заново. В этой ситуации было наконец осознано то, что ранее разработали великие умы неолиберального и ордолиберального направлений, то, что они до этого вынуждены были скрывать в ящиках своих письменных столов. То была удачная ситуация, когда конструктивно мыслящие, готовые оказать поддержку и финансовую помощь оккупационные власти терпимо отнеслись к тому, что опытный и дальновидный Людвиг Эрхард, не согласовывая своих шагов с ними, уверенно установил новые ориентиры.

Шанс начать все заново

Однако прежде всего это была ситуация, когда Германия оказалась, по выражению британского философа Джона Роулза, под «пеленой неведения»: все были равны; никто не мог предвидеть, каким будет его положение в жизни и в германском обществе в дальнейшем. В Германии все смешалось, царила нищета, практически никто не мог с большей или меньшей уверенностью просчитать, как он будет жить дальше. Это была ситуация полной неуверенности в будущем.

Это нельзя сравнить с той неуверенностью, которую принесла человечеству большая рецессия XXI века. Подобной чрезвычайной и фундаментальной неуверенности в завтрашнем дне, которая наложила свой отпечаток на жизнь людей после окончания войны, сегодня больше

нет. Для тех, кто пережил преступную власть нацистов и войну, время было очень тяжелым. Достаточно вспомнить обо всех разрушениях, обо всех тех людях, которые потеряли семьи и все имущество, о депортированных, переживших тяжелейшую травму, лишившихся родины и пытавшихся как-то выстроить свою жизнь на чужбине.

За пеленой неведения

Но для проведения политики хозяйственного порядка эта ситуация одновременно представлялась идеальной. Ведь за «пеленой неведения» создаются лучшие правила, абстрактно правильные и потому хотя бы гипотетически способные получить поддержку общества. Это не те правила, от внедрения которых рассчитывают выиграть лишь отдельные группы и потому в своих корыстных интересах оказывают им поддержку. Это правила, которые просто служат принципам общего блага, что остается единственным существующим критерием для всех до тех пор, пока никто не знает, какую позицию он займет в будущем и что будет отвечать его собственным интересам. Именно в этой ситуации благодаря смелым идеям и моделям, разработанным мыслителями неолиберального направления, и благодаря практицизму, настойчивости и целеустремленности Людвиг Эрхарда скрытая за «пеленой неведения» Германия в «час ноль» обрела социальное рыночное хозяйство. В Германии был принят Основной закон, положения которого без каких бы то ни было временных ограничений были направлены на построение свободного демократического государства и рыночной экономики. Социальное рыночное хозяйство — это бесценный дар, наследие, которое необходимо сохранять и оберегать.

Фиксация в Основном законе

Социальное
рыночное
хозяйство
в Основном
законе

Однако в Основном законе, который в 1949 году вступил в силу как Конституция ФРГ, нет даже однозначного упоминания о социальном рыночном хозяйстве. Основной закон оставляет для экономической системы некоторое пространство для маневра. Тем не менее Основной закон

как минимум подготовил для социального рыночного хозяйства почву, на которой оно сразу же прижилось. Это следует из комбинации гарантированных Основным законом прав и свобод, основанных на человеческом достоинстве (статья 1), с предусмотренными в нем социальными обязательствами. Так, в Основном законе закреплено право на свободное развитие личности (статья 2), из которого следует свобода потребления, свобода предпринимательства и свобода конкуренции, а также право на создание объединений в целях сохранения и развития трудовых и экономических отношений (статья 9), право на свободный выбор профессии и места работы (статья 12), право частной собственности на средства производства (статья 14). Одновременно в статье 14 указывается: «Собственность обязывает. Обладание ею должно одновременно служить общественному благу». Помимо этого, в статьях 20 и 28 зафиксирован принцип социального государства, который, однако, оставляет определенное пространство для толкований и потому вызывает дискуссии.

Договор об объединении Германии

С состоянием неопределенности покончил Договор об объединении Германии. В Государственном договоре «О создании валютного, экономического и социального союза», подписанном ФРГ и ГДР 8 мая 1990 года, который стал договором об объединении страны и в обсуждении и подписании которого принимал участие тогдашний Федеральный министр внутренних дел Вольфганг Шойбле (ХДС), было зафиксировано, что общей экономической системой является социальное рыночное хозяйство. Благодаря этому концепция социального рыночного хозяйства, прежде подразумевавшаяся имплицитно, получила эксплицитную правовую кодификацию. Статья 1, абз. 3 Государственного договора предусматривает «частную собственность, конкуренцию, свободу ценообразования и полную свободу перемещения рабочей силы, капитала и услуг», а абз. 4 — «структуру рынка труда, соответствующую социальному рыночному хозяйству, и комплексную систему социального обеспечения, основанную на результатах труда и принципах социального выравнивания».

Общая
экономическая
система
для Востока
и Запада

IV

РИСКИ И ВЫЗОВЫ

8. ОШИБКИ, ПРОСЧЕТЫ И ЛОЖНЫЕ СТИМУЛЫ

Риски социального рыночного хозяйства на каждом повороте

В 1950-х годах жизнь в Германии постепенно вновь вернулась в нормальное русло. Начала складываться структура нового общества. Люди стали шаг за шагом выбираться из-под завесы неведения. Частные интересы снова стали выходить на первый план. Постигание общественного блага давалось нелегко. С тех пор необходимо было отстаивать, сохранять, укреплять и поддерживать идеи социального рыночного хозяйства как ценнейшее наследие первых послевоенных лет, и в первую очередь защищать их от ложных друзей. Угроз и рисков было — и остается — множество.

Противоречия между «социальным» и «рыночным»

При нахождении баланса, в частности при расчете дозы политического регулирования, необходимой для строительства социального рыночного хозяйства, необходимо следить за тем, чтобы эти меры не подавляли частную предпринимательскую инициативу. Соблюсти эту меру бывает совсем не просто. Не всегда удается сочетать «социальный» и «рыночный» компонент настолько бесконфликтно, как себе это представлял Мюллер-Армак, предложивший «примиряющую формулу». Чем это обусловлено? Проблема здесь состоит в следующем: свобода на (конкурентном) рынке способствует повышению экономической эффективности. Таким образом, в услови-

Трудно найти баланс

ях свободы на (конкурентном) рынке создается «общий пирог», который в соответствии с логикой добросовестной конкуренции распределяется между гражданами. При этом кусочки пирога изначально разные по размеру. Если государство вмешивается в процесс распределения, стараясь раздавать гражданам более или менее равные куски пирога, то это снижает у человека, у которого что-то забирают, стимул к упорному труду. А если таких людей набирается много, то сам пирог, который можно было бы распределить, изначально оказывается значительно меньше. Люди просто не хотят трудиться «на чужого дядю».

Чтобы этого не происходило, еще ранние неолибералы предложили в 1938 году на «Коллоквиуме Уолтера Липпмана» в Париже критерий соответствия экономических и социально-политических мер требованиям рынка: если уж государство вмешивается в хозяйственную деятельность, то его интервенции не должны вступать в противоречие с законами рынка. Ущемленный рынок далеко не столь эффективен, как свободный рынок. Поэтому Альфред Мюллер-Армак говорил о том, что интервенции государства должны *«обеспечивать выполнение социальных задач, не нарушая при этом работу рыночных механизмов»*. Ключевой, самый важный элемент «рыночных механизмов» — это цены; их сигнальная система должна быть сохранена. Ведь цены несут в себе всю важную информацию о соотношении спроса и предложения, а также о желаниях потребителей. Соотношение цен направляет дефицитные ресурсы туда, где они могут быть наилучшим образом использованы. Поэтому все хозяйственно-политические меры должны осуществляться так, чтобы не исказить ценовую систему и не нарушать механизм ценообразования. Можно и так сказать: коррекцию всегда следует проводить только потом, задним числом. И эта коррекция должна состоять в перераспределении результатов работы рынка, но не в изменении условий, порождающих эти результаты.

Рыночно-
конформный
интервенционизм
как хождение
по канату

Осуществить такую коррекцию бывает совсем не просто. Такие операции похожи на номер канатоходца в цирке, нередко случаются неудачи. А неудачи подрывают конкурентный порядок в экономике. Взять, к примеру, сферу государственной социальной поддержки. Если здесь соблюдать законы рынка, то это значит, что гражд-

дан — несмотря на необходимость государственной поддержки — нельзя побуждать к неверным экономическим решениям с помощью искусственно установленных цен. Такой случай будет иметь, например, место, если государство будет требовать от поставщиков электроэнергии введения социальных тарифов, чтобы снизить финансовую нагрузку на нуждающихся граждан. Не так давно такую меру даже всерьез обсуждали. Но это стало бы не просто чудовищным вмешательством в предпринимательскую свободу энергетических компаний. Намного хуже то, что обусловленный естественными ограничениями и соответствующими ценами стимул к экономии электроэнергии был бы для определенного слоя населения ослаблен или вообще отменен. Пользуясь льготными тарифами, эти граждане стали бы потреблять больше электроэнергии, чем раньше. Но это неэффективно и экономически совершенно не оправданно.

Если правительство хочет помочь гражданам, страдающим от высоких тарифов на электроэнергию, оно не должно этими тарифами манипулировать; в то же время оно просто может помочь нуждающимся деньгами. Экономисты называют это паушальным трансфертом доходов. Такие трансферты — это инструмент, не противоречащий законам рынка: они не нарушают механизм ценообразования, а лишь являются его дополнением. Таким образом, высокий тариф на электричество сохраняет свое стимулирующее действие, а ситуация небогатых граждан тем не менее улучшается. При этом у них есть свобода выбора — потреблять ли им действительно больше электроэнергии или же потратить деньги на что-то другое. Так что помощь со стороны государства — это не обязательно строгая опека.

Но не стоит все же предаваться иллюзиям: даже такие вмешательства, вроде бы не противоречащие рыночным законам, все равно влияют на механизмы ценообразования. Дело в том, что покупательная способность малообеспеченных граждан, которая повышается за счет трансфертов, преобразуется в дополнительный спрос. Этот дополнительный спрос является там, где он вступает в действие, импульсом к повышению цен по сравнению с ситуацией, когда таких трансфертов не было. Пусть импульс невелик, но он просто так не пройдет

**Помощь
не должна
становиться
опекой**

даром. Вмешательство остается вмешательством. Пусть оно не противоречит рыночным механизмам, но оно все равно оказывает влияние на рынок. С учетом этого обстоятельства общее правило можно сформулировать так: если вмешательство желательно и представляется неизбежным, то для этого следует избрать по крайней мере инструмент, меньше всего влияющий на механизм ценообразования, который является важнейшей основной конкурентного порядка в экономике.

Ловушки на рынке труда

В особой мере это относится к такой важнейшей сфере, как рынок труда. Поскольку фактор занятости жизненно важен для отдельного гражданина, государственные органы испытывают сильнейший соблазн к тому, чтобы ограничить или вообще отключить в этой сфере действие рыночно-ценового механизма. Но и на рынке труда даже самое обоснованное регулирование, искажающее работу ценового механизма, создает угрозу того, что оно будет способствовать эрозии принципов социального рыночного хозяйства — в ущерб всему обществу.

Участие работников в управлении предприятием

Участие наемных работников в управлении предприятием в Германии осуществляется через так называемые Производственные советы. Эти советы занимаются такими вопросами, как порядок на предприятии, оснащение рабочих мест, регулирование производственных процессов, охрана труда. В их компетенцию входят также распределение рабочего времени, кадровое планирование, принципы подбора персонала, социальные услуги, учет рабочего времени и контроль качества продукции.

Участие работников в управлении предприятием осуществляется прежде всего через наблюдательные советы крупных компаний, которые избираются на паритетной основе, то есть пополам из представителей работодателей и представителей наемных работников. Наблюдательный совет назначает и освобождает от обязанностей членов правления (совета директоров) компании, осуществляет контроль за деятельностью администрации, проверяет финансовую документацию.

Во всем надо находить правильную меру. Ярким примером здесь является участие наемных работников в управлении предприятием.

С одной стороны, участие работников в управлении компанией полезно, поскольку работники тем самым берут на себя часть ответственности за работу предприятия. Но с другой стороны, следствием этого зачастую является большее внимание к интересам наемных работников, чем это было бы полезно для достижения предпринимательского успеха, например в ходе тарифных переговоров. Нередко бывает, что такие переговоры ввергают компанию в ситуации, связанные с большими рисками, и даже ставят ее на грань выживания.

Общее правило здесь такое: если условия, на которых кто-то может быть принят на работу, слишком накладны для предприятия, то это снижает спрос на рабочую силу — и тогда возникает безработица. И если безработный к тому же получает слишком щедрое социальное пособие, то у него снижается чувство ответственности за самого себя. Это противоречит духу социального рыночного хозяйства, которое хотя и ориентировано на солидарность общества, но все же исходит из того, что каждый гражданин — это свободный, самостоятельный человек, отвечающий за самого себя. Именно этот посыл лежал в основе «Программы 2010», принятой весной 2003 года по инициативе тогдашнего федерального канцлера Германии Герхарда Шрёдера, представлявшего Социал-демократическую партию (СДПГ). Эта программа представляла собой пакет мер, направленных на организационно-политическое упорядочение рынка труда, объединение систем пособий по безработице и социальной помощи, а также реформирование системы обязательного медицинского страхования.

Еще один риск для социального рыночного хозяйства связан с механизмом работы рынков труда и так называемой проблематикой инсайдеров-аутсайдеров: «инсайдеры», то есть люди, имеющие рабочее место, заинтересованы в том, чтобы их трудовые отношения строились на выгодных для них условиях. Они заинтересованы в жестком и широком государственном регулировании. Точка зрения «аутсайдеров», то есть ищущих работу людей, несколько иная. Они зачастую готовы согласиться на менее

**Дискриминация
безработных**

жесткое регулирование, если только это позволило бы предприятию вообще взять их на работу. Любое регулирование так или иначе связано с ограждением людей, имеющих работу, от конкуренции с теми, кто ее не имеет. Поэтому оно всегда является определенной дискриминацией безработных по отношению к работающим гражданам.

Последствия тарифной автономии

«Проблематика инсайдеров-аутсайдеров» всегда влияла и влияет на уровень оплаты труда. Тарифная автономия и ведущиеся на ее основе коллективные тарифные переговоры опираются на два главных тезиса. Во-первых, государство не должно вмешиваться в процесс определения уровня заработной платы работников. Во-вторых, силы работодателей и наемных работников не равны, наемные работники всегда находятся в менее выгодном положении, и этот дисбаланс необходимо подправить. Федеральный конституционный суд Германии в решении от 4 июля 1995 года разъяснил свою позицию по данному вопросу. Кроме того, тарифная автономия способствует мирному разрешению споров: борьба за уровень оплаты труда выносится за ограду предприятий. Система коллективных тарифных переговоров зарекомендовала себя как фактор стабилизации, как удачный инструмент поддержания социального мира.

**Конкуренция
по оплате труда
практически
отсутствует**

Есть, конечно, экономисты, которые усматривают в этом «исключения из общепринятого права» (Хайек) и структурное нарушение принципов конкурентного порядка. Как правило, они указывают на то, что свобода объединений на рынке труда приводит к образованию своего рода картелей и тем самым к концентрации власти в частных руках. Это принципиально противоречит идее свободной конкуренции и ослабляет ценовой механизм. По этой причине говорят даже о «тарифном картеле». Участникам тарифного процесса не нравится это выражение, имеющее однозначно негативный оттенок. Но в нем все же есть рациональное зерно: конкуренция по оплате труда здесь практически выключена.

А там, где выключена конкуренция, возникает риск завышения цен. На рынке труда завышенные цены — это

завышенные зарплаты. «Завышенные» не означает, что зарплаты вообще слишком высокие, они завышены относительно тех показателей, которые сложились бы при полной занятости. То, что здесь имеет место определенный перекос, очевидно: объединения, действующие от имени «инсайдеров» рынка труда с обеих сторон, в ходе переговоров исходят, что понятно, прежде всего из своих инсайдерских интересов, а не из интересов тех, кто ищет работу, то есть «аутсайдеров». Во время переговоров распределение прибыли между работодателями и наемными работниками, между трудом и капиталом как факторами производства играет гораздо бóльшую роль, чем забота о безработных.

В результате безработица не исчезает, а скорее имеет тенденцию к закреплению. Завышенные тарифы оплаты труда могут повлечь за собой и другие негативные для общества явления: они могут ухудшить или даже вообще задушить конъюнктуру в отрасли или во всей экономике страны.

Опыт в этом плане накоплен разнообразный. В Германии были периоды умеренной и не очень умеренной политики в сфере повышения заработной платы. Особенно сложными выдались 1970-е годы, когда в стране действительно была полная занятость. Тогда случались массовые, продолжавшиеся по несколько недель забастовки — сначала на предприятиях металлургической промышленности, а затем и в других отраслях. Профсоюзы добились выполнения своих требований о существенном повышении заработной платы. Тем самым они запустили процесс широкой рационализации производств, который резко ускорился после экономического кризиса середины 1970-х годов и неминуемо привел к росту безработицы.

В 1990-е годы, когда пришлось заниматься экономической интеграцией земель бывшей ГДР, баланс интересов тоже не был соблюден. Зарплаты в Восточной Германии были резко повышены с целью выравнивания уровня доходов населения на западе и востоке страны. Рост зарплат не соответствовал темпам повышения производительности труда, а это привело, в свою очередь, к тому, что издержки по оплате труда на единицу продукции в Восточной Германии оказались вдвое выше,

**Угроза
ухудшения
конъюнктуры**

чем на Западе. Стало невыгодно создавать рабочие места в восточных землях. Это ускорило деградацию экономики в «новых землях» и вызвало волну отказов предпринимателей от участия в тарифных переговорах. В 1998 году Федеральное правительство Германии учредило так называемый «Союз за труд» — новую версию «Согласованного действия» 1960-х годов (см. С. 146). С учетом того, что уровень безработицы достиг 11%, цель «Союза за труд» состояла в том, чтобы создать в сотрудничестве с союзами предпринимателей и профсоюзами предпосылки для улучшения ситуации на рынке труда и повышения конкурентоспособности германской экономики. На бумаге была зафиксирована договоренность о том, что в будущем прогресс в производительности труда не будет непосредственно отражаться на росте зарплат, который был бы в конечном счете выгоден только «инсайдерам». Вместо этого дополнительные средства предполагалось направить на создание новых рабочих мест. Но эти слова не были подкреплены конкретными действиями. Лишь в первом десятилетии нового века политика в сфере оплаты труда снова вошла в умеренное русло.

Если политика государства в сфере оплаты труда выходит за рамки разумного, тарифная автономия приводит к результатам прямо противоположным тому, что изначально ожидалось: основная идея тарифной автономии состоит в эмансипации сторон тарифных переговоров, в том, чтобы гарантировать им независимость от нажима со стороны государства, с тем чтобы они действовали ответственно и осмотрительно. Такая конструкция, правда, не исключает ситуаций, когда участники тарифных переговоров просто перекладывают на общество ответственность за последствия своих действий. Ведь финансовую поддержку безработных в Германии полностью обеспечивают не участники тарифного процесса, а все налогоплательщики.

**Обязательность
тарифных
соглашений**

Проблематика инсайдеров-аутсайдеров связана также с общей обязательностью тарифных соглашений. Сторонники такой обязательности аргументируют в том плане, что неорганизованные работодатели и наемные работники не подчиняются действующему тарифному соглашению, которое для них не является обязательным к исполнению, получая таким образом незаслуженное

конкурентное преимущество перед конкурентами, связанными этим соглашением. Это действительно было бы для них проблемой — так же как конкуренция всегда является проблемой для производителя с более высокими издержками. Но запрет конкуренции в любом случае несовместим с принципами конкурентного порядка и социального рыночного хозяйства. Для работодателей и наемных работников, не организованных в союзы, общая обязательность тарифных соглашений могла бы стать фатальной. Как правило, многие работодатели не вступают в союзы, чтобы не подчиняться территориальному тарифному соглашению, которое было бы для них невыполнимым. В Восточной Германии после воссоединения страны наблюдалась особенно большая волна выходов компаний из союзов предпринимателей и тарифных соглашений. В 2008 году доля предприятий, не подчинявшихся тарифным соглашениям, по всей Германии составила 44%. Выход из тарифного объединения, однако, не означает, что компания сразу же освобождается от привязки к территориальному тарифному соглашению, — эта привязка исчезает лишь с заключением нового соглашения.

Тот факт, кстати, что уровень членства наемных работников в профсоюзах в последние годы тоже снижается, объясняется скорее иждивенческими настроениями: благодаря принципам равного подхода ко всем членам трудового коллектива и обязательности применения тарифного соглашения такие работники пользуются всеми преимуществами соглашения, сами не вступая в профсоюз. Тем самым снижается стимул к вступлению в профсоюз. Такое поведение получило в последние годы большое распространение. В 1950-е годы уровень профсоюзного членства работников составлял около 45%, сегодня же он сократился до 20%. Эти тенденции создают большие проблемы для профсоюзов — не только из-за снижения их влияния в обществе, но и в связи с сокращением объема собираемых профсоюзных взносов.

Грехопадение по имени МРОТ

«Сладкий яд» минимальной заработной платы, по-видимому, очень притягательный для многих политических

Удар по тарифной автономии

деятелей, представляет собой еще одну угрозу для социального рыночного хозяйства. Введение в некоторых отраслях обязательного минимального размера оплаты труда — это серьезный удар по тарифной автономии. Ведь тем самым стирается четкая граница между государством и свободной экономикой: государство вмешивается в сферу бизнеса. Стороны тарифных переговоров лишаются части своих полномочий.

В отличие от многих других стран Германия в течение долгих лет прекрасно обходилась без гарантированного государством МРОТ. Без МРОТ немцы не впадали в нищету — для этого существовала надежная система социального обеспечения. Давно существующее пособие по безработице второй ступени (ALG II) — это инструмент, выполняющий социально-политическую функцию базового обеспечения граждан. ALG II получает любой нуждающийся гражданин вне зависимости от причин

Закон о минимальной тарифной заработной плате наемных работников

Закон о минимальной тарифной заработной плате наемных работников 1996 года установил минимальные стандарты для работников сферы строительства. Вначале речь шла о том, что нужно оградить немецких работников от конкуренции со стороны иностранцев. Авторы закона хотели предотвратить спираль зарплатного демпинга в строительной отрасли, куда привлекалось особенно много дешевой иностранной рабочей силы. Согласно принятому закону иностранные строительные компании должны оплачивать своих рабочих, которых они командировывают на работу в Германию, в соответствии с немецким тарифным соглашением, если оно является общеобязательным. Общеобязательность соглашения устанавливает своим распоряжением Министерство социального обеспечения. В 2007 году действие Закона о минимальной тарифной заработной плате наемных работников было распространено на другие отрасли экономики, от почтового сообщения до служб клининга. В 2009 году закон был принят в новой редакции, его полное название: «Закон об обязательных условиях труда для командированных из-за рубежа и регулярно занятых в Германии наемных работников». Эти «обязательные условия труда» подразумевают кроме минимального тарифа также право на отпуск, охрану труда и здоровья, а также предоставление рабочей силы в аренду.

его затруднений и объема выплаченных страховых взносов. Тем не менее вопрос введения МРОТ поднимался вновь и вновь. В 1996 году Бундестаг открыл для него законодательные шлюзы, приняв Закон о минимальной тарифной заработной плате наемных работников (AEntG) в строительной отрасли.

С распространением действия Закона о минимальной тарифной заработной плате наемных работников на другие отрасли экономики фактически отпал принципиальный вопрос о том, что если уж вводить МРОТ, то какой — общий, применяемый для всех отраслей без исключения, или же дифференцированный по отраслям. Для обоих вариантов имеются свои экономические аргументы: в пользу всеобъемлющего МРОТ говорит то, что в таком случае не было бы отраслевых перекосов. Секторальная дифференциация, с другой стороны, учитывала бы различия в уровне зарплат, сложившемся в разных отраслях. Но если допустить такую дифференциацию, она все равно отразилась бы на механизме ценообразования.

На практике сегодня по-прежнему руководствуются Законом о минимальной тарифной заработной плате наемных работников, а также Законом об обязательных условиях труда. В политическом плане этот инструмент заслуживает критики за то, что в нем не сохранена старая норма, согласно которой соглашение должно охватывать не менее половины всех работников отрасли, чтобы оно было объявлено общеобязательным. Таким образом, немецкие МРОТ имеют тенденцию к конфликту с двумя конституционными принципами — как с позитивной, так и с негативной свободой объединений. Введение МРОТ отменяет позитивную свободу объединений, то есть право партнеров по тарифному соглашению регулировать условия труда в ходе коллективных тарифных переговоров между союзами работодателей и профсоюзами. То же самое касается негативной свободы объединений, то есть права партнеров по тарифному соглашению не подчиняться никакому внешнему регулированию, ведя вместо этого индивидуальные переговоры.

Так что МРОТ — это не только чужеродный элемент в тарифной автономии, МРОТ противоречит базовым принципам конкурентного порядка: опоре на ценовой механизм, который координирует работу всей экономи-

**Скорее всего
общий МРОТ**

**Не средство,
предотвращающее
бедность**

ки, и целям достижения «благополучия для всех». Дело в том, что МРОТ не является средством, надежно предотвращающим бедность. Скорее он способствует усилению безработицы там, где его вводят.

Почему это так? Потому что при введении МРОТ есть только две возможности. Либо МРОТ настолько низок, что ни на что не влияет, потому что все или по крайней мере большинство работников и без того получают больше. Тогда от МРОТ нет особого вреда. Либо он выше, чем естественный, сложившийся на рынке уровень оплаты некоторых видов работ. Тогда МРОТ вреден, поскольку заставляет работодателя платить за работу больше, чем он был бы готов заплатить. А на завышенную цену спрос почти всегда реагирует снижением запрашиваемого количества. Таким образом, МРОТ заменяет риск по доходам риском по занятости: на смену угрозе малого заработка приходит еще более серьезная угроза — не найти рабочего места по искусственно завышенной цене и быть обреченным на получение государственной милостыни.

Единственное исключение, когда МРОТ полезен и тем не менее не ведет к дополнительной безработице, это описанный Вальтером Ойкеном в четвертом регулирующем принципе случай аномалии на рынке труда, вследствие которой предложение рабочей силы при снижении зарплаты не сокращается, как это обычно бывает. Сегодня говорят также о возможности регионального монопольного спроса на труд — монополии — со стороны работодателей. Тогда работники не могут перейти к другому работодателю, потому что другого просто нет. В таком случае ценовой механизм тоже не работает. Тогда в самом деле можно подумать о введении МРОТ. Но такие случаи — это все же исключение, а не правило.

Раздутое государство

**Эрозия
социального
рыночного
хозяйства**

Введение МРОТ — это симптом постепенной эрозии, которой концепция социального рыночного хозяйства подвергалась за шесть десятилетий своего не только теоретического, но и реально-политического существования в Германии. В некоторых аспектах реальность жизни отошла от изначальной концепции под влиянием

политического акционизма. Социальные элементы все больше теснили рыночную основу. Все реже вспоминали требование о том, что социальный элемент должен не подрывать конкуренцию, а находиться с ней в симбиозе. Сети социальной поддержки в Германии с течением времени становились все плотнее и прочнее. Пенсии становились все более гибкими, автоматически привязанными к уровню оплаты наемного труда. Все больше граждан вовлекались в систему государственного социального обеспечения. Расширялась социальная помощь. Все наемные работники продолжают получать зарплату во время болезни. В результате с течением времени государственный сектор экономики сильно вырос. Пример тому – социальная квота, то есть доля в ВВП социальных расходов, которые несет государство, предприятия и частные лица. С 21% в 1960 году она выросла до почти 30% на сегодняшний день. Социальные расходы на душу населения составляли в 1960 году (в пересчете с марок) 588 евро, сегодня же они составляют более 8600 евро.

Еще один пример – это доля государственных расходов во внутреннем валовом продукте. С 1950 по 1962 год этот показатель составлял менее 35%. В 2008 году эта доля достигла 44%, высшая точка была достигнута в 2003 году – 48,5%. Государственные меры по преодолению глубокой рецессии, наступившей вследствие финансового кризиса 2008/2009 годов, еще больше увеличат долю государственных расходов. Доходы народного хозяйства Германии тогда будут расходоваться примерно поровну государством и частным сектором. Наблюдая за – очевидно, присущей системе – тенденцией к росту доли государственных расходов, Людвиг Эрхард еще в 1960-е годы высказывал сомнения: *«Имея 40-процентную долю государственных расходов в социальном продукте, мы являемся страной, занимающей лидирующие позиции в некоммунистическом мире... а потом эти 40% превратятся в 45 или 50%. Вы по-прежнему верите в то, что и тогда сохранится либеральный строй, что наш народ и тогда все еще будет состоять из людей, которые обладая духовной и материальной независимостью, смогут оставаться настоящими гражданами в демократическом смысле?»*

Тенденция к росту доли расходов государства

Укрепить стабильность

Раздутой оказалась не только социальная сфера, причем настолько, что возникла угроза для всего социального рыночного хозяйства. Государство в течение десятилетий наращивало объем своих полномочий. Так, в Германии возникла «политика укрепления стабильности» — наряду с политикой аллокации и политикой распределения это сравнительно новый сектор деятельности государства в экономической сфере. Она строится на основе принятого в 1967 году Закона о поддержке стабильности и роста экономики, который кратко называют «Закон о стабильности и росте», или, еще короче, «Стабилизационный закон».

Тогдашний федеральный министр экономики и финансов, «суперминистр» Карл Шиллер добился принятия в 1967 году Закона о стабильности и росте. *«Стабильность — это не всё, но без стабильности всё — ничто»*, — говорил он. Шиллер является также инициатором так называемой акции «Согласованное действие». В рамках этого форума регулярно встречались представители правительства, лидеры общественных организаций и эксперты, ведя дискуссии об оплате труда и тарифной политике. Позже он превратился в «совещания у канцлера», а потом в «Союз за труд».

Стабилизационная политика на самом деле является прежде всего политикой регулирования процессов. Поэтому она всегда вызывает подозрения: государственное

Закон о стабильности и росте

Закон о стабильности и росте (полное название Закон о поддержке стабильности и роста экономики) конкретизирует цели государства по обеспечению общеэкономического равновесия, закрепленные в части 2 статьи 109 Основного закона Германии. Здесь описан знаменитый «магический четырехугольник» как наивысшая цель экономической политики. Он включает в себя четыре цели: стабильность цен, высокая степень занятости, внешнеэкономическое равновесие и постоянный соразмерный рост экономики. Эти четыре цели должны быть достигнуты одновременно. Опирающийся на кейнсианскую теорию Закон о стабильности и росте обязателен для федерации и федеральных земель Германии.

регулирование зачастую нарушает или даже вообще блокирует работу механизма рыночной координации. Но государство может исполнять функцию по стабилизации экономики иными средствами, устанавливая общеполитические рамки так, чтобы механизм координации рынка через цены снова эффективно заработал.

Особенно важную стабилизирующую роль государство может сыграть на финансовых рынках. В этой сфере слишком долго отсутствовали соразмерные нормативные рамки. Это не означает, что регулирования должно быть значительно больше, — напротив, оно должно быть лучше. Необходимо регулирование, которое исходило бы из базовых принципов социального рыночного хозяйства. История возникновения кризиса, который зародился в Соединенных Штатах, а затем распространился по всему миру, — это яркий пример неправильного политического регулирования экономических процессов, нарушения сформулированных Вальтером Ойкеном «основных принципов» конкурентного порядка. Так, американское государство заставляло банки выдавать льготные кредиты малоимущим гражданам. Такое нарушение принципа свободы заключения договоров в сочетании с искусственным дефицитом земель под застройку способствовало росту цен на недвижимость и перегреву рынков недвижимости в США. Принцип материальной ответственности также применялся не повсеместно: банки, выдававшие ипотечные кредиты, зачастую вполне легально снимали с себя ответственность.

Стабилизационная политика — это политика регулирования процессов

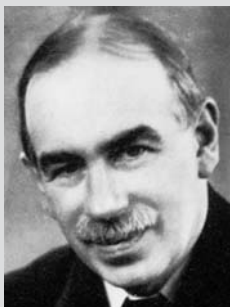
Кейнсианская программа

То, что стабилизационная политика, как правило, принимает форму политики регулирования процессов, заложено уже в ее теоретической базе. Этот подход обосновал в своих работах британский экономист Джон Мейнард Кейнс. Он сомневался в том, что экономика после потрясений, вызванных внешними обстоятельствами, способна самостоятельно восстановить общехозяйственный баланс. Кейнс и его последователи считали, что здесь определенную работу должно проделать государство. С помощью конъюнктурной политики го-

Сглаживать колебания и смягчать шоки

сударство должно сглаживать естественные колебания экономического цикла и смягчать последствия непредвиденных «шоков». Принимая меры по общеэкономической стабилизации, оно должно прежде всего регулировать свои расходы, финансируемые за счет налогов и государственных займов. При этом экономическая политика, направленная на стабилизацию с помощью программ государственных расходов, должна быть «антициклической». Это значит, что в период спада она должна

Джон Мейнард Кейнс

Джон Мейнард Кейнс (John Maynard Keynes, 1883–1946) – британский экономист, политик и деятель культуры, одновременно активно работавший в трех сферах: в науке, политике и искусстве. Его научные труды и политическая деятельность оказали большое влияние на экономическую политику XX века. Кейнс родился в Кембридже в семье профессора экономики, изучал математику, философию и экономику в Итоне и Королевском колледже

в Кембридже. После Первой мировой войны Кейнс участвовал в мирных переговорах в Версале как представитель британского казначейства. Его критика драконовских репараций, наложенных на Германию, и рекомендация о более активном – в том числе финансовом – вовлечении Соединенных Штатов в преодоление послевоенных трудностей не были услышаны; о них вспомнили лишь после Второй мировой войны. Кейнс был членом Либеральной партии. С 1920 года до своей кончины он преподавал в Кембридже. Его знаменитую книгу «Общая теория занятости, процента и денег» считают одним из важнейших трудов по экономике в новой истории. Кейнс исходит из того, что рынки после кризиса, как правило, не могут сами по себе восстановить равновесие и вернуться к полной занятости населения, сохраняя при этом определенный уровень безработицы, и что государство, изменяя структуру своих расходов, может активно заполнять возникший вакуум («deficit spending»). Тем самым Кейнс дал правительствам во всем мире мощный инструмент для утверждения или восстановления своих позиций в экономике. В качестве главы британской делегации Кейнс принимал участие в Бреттон-Вудской конференции 1944 года.

стимулировать экономику и поддерживать сокращающийся спрос, то есть государство должно наращивать свои расходы. А когда экономика снова пойдет в рост, государству следует сократить активность, оно должно использовать фазу подъема, чтобы вновь наполнить казну и создать резерв на следующий «черный день».

Восстановление равновесия — на первый взгляд очень разумный подход. Но дело в том, что равновесия в экономике вообще-то не существует. Равновесие — статическое понятие. Строго говоря, равновесие означает застой. Экономике и обществу равновесие несвойственно. Они находятся в постоянном движении. В них непрерывно меняются желания, возможности, доступные методы и технологии. Производители постоянно приспособляются к новым желаниям потребителей и наоборот. Экономика — это жизнь, а жизнь — это динамика.

Наряду с фискальной, финансовой или конъюнктурной политикой определенную роль в осуществлении стабилизационной политики играет также денежная политика, то есть регулирование эмиссионным банком денежной массы. Ситуация такова и в том случае, когда денежная политика не относится непосредственно к компетенции правительства, а проводится независимым эмиссионным банком. Между целями эмиссионного банка, обязанного обеспечивать стабильность цен, и политическими задачами по регулированию конъюнктуры могут, правда, возникать конфликты — поэтому денежная политика в большинстве случаев не является средством, к которому можно прибегать по выбору.

Антициклическое регулирование – дело непростое

Но конъюнктурная политика — дело тоже совсем не простое. Активно регулировать рыночные процессы бывает трудно. Наряду с техническими трудностями всегда существует риск того, что политические манипуляции нарушат действие стихийных рыночных сил, лишат их способности к самовосстановлению. В Германии опыт программ по оживлению конъюнктуры не всегда был успешным. Это было обусловлено, в частности, тем, что

Антициклическое регулирование – дело непростое

программы государственных расходов всегда связаны с определенными издержками и что граждане предостаточно приспособляются к трудностям, порождаемым такими программами. Конъюнктурные программы, финансируемые за счет кредитов, вызывают повышение процентных ставок и цен; при их финансировании за счет налогов подавляется частноэкономическая инициатива и снижаются темпы роста, которые вообще-то надо было повышать.

От
антициклическости
к проциклическости

Необходимая для успешной конъюнктурной политики «антициклическость» — это серьезнейший вызов для правительства. Для того чтобы обладать достаточными резервами и благодаря этому в трудный период успешно поддерживать конъюнктуру за счет государственных инвестиций, в период экономического подъема оно должно экономить средства, ограничивая свою экономическую активность. Опыт показывает, что проводить такую политику бывает чрезвычайно сложно. Очень трудно бывает также выбрать нужный момент для разворота вектора политики. В период подъема всегда существует угроза, что нежный росток оживления конъюнктуры опять завянет. Поэтому правительство часто не решается выйти из фазы стимулирования экономики и начать экономить средства, а потом уже бывает поздно. И тогда антициклическая политика вдруг становится проциклической. С началом спада у правительства не оказывается денег, которые можно было бы потратить на программы оживления конъюнктуры. А когда начинается подъем и пора наполнять казну, государство наращивает объем расходов. Получается, что государство раскачивает маятник конъюнктуры, вместо того чтобы сглаживать его колебания.

Запаздывание мер государства

Трудным бывает не только выход из программ поддержки конъюнктуры. Эффективность самих государственных мер с трудом поддается прогнозированию — и по объему, и по времени. При осуществлении конъюнктурных манипуляций приходится опираться на предыдущий опыт — и на удачу. Но любая экономико-политиче-

ская мера сопряжена с риском того, что во время таких неизбежных запаздываний экономический контекст настолько изменится, что принятые меры уже не принесут желаемого эффекта.

Для того чтобы иметь ясное представление о реальной ситуации, необходимы прежде всего актуальные и надежные данные. Но данные о состоянии всего народного хозяйства, которые в основном предоставляет Федеральное ведомство по статистике, расположенное в Висбадене, правительство получает лишь с трехмесячной задержкой. Потом между экспертами возникает, как правило, дискуссия о правильной интерпретации этих цифр. Времени требуют анализ причин тех или иных тенденций, выработка прогнозов и составление проекта необходимых мероприятий.

Экономика в тумане

Почему так происходит? Не могут ли экономисты просто залатать дыры, вызывающие эти задержки? Может быть, им следует просто лучше работать, лучше считать, чем они это делали до сих пор? Работа в этом направлении действительно ведется. Но как объяснил Фридрих Август фон Хайек, такие старания все равно никогда эту проблему окончательно не решат. Дело в том, что экономика – это не точная наука. Пусть она опирается на эмпирические данные и математические расчеты, но наука о хозяйственной деятельности людей по своей сути все равно не в состоянии выявить надежные закономерности, которые действовали испокон века и будут действовать вечно. Дело в том, что ученые-экономисты изучают так называемые комплексные феномены – явления, состоящие из множества элементов, которые взаимодействуют друг с другом и при этом сами постоянно изменяются. Эти явления продолжают изменяться даже в процессе их изучения. Надежные прогнозы здесь делать очень трудно, максимально точны лишь так называемые « типовые прогнозы ».

В качестве примера можно привести «внешний эффект». Речь идет о типовом прогнозе, когда экономисты утверждают, что на повышение цен люди реагируют

**Экономика –
не точная наука**

снижением спроса. Эмпирически даже можно измерить, снижает ли повышение цен на бензин спрос на него или же спрос «неэластичен», то есть не реагирует на динамику цены. Но вот точно определить желаемую цену, при которой начинается интернализация внешнего эффекта, вряд ли удастся. Математически рассчитать ее в принципе можно. Но эта цена тогда будет верной только в данном конкретном случае и в рамках предполагаемых обстоятельств. Если же поведение людей структурно изменится, то этот расчет уже не будет соответствовать действительности.

Поскольку экономические прогнозы вне рамок «типовых прогнозов» столь ненадежны и поскольку заключения экспертов здесь так легко могут быть опровергнуты реальной жизнью, государство, по мнению неолибералов, по возможности не должно заниматься регулированием хозяйственных процессов. Согласно концепции Вальтера Ойкена о конкурентном порядке, исключения из этого правила допустимы лишь при условии, что в конечном счете они укрепят общий экономический порядок. Все, что выходит за эти рамки, требует специального обоснования и не должно по меньшей мере противоречить законам рынка.

**Проблема
познания
и проблема
реализации**

Впрочем, и в политике формирования экономического порядка имеется как проблема познания, так и проблема реализации. Сначала надо четко понять, какие политические меры конкретно необходимы. Тот или иной феномен требует глубокого осмысления и увязки с достаточным практическим опытом, чтобы было понятно, что конкретно надо делать в данном случае, что будет необходимым, полезным и правильным. Чтобы знать, где в данном конкретном случае пролегает граница между политикой институционализации порядка и политикой регулирования процессов и в какой момент вмешательство будет противоречить законам всей системы, необходимо в достаточной мере понимать специфику конкретной ситуации. Потом надо определить правильный подход, позволяющий эффективно достичь поставленных целей. Затем следует провести политическую просветительскую работу, что бывает совсем не просто. В политическом процессе необходимо привлечь на свою сторону большинство, довести идею до сознания мно-

гих людей. Этот процесс имеет свои закономерности, как доказали представители современной экономической теории политики, получившей название «новая политическая экономия». Это прежде всего Джеймс М. Бьюкенен, Гордон Таллок, Энтони Даунс, Дункан Блэк, Мансур Олсон и Уильям Нордхаус. Чтобы яснее понять, что угрожает устоям социального рыночного хозяйства в практической реальности, надо обязательно принимать во внимание аспект политэкономии.

Собственные интересы политиков

Пусть этот факт противоречит всем теоретическим постулатам, но он реален и требует внимания: политики нередко действуют в собственных интересах — как, впрочем, и все остальные. Это обстоятельство, конечно, не исключает того, что они стремятся к общенародному благу, но гарантий здесь, конечно, нет никаких. Можно себе, конечно, представить, что кто-то лишь потому идет в политику, что любит участвовать в дебатах и выступать перед публикой. И потом — что такое общенародное благо? Ответить на этот вопрос совсем не просто.

Во всяком случае, политики, если они хотят чего-то добиться для себя или для общества, должны выполнить довольно прозаическую задачу: они должны получить мандат от избирателей и добиться переизбрания на следующих выборах. Некоторых это вынуждает заниматься популизмом. Тогда политический деятель охотится за голосами избирателей с помощью заявлений и обещаний, которые имеют мало отношения к решению актуальных, насущных проблем. Но как бы то ни было, без борьбы за расположение граждан демократии не бывает. При этом бывает совсем не просто выдвигать предложения, которые не пользуются всеобщей популярностью. Если политик хочет, чтобы его избрали за явно непопулярные предложения, то он должен вооружиться очень убедительными аргументами.

К тому, что выборы вообще проводятся, что политические деятели должны регулярно отчитываться перед избирателями, все уже давно привыкли. В рамках либеральной демократии иного себе и представить невозможно.

**В демократии
большинство
эксплуатирует
меньшинство**

Но у демократии есть и теневые стороны, на которые указывал еще британский премьер-министр Уинстон Черчилль (1874–1965): *«Демократия — это наихудшая форма государства, не считая всех остальных»*. Так, решения согласно демократической процедуре принимаются большинством голосов, что дает большинству возможность эксплуатировать меньшинство. Либералам это постоянно дает пищу для размышлений. Фридрих Август фон Хайек сформулировал это так: *«Либерализм занимается задачами государства, и прежде всего ограничением его власти. Демократическое движение занимается вопросом о том, кто должен государством управлять. Либерализм требует ограничения любой власти, в том числе власти большинства. Демократическая теория привела к тому, что мнение соответствующего большинства считается единственным критерием правомерности власти правительства»*. Этот факт косвенно находит свое выражение в том, что политические деятели обычно ориентируются на средние слои общества, уделяя гораздо меньше внимания крайним группам. Другой эффект состоит в том, что необходимость добиваться переизбрания заставляет многих политиков думать прежде всего о поддержании своей популярности, несмотря на всю личную добрую волю. Это приводит, в частности, к мышлению краткосрочными категориями и к уклонению от проведения реформ.

Политическая близорукость

**Горизонт
мышления —
до следующих
выборов**

Политики исходят из того, что избиратель вряд ли будет задумываться о долгосрочной перспективе, и поэтому тоже не заглядывают дальше следующих выборов. По этой причине большинству стран бывает так трудно навести порядок в государственных финансах и сократить накопившийся госдолг. Даже если существует объективная необходимость экономии и резкого сокращения государственных расходов, часто не хватает политической воли к реализации такой политики — особенно при отсутствии острого экономического кризиса. Ведь меры экономии и сокращения расходов не понравились бы большому количеству избирателей, а польза от финан-

Долговой тормоз

Для того чтобы политики мыслили не только в рамках времени, оставшегося до следующих выборов, следовало бы ввести четкие конституционные нормы и независимые институты. Положение о бюджетном дефиците, закрепленное в абз. 1 (предл. 2) статьи 115 Основного закона Германии, в принципе направлено именно на это: размер средств, получаемых в виде кредитов, «не должен превышать сумм, указанных в бюджете в главе инвестиций; отступления допускаются только в целях предотвращения нарушений народнохозяйственного баланса». Поскольку определение того, что считать «инвестициями», является предметом споров: так же как и определение «нарушений народнохозяйственного баланса» и мер, необходимых для предотвращения таких нарушений, эта норма не стала такой эффективной, как изначально ожидалось. Поэтому в начале 2009 года ее заменили новым разработанным Комиссией по вопросам федерализма «долговым тормозом», который был закреплен в абз. 3 статьи 109 Основного закона. Эта норма в принципе запрещает федерации и федеральным землям брать среднесрочные кредиты; структурное, то есть не обусловленное колебаниями экономической конъюнктуры, дополнительное увеличение государственной задолженности не должно превышать 0,35% внутреннего валового продукта. Возможны, конечно, исключения ради сглаживания резких колебаний конъюнктуры и для борьбы с последствиями природных и иных катастроф.

совой дисциплины стала бы ощутимой лишь в далекой перспективе. То есть это политически невыгодно. Другой пример – пенсионное обеспечение. То, что германская пенсионная система срочно нуждается в дополнительном капитале, всем хорошо известно. Но реформирование этой системы доставило бы многим гражданам в краткосрочном плане массу неудобств, и поэтому все остается по-старому, хотя в будущем положение будет лишь еще хуже.

Довольно эффективной защитой от политической близорукости является независимый от политики Европейский Центральный банк. Можно себе представить, что было бы, если решения о денежной политике принимались бы демократическим путем: если бы сложилось политическое большинство, которому была бы выгодна инфляция, то деньги обесценились бы в мгновение ока.

**Независимый
центральный
банк как защита**

Борьба за большинство

Еще один важный аспект политического процесса, который следует принимать во внимание в плане угроз для социального рыночного хозяйства — это необходимость привлекать на свою сторону большинство. Ни один политик не проводит свою политику в одиночку. Взаимодействие с товарищами по партии и с идейными противниками — это сложнейший и в то же время чрезвычайно важный процесс. Это касается не только фазы выборов, когда определяются направления действий на следующую легислатуру, то есть на следующие четыре года. Привлечение на свою сторону большинства — это насущный хлеб политики. Большинство надо сколачивать в ближайшем окружении, на нескольких уровнях партийной структуры, во фракции, в кабинете министров и, наконец, в Бундестаге. На каждой из этих бесчисленных ступеней необходимо убеждать людей в своей правоте. Кроме того, насущный хлеб любого политика — это постоянный поиск компромиссов, в которых не должны затеряться собственные убеждения и цели. Идет постоянная торговля за уступки. Ведь согласие важных персон с собственным предложением можно — в переносном смысле — «купить», пообещав принять их предложение на другом поле. Специалисты называют это «торговлей голосами». Такая торговля — дело обыденное и вполне приличное, в частной жизни эта модель поведения тоже распространена. Рука руку моет.

«Торговля
голосами»
повышает
госрасходы

Каковы же последствия «торговли голосами» в политике? Они двойственны. С одной стороны, «торговля голосами» повышает эффективность политического процесса. Если бы такой возможности сотрудничества через обмен не существовало, некоторые решения никогда не были бы приняты. С другой стороны, в результате обменов голосами возникает «слишком много» согласия. Государство принимает не слишком мало, а слишком много решений, при этом слишком дорогих решений. Научные исследования показывают, что обмен голосами ведет к росту государственных расходов. Если сильная группа в правительстве или парламенте обеспечивает себе поддержку, например по вопросу повышения детских пособий, тем, что в ответ дает согласие на наращивание оборонного бюджета, то возрастает общий счет.

Налогоплательщик в таких сделках непосредственно не участвует. Лобби у него тоже нет.

Под давлением групп интересов

Кстати о лобби: политика — это всегда взаимодействие с многообразными общественными интересами. Неолибералам с самого начала было совершенно ясно, что группы людей, объединенные общим интересом, стараются привлечь внимание политических деятелей и общественности к своим проблемам. В этом состоит, в общем-то, главная задача этих объединений, которые, кстати, относятся к категории неправительственных организаций. Группы по интересам, которые, к примеру, выступают за охрану окружающей среды, преследуя тем самым политически правильные цели всеобщего блага, довольно популярны среди населения, чем бы конкретно они ни занимались: борьбой с бедностью, противодействием изменениям климата или повышением степени прозрачности в работе госорганов. Менее популярны, как правило, такие группы интересов, которые преследуют прежде всего конкретные частные цели, вызывающие подозрения в эгоизме. Их упрекают — не всегда справедливо, но и не всегда несправедливо — в том, что они не стремятся к всеобщему благу, а ищут лишь привилегий, которые в итоге снизили бы уровень благосостояния всего общества. На жаргоне политэкономии это называют «погоней за рентой» («rent-seeking»). Угроза погони за привилегиями была важной темой для послевоенных неолибералов. В широком вмешательстве в политику заинтересованных групп они усматривали риск ослабления государства, которого нельзя было допустить. Если не соблюдать постулат Александра Рюстова о том, что государство должно стоять «выше групповых интересов», то это серьезно подорвало бы устои социального рыночного хозяйства.

Для экономики Германии наибольшее значение имеют организации наемных работников и работодателей, то есть профсоюзы и союзы предпринимателей и работодателей, представляющие всю экономику и отдельные ее отрасли. Такие объединения по интересам называют также «лобби».

**Стремясь
привлечь
внимание**

Группы в лобби

Почему группировки и объединения по интересам называют «лобби», объясняют по-разному, ссылаясь при этом на разные источники, но самая убедительная версия – это американское происхождение данного выражения. Согласно популярной легенде, во времена американского президента Улисса Гранта (1822–1885) представители групп, выступавших за разные интересы, толпились в холле (или лобби) отеля «Уиллард» в Вашингтоне, курили, пили виски, поджидая при этом важного собеседника. Их цель состояла в том, чтобы вовлечь президента в непринужденную беседу и как можно убедительнее изложить свои проблемы.

**Группы интересов
выполняют
важную функцию**

Политические деятели, как правило, относятся к лоббистам как к надоедливим приставалам. В начале 2006 года тогдашний Федеральный министр финансов Германии Пеер Штайнбрюк (СДПГ), потерявший, очевидно, терпение, даже выдвинул лозунг: *«Лоббистов – к станкам!»* В этой связи сразу же вспоминается слоган движения за гражданские права в ГДР 1989 года: *«Штази – на производство, деньги платят только за работу!»* Эту сомнительную аналогию, оставшуюся тогда без особых комментариев только благодаря некомпетентности западных немцев, можно с полным правом осудить как несправедливую и некорректную. Тем более что с точки зрения политики определенное преимущество общественных организаций, представляющих разные интересы, в текущей политике состоит в том, что они не скрывают своих интересов. Как правило, с самого начала бывает ясно, какую главную цель они преследуют. Именно по этой причине объединения по интересам выполняют важную функцию в рамках демократии. Испытывая на себе воздействие политических мер, они располагают ценной информацией об их последствиях и предоставляют эту информацию в распоряжение выборных органов и общественности. Они рассказывают политикам о том, в чем с их точки зрения и при применении их собственных критериев состоят преимущества и недостатки той или иной политической меры или того или иного решения. Оценка того, стоит ли принимать во внимание эти критерии и насколько весомы преимуще-

ства и недостатки осуществляемых мер, — это, разумеется, дело наделенных соответствующими полномочиями политиков. При этом шансы определенного лобби привлечь к себе внимание будут тем выше, чем больше те части общества, которые получают пользу от реализации его предложений.

Успех объединения, представляющего определенные интересы, зависит также от его внутренней организации. Наилучшие шансы бывают в таких сферах, где каждый отдельный член ожидает для себя больших преимуществ, если объединение достигнет успеха. Там, где приходится согласовывать разные интересы членов, переговоры бывают долгими и трудными. От этого, как правило, страдает эффективность лоббирования. Самый проблемный случай — это когда большая группа членов преследует нечеткую, размытую цель, которую каждый из членов может понимать по-своему. Так бывает, например, в объединениях налогоплательщиков: одному не нравится налог на наследство, другой считает завышенным налог на добавленную стоимость, третий выступает за снижение налога на проценты с капитала. Бывает очень трудно составить понятную и реальную программу такого лобби. По этой причине есть вопросы, лоббирование которых вообще невозможно организовать в рамках объединения по интересам.

**Организация
групп интересов**

Иждивенчество как система

Чем крупнее объединение, представляющее определенные интересы, тем больше в нем доля членов, которые занимают иждивенческие позиции, то есть получают пользу, сами активно не работая. При этом иждивенчество проявляется в целом тем сильнее, чем меньше индивидуальные преимущества, на которые рассчитывает отдельный член лоббистского объединения: тем невыгоднее индивидуальная активность. Чтобы члены объединения оставались в строю, не теряя активности и оптимизма даже в сложные времена, объединение может использовать «специальные стимулы». Под такими стимулами в экономической теории подразумевают особые, лишь косвенно связанные с ключевой темой лоббиро-

вания преимущества, предоставляемые исключительно членам объединения. Если речь идет о профсоюзах, то имеется в виду все, что они предлагают своим членам помимо проведения тарифной политики. Обычно это неденежные льготы. На сайте профсоюза «Верди», объединяющего работников сферы услуг, его членам предлагают, например, консультации, семинары, досуговые мероприятия, акции и льготы в области мобильной связи, пакеты программного обеспечения, льготные путевки и т.д.

**Малые лобби
бывают
эффективнее**

Что же все это означает в плане политики? Если уж у крупных лоббистских объединений, имеющих широкий тематический спектр, возникают внутренние организационные трудности, логично будет предположить, что и на внешнем фронте они будут работать не очень успешно. И если идти от обратного, можно сделать вывод о том, что в политической жизни более заметную роль могут играть небольшие, но стратегически более грамотные лобби. Именно по отношению к ним государство должно проявлять твердость, всегда оставаясь, впрочем, открытым для убедительных аргументов, но не позволять собой манипулировать, чтобы социальному рыночному хозяйству не был нанесен ущерб.

Несмотря на распространенное мнение, группы интересов очень редко однозначно преследуют цель получения явных привилегий. Они просто достаточно умны, чтобы этого не делать. Ведь перспектива того, что к их пожеланиям иногда будут прислушиваться, улучшится, если их требования исходя из общих критериев будут более или менее разумными. По отношению к собственным членам они обязаны делать все, чтобы к их мнению прислушались, — и поэтому наработка хорошей репутации здесь совершенно необходима. Если группа интересов из лагеря профсоюзов или предпринимателей постарается представить взвешенную общеполитическую картину, это стало бы разумной инвестицией в собственную репутацию.

Проблемы реализации политики

Предположим, что все складывается идеально. Экономисты все правильно просчитали, ничего при этом

не упустив – даже того, чего они вообще не могли знать. Созрело понимание того, что нужно делать в области экономической политики. Это понимание разделяют все, от кого что-то зависит. Преодолены все политические барьеры. Но и на этом этапе хоровод угроз и рисков еще не закончен.

У политического руководства все еще остается проблема практической реализации: для проведения хорошей экономической политики необходима еще эффективная администрация, которая действительно делает то, что должна делать, причем без проволочек.

Но и на администрацию не всегда можно положиться. В государственном управлении действуют те же законы, что на политическом уровне и в частной экономике: там работают люди, у которых есть свои личные интересы. Правила бюрократии не всегда бывают составлены так, что законные личные интересы индивида согласуются с интересами общества. Компетентность, эффективность и обходительность желательны, но не всегда имеются в наличии. Никого ни в чем не обвиняя, можно сослаться на современную теорию бюрократии, большой вклад в разработку которой внес Уильям А. Нисканен: естественный собственный интерес политика направлен прежде всего на переизбрание, то есть на получение максимального числа голосов избирателей; что же касается собственного интереса руководителя госоргана, то он направлен на получение максимального и жестко не распisanного бюджета. Это, разумеется, нечто совсем иное, чем то, в чем заинтересован налогоплательщик.

Большой бюджет дает чиновнику авторитет, власть, хороший доход и приличную меблировку офиса. В отличие от бизнеса эти цели достигаются не за счет эффективного руководства учреждением. Если чиновник экономит средства, они у него не останутся. Этим объясняется горячка срочных трат, типичная для госучреждений в конце года: остатки бюджетов надо срочно потратить, иначе средства просто пропадут. Эта порочная система приводит к разбазариванию средств за счет перепроизводства услуг и наращивания бюджетов. Отягчающее обстоятельство состоит еще в том, что государственные учреждения, как правило, не участвуют в конкуренции, хотя по крайней мере часть их функций

**Администрация,
которая делает
то, что нужно**

можно было бы передать на уровень частной конкурентной экономики. Не все задачи государственного управления имеют столь «исключительно государственный» характер, что их не мог бы выполнить частный бизнес. Хотя подвижки в этом плане имеются.

Эффективность в управлении

Еще одна структурная проблема состоит в том, что управление не поддается полному контролю. Никто не знает лучше самой администрации, какие ресурсы ей необходимы. Есть, конечно, несколько известных критериев. С опорой на них была введена система контроллинга – своего рода система бухгалтерского учета для органов государственного управления. Успешно применяется, кроме того, система «бенчмаркинга», когда результаты работы разных учреждений систематически сравнивают по определенным параметрам. Результаты сравнения остаются, правда, в недрах бюрократического аппарата, но тем не менее... Цель такой системы – распространение «лучших практик». Нашумевшим примером в этом плане была в конце 2006 года инициатива тогдашнего берлинского сенатора по финансам Тило Саррацина (СДПГ) после принятия Федеральным конституционным судом решения об отклонении запроса на дополнительное финансирование Берлина со стороны федерации. Исследование, проведенное по поручению казначейства города, который его правящий бургомистр Клаус Воверайт (СДПГ) назвал «бедным, но привлекательным», показало, что районные власти Берлина могли бы сэкономить от 30 до 40% ставок муниципального персонала, если бы оказывали услуги столь же эффективно, как в лучшем сравнимом городе. Исходя из этого Саррацин начал широкую административную реформу. Бюджет Берлина, который конституционный суд счел противоречащим нормам Основного закона, был санирован в кратчайшие сроки.

«Бедный, но привлекательный?»

Если бюрократические рифы преодолены, то есть если экономически обоснованные и политически утвержденные меры осуществлены на практике, надо еще добиться, чтобы они достигли цели и эффективно

заработали. До этого дело доходит не всегда. Иногда увеличение государственных расходов не дает эффекта, потому что люди угадывают стоящие за ним политические намерения. Или потому что оно пересекается с другими тенденциями. Или же оно запаздывает и попадает в фазу нового подъема, когда его уже никто не замечает. Так, может случиться, что снижение налогов вопреки ожиданиям никак не оживит потребление. Если люди ведут себя иначе, чем ожидалось, и — в данном случае — откладывают дополнительный доход в кубышку, вместо того чтобы делать больше покупок, то импульс полностью теряет силу. Так, правительство может в кризисный период выдавать гарантии и поручительства — но пока люди снова успокоятся и почувствуют, что кредитование нормализовалось и экономика снова пошла в рост, может пройти немало времени. Доверие не возникает по приказу. *«Можно тянуть за оглоблю, но толкать ею не получится»* — так звучит крылатое выражение эпохи Карла Шиллера.

Не стоит думать, что с помощью экономической политики можно достичь всего, что хочется. Напротив, экономические меры правительства всегда чреваты рисками и неожиданными эффектами. Именно по этой причине неолИБералы рекомендуют, чтобы государство ограничилось созданием общих рамок и по возможности воздерживалось от вмешательства в повседневную жизнь экономики. Этот принцип является фундаментом социального рыночного хозяйства. Если политические органы будут игнорировать эту истину, они подорвут саму основу социального рыночного хозяйства. Еще Адам Смит предостерегал от наивной веры во всеислие политики. Если власть имущие думают, что могут передвигать членов общества как «фигуры на шахматной доске», они глубоко ошибаются, считал Смит. Они должны всегда помнить о том, что шахматные фигуры *«ходят только так, как им повелевает рука, но на большой шахматной доске общества каждая отдельная фигура имеет свой собственный принцип движения»*.

Серьезная угроза для социального рыночного хозяйства порой возникает просто в головах людей, как в свое время писал еще Йозеф Шумпетер. Ложное мышление может мешать развитию общества, тормозить его, в то

**Ложное
и правильное
мышление**

время как правильное мышление может сделать его инновативным и успешным. Надо стараться избегать интеллектуальных ловушек. Такие ловушки иногда возникают на почве неправильно понятой, основанной на ложных категориях этики.

Мораль той басни...

В основе социального рыночного хозяйства лежит мораль; моральные принципы были исходной точкой и целью его неолиберальных духовных и политических наставников. Но чтобы аргументация была убедительной, необходимо выбрать правильный сущностный подход. Используемые при этом категории должны быть соразмерными: на вопросы этики порядка нельзя, к примеру, отвечать категориями индивидуальной этики. Оба подхода в принципе имеют схожие цели, схожую общую методiku. И там, и здесь речь идет о хорошей, гармоничной, разумной жизни сообщества людей. Но этика порядка как раздел этики, то есть учения о морали, отличается от индивидуальной этики прежде всего объектом своей направленности, а из этого уже вытекают содержательные различия и конкретные рекомендации по образу действий.

Индивидуальная этика и этика порядка

Индивидуальная этика – это этика добродетели. Она направлена на индивида и дает довольно точные рекомендации по обращению с ним. Это учение о нормах, правилах поведения, максимах, обычаях, которые существуют в обществе и, постоянно изменяясь, регулируют взаимоотношения между людьми. Часть этих норм опирается на рациональный анализ того, что стоит и чего не стоит делать в обыденной жизни. Другая часть норм обусловлена традицией. Люди просто знают, что «подобает» и что «не подобает», и редко задаются вопросом, почему это так. То, что некоторые нормы не подвергаются анализу, не ошибка – они просто как бы экономят когнитивный ресурс.

Этика порядка рассматривает то, как должен выглядеть общественный строй. Ее рекомендации – это ответы на вопрос о том, на какие принципы должен опираться хороший социальный порядок. В пользу социального рыночного хозяйства говорит характерное для него сочетание свободы, эффективности и социальной защищенности.

Тот, кто проводит четкую грань между этикой порядка и индивидуальной этикой, не занимается буквоядением. Если подходить с индивидуально-этическими мерками к вопросу о том, как должен быть выстроен хозяйственный порядок, легко можно получить ложный ответ. Это объясняется тем, что от конкретного человека следует ожидать иных вещей, чем от системы.

Имея дело с человеком, мы ожидаем, что он будет себя вести как хороший человек, то есть, к примеру, уважительно, прилично, предупредительно. От предпринимателя или менеджера можно, кроме того, ожидать, что он будет вести свои дела честно и ответственно. От потребителя следует ожидать, чтобы он вел себя зрело и сознательно. Если же мы имеем дело с системой, то от нее мы прежде всего ожидаем, чтобы она работала. Хороший экономический порядок должен надежно функционировать даже тогда, когда люди не будут вести себя в соответствии с нормами морали. Он должен сделать отдельного человека в максимальной мере независимым от степени моральности других людей. Именно в этом состоит главное преимущество конкурентного порядка социального рыночного хозяйства. Еще Адам Смит писал: *«Мы обращаемся не к их человеколюбию, а к их самолюбию, и мы не упоминаем собственные потребности, а говорим об их выгоде».*

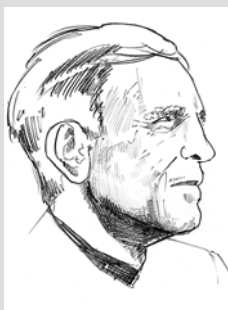
Нормы этики добродетели сегодня уже нельзя перенести непосредственно на общественный строй. Это своего рода цена, которую мы платим за современность. В традиционном родовом обществе этика добродетели с акцентом на солидарность была в социальном плане вполне разумной и соразмерной. Она была шагом вперед в процессе культурной эволюции. В нынешнем гораздо более дифференцированном обществе такие модели поведения, если их практикуют не на соответствующем уровне, скорее вредны для общего блага. Системным вместилищем морали здесь является общесоциальный порядок. Современный общественный строй даже при самом аморальном поведении индивидов должен быть в состоянии работать так, чтобы обеспечивать людям свободу и благосостояние. Социальное рыночное хозяйство их обеспечивает. Оно дает возможность человеку работать с выгодой для себя, способствуя при этом благосостоянию всего общества.

Чего мы ожидаем
от человека
и от системы

Невозобновляемый фактор производства

То, что рыночная экономика работает, когда люди стремятся к удовлетворению собственных интересов, ни в коей мере не означает, что моральных норм для отдельного человека больше не существует. Этика порядка не заменяет индивидуальную, хотя ордолибералы сомневались в том, что можно сохранить и то и другое одновременно. Экономист Вильгельм Рёпке, для которого был характерен определенный культурный пессимизм, еще в 40-е годы XX века считал, что рыночная экономика не только нуждается в солидных морально-нравственных резервах, но и расходует их. Либеральный рыночный порядок опирается на предпосылки, которые он сам не может создать, предупреждал Рёпке. Правовед и философ Эрнст-Вольфганг Бёккенфёрде позже применил этот тезис к либеральному, светскому государству в целом.

Вильгельм Рёпке

Вильгельм Рёпке (Wilhelm Röhrke, 1899–1966) родился в Швармштедте под Ганновером в буржуазно-либеральной семье сельского врача. Изучал право и теорию государства в Гёттингене, Тюбингене и, наконец, Марбурге, где обратился к изучению политической экономии.

В 1921 году защитил первую, а год спустя и вторую докторскую диссертацию. В 24 года его, как самого молодого немецкого профессора, пригласили преподавать в Университете

Йены. Работал в университетах США, Граца и Марбурга. После прихода нацистов к власти Рёпке, который еще до выборов 1930 года в Рейхстаг получил предупреждение от нацистской партии за распространение листовок, эмигрировал. Сначала он поехал в Стамбул, где руководил Институтом общественных наук, а в 1937 году переехал в Женеву, где получил место в Институте международных исследований. Важнейшие труды экономиста-ордолиберала Рёпке, для которого был характерен культурно-социологический подход: «Общественный кризис современности» (1942), «Civitas humana» (1944), «По ту сторону предложения и спроса» (1958).

Тот факт, что индивидуальная мораль необходима в социальном рыночном хозяйстве, но, к сожалению, не является возобновляемым производственным фактором, подтверждают, как представляется, события 2008 года на финансовых рынках, ввергнувшие мир в глубочайший кризис со времен Второй мировой войны. Головокружение от собственных успехов лишило, очевидно, некоторых участников этих событий чувства меры и здравого смысла; частично они даже перешагнули черту легальности. Тем не менее чрезмерные опасения здесь неуместны. В отличие от социализма рыночная экономика представляет собой единственную систему, способную скорректировать саму себя. Это единственная система, которая сигнализирует о дефиците морали и требует от участников рынка ее соблюдения. Только в рыночной экономике случаются такие кризисы, которые приводят к самоочищению. Социализм, на самом деле вызывающий в людях алчность и злобу, подавляет кризисы, сохраняя при этом коррупцию. Только рынок не позволяет аморальности надолго укорениться. Общество — это живая система, и мораль с течением времени вновь и вновь находит баланс между несовершенными людьми. Это длительный и трудный процесс обучения, неизбежно включающий в себя пробы, ошибки, успехи, неудачи, кризисы и преодоления.

Взаимосвязь между этикой порядка и индивидуальной этикой имеет функциональный характер: этика порядка готовит пространство, в котором может развернуться индивидуальная этика. Рыночные правила должны быть разумными, как того требует этика порядка. Хорошая политика формирования хозяйственного порядка не должна допустить, чтобы индивид, осуществляя действия и удовлетворяя собственные интересы, пренебрегал интересами других людей. Если ситуация будет такова, то самокоординация рынка сойдет на нет, прекратится стихийно возникающее давление, заставляющее людей следовать нормам морали и соблюдать меру. И тогда отдельному гражданину будет все труднее следовать принципам индивидуальной этики, то есть вести себя согласно нормам морали, так как это противоречило бы другим его интересам.

9. ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО

«Что касается мировой экономики, то вся она переплетена»

Глобализация,
изменение
климата,
старение
населения

Конкретные вызовы XXI века, влияющие на социальное рыночное хозяйство, требуют принятия определенных мер. Если политические органы не найдут адекватных ответов на эти вызовы и не разработают соответствующую стратегию, ползучая эрозия социального рыночного хозяйства, которая в Германии уже сейчас заметна, продолжится. Наряду с наведением порядка на финансовых рынках уже сейчас можно выделить три аспекта, имеющих особенно важное значение: продолжающаяся глобализация, которую лишь временно притормозила глубокая рецессия 2008/2009 годов, изменение климата и старение общества. Глобализация – постоянная тема политических дискуссий. Большинство экономистов подчеркивают ее положительные стороны, но в то же время многие ее аспекты вызывают беспокойство.

Экономические связи между государствами мира становились все более интенсивными. Новшеством здесь был не сам феномен международной торговли, известный со времен древних мореплавателей, а размах и плотность этих связей. Еще в 1931 году Курт Тухольский, писавший под псевдонимом Каспар Хаузер, лаконично заметил: *«Что касается мировой экономики, то она тесно переплетена»*.

Небывалый
уровень
благополучия

Экономическая интеграция обеспечила человечеству небывалый уровень благосостояния. Дело в том, что глобализация способствует модернизации всего мира. Она усиливает конкуренцию, которая является катализатором эффективности и инноваций. Конкуренция на

Глобализация

Под экономической глобализацией подразумевают тот факт, что международная торговля и конкуренция за товары, услуги и производственные факторы становятся все более интенсивными. Это обусловлено, в частности, прогрессом в сфере транспортных и коммуникационных технологий, которые сократили расстояния в мире. Политическим сигналом к началу современной экономической глобализации обычно считают Бреттон-Вудскую конференцию 1944 года. В результате этой конференции, которая прошла в одном из районов до тех пор малоизвестного города Кэрролл у подножия горы Маунт-Вашингтон в американском штате Нью-Хэмпшир, были учреждены Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ). Эта тенденция была продолжена согласованным снижением торговых и таможенных барьеров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а позднее – под надзором Всемирной торговой организации (ВТО). Инициативы, направленные на открытие национальных рынков, опирались на вековой опыт, который свидетельствовал о том, что торговля укрепляет мир во всем мире. Политическая цель глобализации состояла в объединении мира посредством торговли. Глобальное разделение труда, выгодное всем участникам, имеет также побочный миротворческий эффект: оно приводит к взаимозависимости всех стран друг от друга, когда каждой стране в отдельности становится крайне не выгодно затевать конфликты или ввязываться в них.

мировых рынках стимулирует также конкуренцию на национальном уровне. На мировом рынке выгодно заниматься крупным производством, а это ведет, в свою очередь, к снижению цен. Расширение рынков позволяет углублять разделение труда, а более глубокая специализация повышает экономическую эффективность. Каждая страна специализируется на производстве тех товаров и услуг, которые дают ей преимущество по издержкам. А это приносит выгоду всем потребителям в мире. Благодаря глобализации мы имеем сейчас небывалое разнообразие предлагаемых товаров и услуг. После окончания Второй мировой войны и с момента заключения Генерального соглашения по тарифам и торговле объем мировой торговли ежегодно увеличивался примерно на 6%. Этот прирост был выше, чем рост показателей валового национального продукта. Этот процесс сопровождался интернационализацией производства

и усиленной миграцией людей. Глобализация открывает перед нами альтернативы развития.

Общая выгода – общие трудности

**Любая связь –
это зависимость**

Сколь полезной и желанной ни была бы глобализация в хорошие времена, когда она способствует росту благосостояния и увеличению разнообразия товаров и услуг, столь же неудобна она в период кризиса – по принципу «общая выгода – общие трудности». Ведь обратная сторона интеграции – это неизбежные общие проблемы, когда ситуация в мире ухудшается. Любая взаимосвязь порождает также определенную зависимость – как в хорошем браке, так и в мировой экономике. Но тот факт, что в счастливом браке супруги (в позитивном смысле) зависят друг от друга, отнюдь не является аргументом в пользу того, что в брак вообще вступать не стоит. Наглядным примером того, как тесно связаны друг с другом гребцы в лодке посреди бурного моря, является стремительное распространение эпидемии банкротств на финансовых рынках – наиболее плотно интегрированных рынках мира – после известия о несостоятельности банка «Lehman Brothers» осенью 2008 года.

Но хотя финансовый пожар осени 2008 года в мгновение ока охватил весь мир, в долгосрочном плане открытость финансовых рынков все же оказалась полезной. Огромные активы были созданы за счет того, что участникам гигантского мирового финансового рынка удалось сверить оценки, ожидания и виды на будущее, чтобы укрепить свое положение или получить доход. Спекулятивный момент здесь всегда присутствует, но в этом нет ничего плохого. Такие сделки – это всегда ставка на удачу, ставка на туманное будущее. Рыночная стоимость ценной бумаги складывается из суммы всех ожидаемых чистых доходов минус скидка на сегодняшний день. То, что рынок сравнивает друг с другом субъективные ожидания разных людей, создает ситуацию, когда при оценке активов принимается во внимание максимум доступной информации – что, правда, не означает, что ошибки исключены. Популярная идея о том, чтобы ограничить спекуляции на финансовых рынках

с помощью введения общего биржевого налога, который как бы подсыпал песок в рыночный механизм, стала бы не чем иным, как наказанием рынка за его способность быстро и эффективно обрабатывать информацию и переводить ее в соответствующие оценки активов. Следствием этого стало бы сокращение объема создаваемой стоимости, снижение мирового валового национального продукта и замедление роста экономики.

Если финансовые рынки работают без сбоев, подчиняясь адекватной системе правил, они направляют потоки денежных средств туда, где ожидается наибольшая отдача. В общеэкономическом плане они играют тем самым полезную роль, но при этом надо понимать, что предугадывать будущее удастся не всегда, тем более при большом количестве игроков на финансовых рынках. Пока каждый игрок несет ответственность за свои финансовые решения, это не страшно: каждый должен сам взвешивать свои риски и иметь резерв на случай непредвиденных убытков. Если же игрок не позаботился об этом, то результат может быть для него плачевным. Но нельзя допускать, чтобы кризисы случались из-за непродуманной политики правительств. Анализируя действия государственных органов в преддверии финансового кризиса, который начал охватывать Соединенные Штаты еще в 2007 году, приходишь к выводу, что они были далеко не оптимальными. По ним видно, насколько велик бывает соблазн проигнорировать «фрайбургский императив». Тогдашние события показали также, насколько серьезна угроза, которой постоянно подвергается социальное рыночное хозяйство и которая исходит прежде всего от политики государства.

Хроника событий, приведших к финансовому кризису 2008 года, читается как перечень прегрешений и ошибок, совершенных в лаборатории политики регулирования процессов. Этот перечень весьма поучителен. Все началось с пузыря электронного бизнеса, лопнувшего в 2000 году. Затем случились теракты 11 сентября 2001 года. Чтобы не допустить дефляции или даже рецессии, Федеральная резервная система США (ФРС) снизила ключевую ставку до 1% с целью оживления общего спроса. Государство поощряло коммерческие банки к тому, чтобы они выдавали ссуды на приобретение жилья даже

**Не нужно сыпать
песок в механизм
рынка**

ненадежным заемщикам. Владельцам частных домов разрешили досрочно расторгать ипотеки с твердым процентом, чтобы перейти на финансирование по более низкой ставке. Банки стали использовать новый инструмент фиксированного поручительства, чтобы избавиться от рискованных кредитов. А правительство даже стало требовать от прежде полугосударственных ипотечных агентств «Фанни Мей» и «Фредди Мак», чтобы они наращивали объем сделок с рискованными ценными бумагами (то есть ценными бумагами, обеспеченными субстандартными ипотечными кредитами / «subprime»). Надзорные органы промолчали. Таким образом, перечень прегрешений включает в себя следующие позиции: слишком экспансивная денежно-кредитная и фискальная политика, отсутствие или лишь частичное наличие регулирования, выключение механизма материальной ответственности, слабый надзор. Все это противоречит духу социального рыночного хозяйства. Мировая экономика сильно выиграла бы, если бы принципы «фрайбургского императива» стали применяться повсеместно.

Миграция
рабочей силы,
капитала
и товаров

Но вернемся к глобализации. Финансовые рынки в мировом масштабе интегрированы плотнее всего, но и на рынках товаров и услуг интеграция продвинулась далеко вперед. Сильнее всего глобализация коснулась тех отраслей, где требуются большие капиталовложения. Рабочая сила не столь мобильна. Но и рынки рабочей силы испытывают все большее, хотя и косвенное влияние глобализации: предприятия теперь могут сравнительно легко избегать завышенных издержек, перенося производство в другие места. Так что традиционная малая мобильность рабочей силы компенсируется посредством перемещения капитала и импорта товаров. В то же время образование, инфраструктура и управление пока еще в основном сосредоточены на национальном уровне.

Боязнь утраты национального контроля

Несмотря на то что глобализация способствовала значительному росту благосостояния, обусловленная ею глобальная конкуренция между странами порой воспринимается как угроза. Люди все больше опасаются того, что

не выдержат конкуренции с развивающимися странами, например в Латинской Америке и Азии, где заработная плата намного ниже. В старых промышленно развитых странах люди боятся потерять рабочие места и скатиться в бедность – этот страх особенно усиливается в кризисные времена. Поэтому вновь и вновь звучит требование, чтобы правительство не принимало глобализацию как нечто неизбежное, а занималось ее активным регулированием. Граждане опасаются, что политическое руководство, плывя по течению, останется не у дел. То есть речь идет о боязни утраты национального контроля над глобальными процессами.

Невозможно не отметить тот факт, что вследствие глобализации усиливается конкуренция между странами за размещение производственных мощностей. Но эту тенденцию следует оценивать положительно. Теперь можно сравнивать условия, присущие разным странам, и это имеет определенные последствия: если товары и услуги, сырье и финансы стали мобильными и их не сдерживают искусственные пограничные барьеры, то они перетекают туда, где они могут лучше всего работать и с максимальной эффективностью создавать новую стоимость. В определенной мере это относится и к рабочей силе. Направление ее миграции зависит прежде всего от рамочных условий, существующих в том или ином месте. Решающую роль здесь может сыграть экономическая политика правительств. Налоговая нагрузка на физических и юридических лиц, например, сдерживает приток мобильных производственных факторов, если ее уровень выше, чем соответствующая выгода. Строгая защита от увольнений, затрудняющая предприятиям адаптацию к провалам конъюнктуры, что чревато банкротством, также отпугивает инвесторов. Расширение прав персонала на участие в управлении предприятием, которое, в свою очередь, ослабляет контроль собственников над их собственностью, заставляет их задуматься о переносе производства в другое место. Если правительство действительно намерено стимулировать развитие экономики в стране, оно непременно должно также учитывать интересы мобильных производственных факторов.

Но это отнюдь не означает, что конкуренция между странами систематически способствует снижению зар-

**Конкуренция
между странами
усиливается**

плат и цен в Германии, пока они не опустятся до уровня, характерного для развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Углубление международного разделения труда не оставит Германию без работы. Наоборот, на фоне глобализации уровень занятости в государствах «Большой семерки» (кроме Германии это США, Великобритания, Франция, Япония, Канада и Италия) с 1970 года вырос на 48,2%. Хотя оценочный показатель для Германии вполтину ниже, все равно это был огромный прирост. Аналогичную картину дает анализ динамики занятости в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСД/ОЭСР, период с 1994 года): за этот период уровень занятости вырос на 15,4%, по Германии этот показатель составил 5,3%.

**Расходы
по зарплате
на единицу
продукции**

Глобальная конкуренция ведет в первую очередь к тому, что соотношение между уровнем заработной платы и производительностью труда в разных странах постепенно выравнивается. То есть важнейший критерий здесь – это издержки по заработной плате на единицу продукции. Такой стране, как Германия, где уровень заработной платы традиционно высок, нет необходимости снижать зарплату работников, чтобы сохранить рабочие места, пока производительность труда остается достаточно высокой. Технологии и основной капитал, на базе которых трудятся немецкие наемные работники, в среднем значительно лучше, они обладают также более высокой квалификацией, чем работники в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Обусловленная этими факторами более высокая производительность труда приносит свои плоды на мировом рынке. В результате реальная заработная плата в Германии растет, а не снижается, как опасались некоторые эксперты. Этому способствует также дешевый импорт товаров и услуг, производство которых требует менее квалифицированного труда.

Глобализация – не игра с нулевой суммой

Глобализация также ни в коей мере не ведет к подрыву устоев социальной жизни, как утверждают некоторые прорицатели. В промышленно развитых странах Запада,

обладающих развитыми системами социального государства, не заметно признаков снижения уровня государственных и социальных расходов вследствие глобализации. Конкуренция между разными странами скорее привела к определенным сдвигам в финансировании социальных систем: снизилось налогообложение мобильного капитала, а также инвестиционного и инновационного потенциала предпринимателей, но в то же время повысились налоги на потребление. Глобализация – это не игра с нулевой суммой. Глобализация увеличивает пирог, который потом можно распределять.

Попытки обратить глобализацию вспять не имеют смысла, ведь она способствует улучшению условий жизни людей. Охватывая весь мир, рыночная экономика наиболее широко проявляет свою созидательную и инновативную мощь. Каждая страна в мире – и в том числе Германия – выигрывает от глобализации. Так называемое немецкое экономическое чудо 1950-х годов также не выдержало бы испытания временем, если бы Германия не включилась в международное разделение труда. Наградой за это стал небывалый рост благосостояния.

Сейчас, как и прежде, экономическая политика государства играет решающую роль во включении страны в международную конкуренцию. Для того чтобы Германия оставалась конкурентоспособной, создавала и удерживала у себя рабочую силу, продолжала существовать как солидарное общество, необходима грамотная неолиберальная политика на основе концепции социального рыночного хозяйства. Наряду с работающим рынком необходима система социального обеспечения, которая, однако, не должна подавлять способность предприятий к адаптации. Система социальной поддержки должна помогать гражданам и в то же время стимулировать их собственную активность.

В Германии глобализация сопровождалась переходом от индустриального общества к обществу услуг, а затем и к обществу знаний. На промышленность сейчас все еще приходится более 26% ВВП страны. Вклад сельского хозяйства в ВВП составляет менее 1%, в то время как на сферу услуг приходится более двух третей ВВП. В отличие от Великобритании Германия не испытала глубокой деиндустриализации. Немецкая промышленность все

**Значимость
немецкой
промышленности**

больше специализировалась на выпуске сложных высокотехнологичных продуктов, сохраняя за собой в течение многих лет статус «чемпиона мира по экспорту».

В период кризиса большая доля промышленности в ВВП Германии и экспортная ориентация страны обернулись своей негативной стороной. Но как только мировые рынки снова пойдут в гору, положение снова выправится, хотя следует ожидать, что в отраслевой структуре промышленности произойдут определенные сдвиги. Позитивный прогноз связан с ситуацией в сфере услуг, которая особенно обнадеживает в секторах промышленного, торгового и бытового сервиса. И на промышленность, и на сферу услуг все большее влияние оказывают процессы, связанные с формированием общества знаний.

**Переход
к обществу
знаний**

Переход к обществу знаний — это так называемый «мегатренд», то есть тенденция, которая не только наблюдается в отдельных секторах экономики, но и неудержимо изменяет общие условия жизни людей. Знания приобретают все большую значимость — во всех областях жизни вообще и в экономике в частности. Причем речь идет не об однажды приобретенных знаниях, а о знаниях, которые постоянно пополняются, адаптируются и расширяются. Современное общество знаний требует от каждого человека, чтобы он был в состоянии мыслить и работать в сетевом режиме, чтобы он вновь и вновь подвергал сомнению все, что ему было известно прежде, чтобы он умел анализировать сложные взаимосвязи, учиться новому и экспериментировать в коллективе. Значение старых знаний и рутинных навыков снижается; ценится готовность к эксперименту и находчивость.

Для того чтобы все страны мира по возможности получили пользу от глобализации, желательно выработать международный свод разумных правил, которые обеспечили бы повсеместное применение принципов социального рыночного хозяйства. Нередко слышатся сетования, что неолибералы старой закалки были не в состоянии охватить все аспекты политики формирования глобального экономического порядка. В перечне конституирующих и регулирующих принципов Вальтера Ойкена международный аспект также отсутствует. Но дело в том, что в нем нет никакой необходимости:

G20 – «Большая двадцатка»

Государствами-членами «Большой двадцатки» являются: Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Южная Корея, Япония и Европейский Союз.

весь перечень принципов вполне применим к международному экономическому порядку. Поэтому задача политических органов состоит прежде всего в том, чтобы сформировать институты, способные выработать правила для международного конкурентного порядка.

Система правил Всемирной торговой организации (ВТО), которая складывалась в течение нескольких десятилетий, представляет собой хорошую основу для международного экономического порядка в духе социального рыночного хозяйства. Неплохие перспективы открывает также сотрудничество крупных государств в рамках «Большой двадцатки», толчок к расширению которого дал финансовый и экономический кризис 2008 года. Стоит также подумать о создании новых институтов.

Совместные усилия по сохранению климата

Глобализация предполагает также совместные действия в области охраны окружающей среды и климата. Политические усилия в этой сфере можно лишь приветствовать: загрязнение окружающей среды и пагубное влияние на климат Земли – это внешний эффект, который невозможно пересчитать в рыночные категории. Внешние эффекты нарушают действие ценового механизма в рамках конкурентного порядка – эти эффекты требуют интернализации.

Список международных соглашений о защите окружающей среды уже сейчас довольно длинный. Среди них есть двух- и многосторонние договоренности по очистке конкретных рек, а также договоры о транспортировке ядовитых отходов. Защите климата всей Земли служит Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года и дополняющий ее Киотский протокол. Эти документы

предусматривают сокращение выбросов парниковых газов всеми странами с развитой промышленностью. Европейский Союз взял на себя обязательство сократить к 2020 году (по сравнению с 1990 годом) не менее чем на 20% выбросы углекислого газа, который считают главной причиной потепления земной атмосферы.

С этой целью в 2005 году была введена система торговли квотами на выбросы парниковых газов. Разрешения на выбросы («сертификаты») продаются на аукционах. Каждое предприятие вправе выбрасывать в атмосферу лишь столько углекислого газа, сколько ему разрешено, либо же ему придется покупать на бирже разрешения у более экологичного предприятия. Эта система постоянно подвергается критике. Поначалу объем выбросов, допустимых для Евросоюза, считали слишком большим. Потом квоты сочли слишком дорогими для многих включенных в систему предприятий, что негативно влияет на их международную конкурентоспособность. Но самая серьезная проблема состоит, очевидно, в том, что европейская система торговли эмиссионными квотами до сих пор не скоординирована с аналогичными системами других регионов мира. В результате эмитенты находят для себя лазейки, которые сводят на нет весь эффект международной экологической программы.

На Копенгагенской международной конференции по климату 2009 года, которую все с нетерпением ждали, но результаты которой оказались весьма скромными, удалось тем не менее договориться о том, что потепление земной атмосферы не должно превысить двух градусов, правда, без жестких обязательств и без конкретных указаний на то, как этого можно достичь. Малосодержательные политические дискуссии в Копенгагене касались прежде всего вопроса о том, на какую финансовую помощь со стороны промышленно развитых государств могут рассчитывать развивающиеся страны.

Проблема состоит в том, что защита климата требует больших средств и не каждая страна может себе позволить необходимые для этого расходы.

**Давление
на богатые
страны**

Поиск политически корректного решения осложняется тем, что мир имеет дело не с чисто гипотетическими, туманными построениями — каждая страна может конкретно подсчитать, во сколько ей обойдутся те или

иные обязательства, направленные на защиту климата. То обстоятельство, что защита земного климата является важной политической целью, которую преследуют прежде всего богатые страны, делает их объектом давления и даже шантажа. Но даже богатые страны не могут тратить на защиту собственного климата и солидарную поддержку более бедных стран средства в таком объеме, который подорвал бы их экономическую мощь. Ведь тогда они уже не смогли бы себе позволить подобных расходов, а от этого не было бы пользы никому. Найти золотую середину в этом вопросе совсем не просто.

Перевернутая возрастная пирамида

Современные общества сталкиваются вновь и вновь с проблемами, о которых раньше никто не думал. В послевоенные годы, когда канцлер Конрад Аденауэр вводил распределительную пенсионную систему, никто не мог себе представить, что эта система по демографическим причинам когда-то станет неэффективной: *«Люди всегда рожают детей»*, – считал Аденауэр. Но общество изменилось, «люди» заводят все меньше детей, и это обстоятельство переворачивает с ног на голову многие традиционные представления – не только пенсионную систему.

В то время как население всей Земли растет, численность населения Европы снижается. По оценкам ученых население Европейского Союза сократится к 2050 году на 2,1%. На данный момент в Германии проживают около 82 миллионов человек. С учетом миграции к 2050 году в стране останется от 70 до 75 миллионов жителей. Тенденция к сокращению населения обусловлена проявившимся еще в начале XX века и резко усилившимся в 70-е годы снижением рождаемости. Еще в середине 60-х годов на сотню женщин в Германии в среднем приходилось около 250 родившихся детей, но к началу нового тысячелетия этот показатель снизился до 133 детей. Лишь с 2007 года снова наблюдался рост рождаемости.

Снижение рождаемости само по себе еще не означает демографического провала. Ожидаемая продолжительность жизни также играет в этом плане определенную

Численность населения снижается

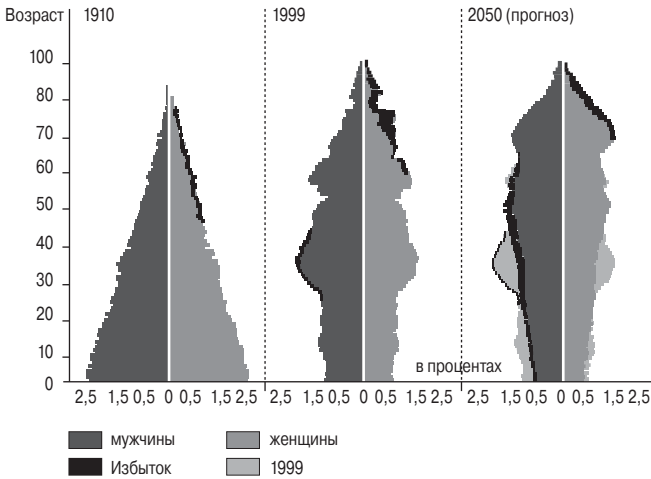
роль, так же как и миграционный приток и отток населения. Несмотря на то что доля иностранцев в стране составляет около 9%, Германию все еще нельзя назвать классической страной иммиграции. В 2006 году, например, в Германию приехали на 51600 человек больше, чем уехали. Но этого недостаточно, чтобы компенсировать снижение рождаемости. Для этого чистый миграционный приток должен составлять почти 350 тысяч человек в год. В то же время благодаря постоянному улучшению жизненных условий и медицинского обслуживания в Германии, к счастью, увеличивается ожидаемая продолжительность жизни. В 1980 году 60-летний мужчина исходя из средних статистических показателей мог рассчитывать еще на 16,5 лет жизни. Сегодня же этот расчетный период составляет 20,7 года. У женщин соответствующий показатель вырос почти на четыре года, достигнув 24,6 года.

От «пирамиды» к «волчку»

Описанные тенденции привели к тому, что возрастная пирамида немецкого общества перевернулась. Несмотря на название соответствующей диаграммы, мы вообще-то имеем теперь дело не с классической пирамидой, сужающейся кверху, то есть к более пожилым возрастным группам. Картина давно изменилась, и к 2050 году на смену «пирамиде» придет «волчок». На сегодняшний день пока еще больше половины немцев моложе 40 лет. К 2050 году эта доля повзрослеет еще лет на десять. Чтобы компенсировать такое старение за счет притока мигрантов, теоретически потребовалось бы, чтобы каждый год в Германию приезжали 3,6 миллионов иностранцев.

В общеэкономическом плане эти тенденции не останутся без последствий. Системы социального обеспечения не рассчитаны на такое соотношение поколений. В будущем мы будем иметь меньше активно работающих и платящих социальные взносы граждан и в то же время значительно больше пенсионеров.

Возрастет также нагрузка на систему медицинского страхования — и это при уменьшении группы платящего взносы населения. Старый договор о солидарности поколений таким образом исчерпает себя.

Источник: Федеральная статистическая служба Германии (Destatis).
Составлено: Романовой Е.В.

Рисунок 2. Половозрастная структура населения Германии

Общество меняется

Все общество претерпит значительные изменения. И политике, и экономике придется приспосабливаться к этим переменам. Экономика будет в большей мере ориентировать ассортимент товаров и услуг на потребности пожилых людей. Политические деятели будут также уделять больше внимания заботам пожилых избирателей, так как их доля в электорате вырастет. С изменением возрастной пирамиды в Германии с большей вероятностью будут осуществляться пенсионные реформы, менее выгодные для плательщиков и более выгодные для получателей. Политологи предполагают, что старение общества может привести к сдвигу идейных настроений в пользу консерватизма, поскольку пожилые люди обычно больше держатся за статус-кво, чем молодежь.

Обусловленные демографическими изменениями тенденции отразятся и на мире труда. Поскольку будет меньше молодых и больше зрелых наемных работников, возникнет дефицит людей с определенными квалификациями — например связанными с физическими уси-

**Больше внимания
пожилым**

лиями и быстрой обучаемостью. В то же время другие квалификационные аспекты, такие как профессиональный опыт и внимание к качеству, будут наличествовать в большем объеме. В связи с дальнейшим развитием сферы услуг следует ожидать, что чисто физическая сила работника будет играть все меньшую роль. Зато работнику придется постоянно учиться и заниматься повышением квалификации. Готовность к учебе станет важнейшей характеристикой работника. Учеба будет тем важнее, потому что параллельно со старением населения будет продолжаться технический прогресс. Люди будут старше, но несмотря на это, им придется справляться с растущим количеством новаций. Если заранее об этом не позаботиться, с проблемами столкнутся не только пожилые работники, но и целые фирмы: может случиться, что предприятия вообще не смогут внедрять новые производственные процессы, поскольку просто не найдут персонала, обладающего необходимыми знаниями и навыками.

**Более гибкие
нормы труда**

Традиционные пожизненные трудовые отношения отойдут в прошлое. Нормальные трудовые договоры также будут заключаться все реже. Под нормальным трудовым договором мы понимаем полную, не ограниченную сроком наемную занятость на основе тарифного соглашения и обязательного социального страхования. На смену таким трудовым отношениям придет нечто противоположное: неполные ставки и срочные трудовые договоры. С точки зрения предприятий это явится следствием потребности в большей гибкости, обусловленной, с одной стороны, давлением глобальной конкуренции, а с другой – расширением сферы услуг. Там возникает множество новых рабочих мест, которые, правда, должны быть организованы более гибко, чем это было прежде. В первую очередь это касается сектора промышленного, торгового и бытового сервиса.

Глобализация усиливает давление конкуренции и повышает требования к эффективности, гибкости и обучаемости персонала. Это в определенной мере противоречит демографическим тенденциям, в результате которых подрастает все меньше молодых и динамичных работников. Страна может лишь в ограниченном масштабе компенсировать негативную демографическую динамику.

То обстоятельство, что в Германии рождается все меньше детей, объясняется не только трудностями, которые испытывают работающие женщины. Государственные органы могут позаботиться об улучшении рамочных условий для женщин, и в Германии в этом плане было сделано немало. Но кроме этого в обществе наблюдается изменение системы ценностей, а переломить эти тенденции намного труднее. Да и кто отважился бы на такие меры? Более реальным подходом было бы преодоление политического сопротивления при разработке грамотной концепции иммиграции, которая целенаправленно учитывала бы потребность в квалификациях, дефицитных на немецком рынке труда. В целом же грамотная экономическая политика должна способствовать тому, чтобы немецкое народное хозяйство творчески преодолело последствия демографических изменений.

Идеи о том, как могла бы выглядеть такая грамотная экономическая политика, можно, несомненно, почерпнуть в концепции Вальтера Ойкена о конкурентном порядке, которая по сей день не утратила своей актуальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воззвание

Мир должен стать более неолиберальным! В заключение этой книги мое воззвание никого не должно шокировать. Напротив, при взгляде на историю наверняка стало ясно, что расхожие представления о неолиберализме, как правило, господствующие в обществе, абсолютно неоправданны. Негативная коннотация, которую сегодня связывают с термином «неолиберализм», просто противоречит историческим фактам.

Современники наблюдали, как распространялся этот негативный образ. Это произошло в результате сознательной популистской переоценки термина «неолиберализм» в связи с острыми политическими конфликтами в Чили в 1970-е годы. Тогда диктатор Аугусто Пиночет привел в администрацию экономистов, которые учились в Чикагском университете у Милтона Фридмана, позже получившего Нобелевскую премию. В этом университете сложилась Чикагская школа, представляющая собой узкое американское направление неолиберализма. Разделяя базовые убеждения с представителями Фрайбургской школы, это направление в теоретических разработках уделяло меньше внимания междисциплинарному подходу и в меньшей степени рассматривало решаемые задачи с точки зрения систем порядка.

Смесь ориентации на рыночную экономику с политическими репрессиями, одновременно проводившимися диктаторским режимом, установленным Пиночетом в Чили, справедливо подвергалась жесткой критике. В результате в негативном свете предстали и предста-

вители Чикагской школы, которых упрекали в том, что в угоду либеральным реформам в экономике они мирились в сфере политики с правой диктатурой и даже пошли на сотрудничество с ней, вместо того чтобы против нее бороться. Однако было бы несправедливо обвинять экономистов из Чикаго в их равнодушии по отношению к политическим репрессиям, при том что они показали объективно плодотворную деятельность на ниве экономической политики в Чили. Действительно, энтузиазм, вызванный готовностью Пиночета проводить разумные экономические реформы, был велик. До сих пор его пенсионная реформа, состоявшая во внедрении стабильной системы, обеспеченной капиталом, является примером для всего мира. Но либеральные экономисты из Чикаго тогда надеялись (как, впрочем, и сегодня в отношении левого диктаторского режима в Китае), что открытые рынки и экономический успех откроют стране путь к свободе и демократии. Ведь свободу в экономике и политическую свободу нельзя отделить друг от друга, как это емко сформулировал Вальтер Ойкен, говоря о взаимозависимости систем.

Тем не менее противники военной диктатуры в Чили без колебаний поставили знак равенства между Пиночетом и чикагским неолиберализмом. Так понятие «neoliberalismo» приобрело негативное звучание, сразу же став средством популистской борьбы. Из Чили это представление распространилось на англосаксонский мир, а затем и на континентальный Старый Свет. Исторический фон выпал из поля зрения, и уж тем более не принимались в расчет различия между германским и американским неолиберализмом.

Когда противники некоей концепции стараются придать негативную коннотацию самому термину, ее обозначающему, бороться с этим нужно сразу, только тогда есть реальные шансы на успех. Сейчас, спустя десятилетия, вести такую борьбу труднее. Возможно, она и вовсе бесперспективна. Перед лицом нынешних общественных настроений после большого кризиса финансовых рынков 2008 года новая переоценка понятия «неолиберализм», возврат к изначальному значению, когда оно было не ругательством, а почетным титулом, вероятно, вряд ли может осуществиться. Для того чтобы описать

принципиальные позиции, из которых исходили первые неолибералы-мыслители, собравшиеся в 1938 году на «Коллоквиуме Уолтера Липпмана», а также германские неолибералы в науке и политике Вальтер Ойкен и Людвиг Эрхард, сегодня, возможно, достаточно использовать более простое и потому в меньшей степени вводящее в заблуждение понятие «либеральный». Все они искренне выступали за свободу. Таких людей сегодня становится все меньше — как будто рост благосостояния заставляет забыть о насущной необходимости прав и свобод.

Решающее значение имеет то, что неолибералы на основании негативного опыта мирового экономического кризиса активно развивали свою политическую философию и разработали модель, представляющую собой альтернативу радикальному принципу невмешательства государства в экономику (*laissez-faire*). Целью для них была ни в коем случае не капиталистическая анархия, а гуманный, нравственный и социально взвешенный порядок для экономики и общества. Этот момент необходимо подчеркивать снова и снова, несмотря на незначительные шансы на успех позитивной переоценки термина «неолиберализм». Эта идея заслуживает того, чтобы прочнее укорениться в представлениях общества. Тот, кто знает, как возник неолиберализм, какими аргументами он подкрепляется и чего он достиг, автоматически получит верное представление о нем, полностью противоположное искаженной картине, рисуемой популистами. Тот, кто знает, в чем в действительности состоит концепция неолиберализма, никогда не будет рассматривать его как «мантру, своего рода религию», по выражению Джозефа Стиглица, одного из лауреатов Нобелевской премии 2001 года. Если мы, конечно, не собираемся возвести политическую философию, которая ставит во главу угла свободу, в ранг религии.

Неолибералы ни в коем случае не обожествляли свободу. Да это и просто невозможно, поскольку свобода — не Бог. Обожествляя свободу, мы все переворачиваем с ног на голову. Ведь свобода — это дар, полученный людьми от Бога, и этот дар необходимо хранить. Иными словами, на основе гуманистической системы ценностей, развившейся в рамках традиции иудаизма и христианства, неолибералы считали и считают себя обязанны-

ми вносить свой вклад в создание и развитие гуманного общественного устройства — и это касается всех сфер жизни, в том числе экономики, но не только ее. Экономист Вильгельм Рёпке сформулировал это очень точно: *«Мерило экономики — человек, а мерило человека — отношения с Богом»*. Бог остается Богом, а человек — человеком. Поскольку Господь создал человека свободным, свобода — неотъемлемая часть человеческого состояния (*Conditio humana*); необходимо жить свободой, защищать ее и противодействовать тому, чтобы человек когда-нибудь превратился лишь в средство, будь то для другого человека или для коллектива. Неолиберализм, разумеется, не религия, но основан он на классической религиозной почве, что видно по тому, что большая часть первых неолибералов были глубоко верующими христианами. Это доказывают и опасности, которым готовы были подвернуться представители Фрайбургской школы, размышляя о новом порядке общественного устройства во времена Третьего рейха.

Враждебность, с которой неолиберализм еще сейчас сталкивается вследствие переоценки самого этого термина в семидесятые годы, с содержательной точки зрения связана с тем, что он ошибочно расценивается как доктрина экономизации всех сфер жизни и исключения государства. Однако это неверно. Во-первых, неолибералы никогда не выступали за экономизацию. Они в большинстве своем даже не были экономистами. Характерным для них было то, что их идеи уходят корнями в целостную философскую парадигму — либерализм. Эта концепция касается всех сфер жизни человека. И поэтому неолиберализм не направлен лишь на экономическую эффективность, напротив. Мартин Линднер, председатель фракции СвДП в Палате депутатов Берлина, однажды сформулировал это так: *«Тот, кто борется в Германии за справедливое распределение по результатам труда, за “благосостояние для всех” и, таким образом, за более прочный социальный мир, может с гордостью называть себя неолибералом»*.

Во-вторых, неолибералы ни в коем случае не враги государства. Для них важно лишь, чтобы перед государством ставились лишь те задачи, с которыми оно может справиться. Оно должно устанавливать правила, но

не брать на себя оперативное управление. В неолиберализме, правда, есть анархо-капиталистическое течение «либертарианцев», сторонники которого действительно предпочли бы жить в мире без государств, без коллективов с обязательным членством и без правительств, в мире, в котором все общественные вопросы решаются путем спонтанных и индивидуальных договоренностей между индивидуумами, которых эти вопросы касаются, в мире, где право и судебная система, обязанные обеспечить свободу заключения договоров, представляют собой спонтанно создаваемые частные институты. Однако это утопия, интеллектуальный эксперимент, не более того. В реальности эксперименты такого рода провалились бы из-за непомерно высоких транзакционных издержек, то есть издержек, не представляющих собой предмета транзакции, а возникающих в связи с ней, для того чтобы обеспечить ее проведение. При наличии государства таких трудностей не возникает. Для либертарианцев было бы слишком большой честью, если бы их рассматривали как полномочных представителей всего неолиберализма.

Удастся ли спасти понятие «неолиберализм» от переоценки его врагами, вновь очистить его и вернуть ему первоначальное значение или нет, — в любом случае важно вновь открыть для себя основополагающую идею неолиберализма. За фасадом германской модели социального рыночного хозяйства, немного износившейся, с течением лет несколько деформировавшейся в результате политических интриг и махинаций, скрывается концепция порядка конкуренции, на которой и стоит социальное рыночное хозяйство. К этой концепции необходимо обратиться вновь, вернув ей былой глянец, чтобы она могла засиять во всем своем великолепии. Только тогда она сможет служить интеллектуальной путеводной звездой для общества.

Каталог принципов политики порядка, унаследованный нами от Вальтера Ойкена, логически точен и благодаря его универсальности легко применим к сегодняшним условиям. Для экономики основная идея состоит в следующем: политика должна обеспечить такую открытость и гибкость рынков, чтобы мог действовать ценовой механизм. Для сегодняшних политиков это означает,

что нельзя препятствовать идущим сегодня структурным преобразованиям. Необходимые инвестиции должны осуществляться. Экономика в целом должна сохранять эффективность. Государству нужно иметь значительные финансовые ресурсы, чтобы граждане не были раздавлены бременем налоговой нагрузки в будущем, когда число людей, работающих и платящих налоги, сократится. И по той же причине необходима реформа социальной сферы, направленная на бóльшую индивидуальную ответственность граждан и развитие частных механизмов социального обеспечения.

Сохранять и оберегать социальное рыночное хозяйство, развивая его сообразно задачам современности, — это общая задача. Для ее решения нужны все силы общества: политика, предприниматели, отдельные граждане. Потому мой личный призыв звучит так: давайте сохраним нашу — неолиберальную — экономическую систему. Давайте бережно обойдемся с наследием, созданным в Германии в «час ноль». Давайте следить за взвешенным соотношением между эффективностью рынка и социальной ответственностью, чтобы одно усиливало, а не ослабляло другое. Давайте стремиться к тому, чтобы социальное рыночное хозяйство не лишалось своего содержания. Давайте выступать в поддержку действенности его структурных принципов во всем мире. И давайте для этого как граждане не будем забывать об убеждении Людвиг Эрхарда, который считал, что основная задача политики состоит в том, чтобы человек сам мог определять свою жизнь и что уважение к человеку предполагает освобождение его от всякой опеки. Кредо Эрхарда звучало так: *«Я хочу использовать свои силы и показать, на что я способен, я хочу сам нести риски в этой жизни, я хочу сам быть ответственным за свою судьбу. Государство, позаботься о том, чтобы я имел такую возможность»*.

Список литературы

- BONHOEFFER-KREIS (1979): In der Stunde Null, Die Denkschrift des Freiburger Bonhoeffer-Krieses, Tübingen.
- BUCHANAN, JAMES M. (1979): What Should Economists Do?, Indianapolis.
- BUCKEN, WALTER (1932): Staatliche Strukturwandlungen und die Krisis des Kapitalismus. Weltwirtschaftliches Archiv 36, S. 297–321.
- (1952): Grundsätze der Wirtschaftspolitik, herausgegeben von Edith Bucken und K. Paul Hensel, Bern/Tübingen.
- Compte-rendu des séances du Colloque Walter Lippmann. 26–30 août 1938. Paris 1939 (Travaux du Centre International d'Études pour la Rénovation du Libéralisme. Cahier No. 1).
- ERHARD, LUDWIG (1957): Wohlstand für alle, Düsseldorf.
- GENTINETTA, KATJA u. HORN, KAREN (Hrsg.) (2009): Abschied von der Gerechtigkeit, Zürich und Frankfurt.
- GOLDSCHMIDT, NILS u. WOHLGEMUTH, MICHAEL (2008): Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik, Tübingen.
- HAYEK, FRIEDRICH AUGUST von (1944/1971): Der Weg zur Knechtschaft, München.
- (1960/1991): Die Verfassung der Freiheit, Tübingen.
- (1975): Die Anmaßung von Wissen. In *Ordo* 26, S. 12–21.
- (1976/1996): Der Atavismus „sozialer Gerechtigkeit“. In ders. (1996): Die Anmaßung von Wissen. Neue Freiburger Studien, Tübingen, S. 181–192.
- (1988/1996): Die verhängnisvolle Anmaßung: Die Irrtümer des Sozialismus, Tübingen.

- HORN, KAREN ILSE (1996): *Moral und Wirtschaft*, Tübingen.
——— (2004): *Die liberale Demokratie*, Thun.
——— (2009): *Roads to Wisdom*, Cheltenham.
- KEYNES, JOHN MAYNARD (1936): *The General Theory of Employment, Money and Interest*, London.
- LIPPMANN, WALTER (1937/1965): *The Good Society*, New York.
- MÜLLER-ARMACK, ALFRED (1948/1974): *Vorschläge zur Verwirklichung der Sozialen Marktwirtschaft*, in: *Genealogie der Sozialen Marktwirtschaft, Frühschriften und weiterführende Konzepte*, Bern/Stuttgart, S. 90–109.
- NELL-BREUNING, OSWALD von (1990): *ßaugesetze der Gesellschaft. Solidarität und Subsidiarität*, Freiburg.
- PLICKERT, PHILIP (2008): *Wandlungen des Neoliberalismus*, Stuttgart.
- RÖPKE, WILHELM (1944): *Civitas Humana*, Erlenbach-Zürich.
——— (1958/1961): *Jenseits von Angebot und Nachfrage*, Erlenbach-Zürich.
- RÜSTOW, ALEXANDER (1932): *Freie Wirtschaft – freier Staat. Die staatspolitischen Voraussetzungen des wirtschaftlichen Liberalismus*. In derselbe: *Rede und Antwort*, Ludwigsburg.
- SMITH, ADAM (1759/1982): *The Theory of Moral Sentiments*, Indianapolis.
——— (1776/1981): *The Wealth of Nations*, Indianapolis.
- SOWELL, THOMAS (2009): *The Housing Boom and Bust*, New York.

Указатель терминов

Безопасность 29, 110

Внешние эффекты 92, 93, 95, 97

Глобализация 168–170, 172, 174, 175, 177, 182

Государство, сильное 32, 112

Группы интересов 157, 158

Денежная система 70

Деньги 14, 70–72, 75, 77, 135, 155, 158

Дефляция 72

Закон против ограничений конкуренции 22, 124, 126

Изменение климата 168

Индивидуальная этика 164, 167

Инфляция 69–72, 155

Капитализм 10, 12, 30, 123

Кредит 14, 71, 74, 75, 122, 147, 150, 155, 163, 172

Либерализм 9, 13, 26, 27–31, 33, 34, 41, 58, 127, 154, 187,

Меркантилизм 27, 76, 77

Минимальная заработная плата 83, 87, 100, 115, 141–143

Мировой экономический кризис 9–11, 15, 26, 27, 29–30, 33, 34, 43, 64, 70, 75, 83, 84, 112, 122, 139, 145, 147, 148, 154, 167, 177, 185, 186

Монополии 33, 35, 64, 77, 87–88, 97, 99–100

Монополии, естественные 98

Невмешательство государства (*Laissez faire*) 26–28, 33, 34, 54, 186
Неолиберализм 12–14, 16, 19, 20, 23, 24, 26, 33, 35, 46, 112, 184–188

Общее обязательство 80, 109

Общественное благо 98–99, 112

Ограничения торговли 76, 78, 169

Ордо (*Ordo*) 23, 53

Ордолиберализм 7, 12, 13, 19, 20, 26, 35, 112

Основной закон 11, 80, 128

Ответственность 13, 19, 26, 32, 38, 39, 54, 6–63, 83, 84, 98, 118, 147,
178, 189

Перераспределение 87, 89, 104

Плановое хозяйство (экономика) 23, 47, 81, 123

Политика в области заработной платы 139, 141

Политика конкуренции (конкурентная политика) 32, 79, 97

Политика порядка 42, 43, 46

Политика распределения 89, 90, 97

Политика регулирования процессов 42, 43, 147

Порядок, стихийный 46

Принуждение 39, 54

Принципы, конституирующие 60, 62, 63, 69, 75, 87

Принципы, регулирующие 60–63, 76, 87

Профсоюзы 83, 117–120, 140, 141, 143, 157, 160

Равенство шансов 110

Разделение труда 76, 78, 169, 175

Рамки порядка 35, 43, 89

Распределение доходов 89

Распределение информации 115, 134, 158

Рынок труда 114–116, 136

Сбой государства 97,

Сбой рынка 14, 130, 96, 97

Свобода 7–9, 13, 19, 21, 23, 26–29, 31, 33, 35–46, 54, 55, 58–60,
67, 75, 76, 78–80, 82–83, 91, 92, 103–105, 109, 118, 119, 121, 123,
128, 129, 133–135, 137–138, 142, 143, 147, 164, 165, 185–188

Свобода заключения договоров 63, 82, 83, 94, 147, 188

Свободная торговля 78

Собственность 7, 29, 31, 60, 63, 79–82, 95–97, 129, 173

Сокращение задолженности (долговой тормоз) 155

Солидарность 12, 13, 19, 23, 26, 107, 109, 137, 165, 180

Социализм 23, 56, 81, 167

Справедливость 13, 19, 48, 90–92, 105, 108, 111

Справедливость, социальная 26, 107, 108, 121

Стабилизационная политика 146, 147, 149

Стабильность цен 64, 67, 73, 74, 146, 149

Старение общества 168, 180–182

Субсидиарность 36, 38, 109

Субсидии 64, 68, 85, 86, 93, 95, 110

Тарифная автономия 118, 119, 138, 140–143

Участие в принятии решений 136, 137, 173

Фрайбургская школа 20, 21, 41, 43, 55, 100, 104, 121, 187

«Фрайбургские кружки» 21, 24, 25, 55, 80

«фрайбургский императив» 19, 23, 46, 53, 100, 124–125, 171, 172

Ценовой механизм 59, 62, 64, 69, 89, 92, 93, 136, 138, 144, 177

Центральный банк 50, 69, 71, 73, 74, 155

Экономическая политика 8, 60, 64, 85, 87, 88, 108, 175, 183

Экономический порядок 25, 27, 46, 47, 54, 55, 165

Этика порядка 164, 166, 167

Эффективность 12, 48, 49, 54, 65, 74, 89, 95, 104, 133, 150, 156, 159,
162, 164, 168, 169, 173, 182, 187, 189

Список иллюстраций

- Рисунок 1. **«Конституирующие и регулирующие принципы конкурентного порядка»**
Источник: Schüller A., Krüsselberg H.-G. (Hg.). Grundbegriffe zur Ordnungstheorie und Politischen Ökonomik. Marburg, 1991.
На русском языке см.: Анализ экономических систем: основные понятия теории хозяйственного порядка и политической экономики / Под общ. ред. А. Шюллера и Х.-Г. Крюссельберга; пер. с нем. М., 2006.
Составлено Романовой Е.В. 64
- Рисунок 2. **Половозрастная структура населения Германии**
Источник: Федеральная статистическая служба Германии (Destatis). Составлено Романовой Е.В. 184

Об авторе

Карен Хорн родилась в 1966 году, доктор экономики, публицист; преподает историю экономических учений в Свободном университете Берлина, Университете Виттен/Хердеке, Университете Зигена и Университете Эрфурта. С 2011 по 2015 г. занимала пост председателя Общества Фридриха А. фон Хайека. Ранее работала редактором отдела экономики газеты «Франкфуртер альгемайне», в столичном офисе Кёльнского института немецкой экономики и в некоммерческой организации «Ценность свободы» («Wert der Freiheit gGmbH»). Некоторые предыдущие публикации: «Мораль и экономика» (1997), «Голос экономистов» (2012) и «Хайек для каждого. Силы спонтанного порядка» (2-е изд., 2014).

Сведения об участниках подготовки данного издания

Кроуфорд, Клаудиа, руководитель Фонда Конрада Аденауэра в Российской Федерации (с 2013 г.), возглавляла представительства Фонда Конрада Аденауэра в Лондоне (с 2010 по 2013 г.) и Белграде (с 2005 по 2010 г.), Федеральный министр по вопросам семьи, пенсионеров, женщин и молодежи (1994 по 1998 г.), член Германского бундестага (1990 по 2005 г.), получила специальность «Средства автоматизации и кибернетика» в Техническом Университете г. Ильменау (Тюрингия).

Невский Сергей Игоревич, кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (с 2006 г.). Ранее — преподаватель кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (с 2002 по 2006 г.). Член Новой экономической ассоциации (Москва), Рабочей группы российских историков-германистов (Москва) и Института им. Вильгельма Рёпке (Эрфурт, Германия).

Романова Екатерина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (с 2009 г.), научный сотрудник Центра германских исследований Института Европы РАН (с 2007 г.), сотрудник Фонда Конрада Аденауэра в РФ (с 2013 по 2017 г.).

Кузавлев Валерий Евгеньевич, дипломированный переводчик немецкого языка, член Национальной лиги переводчиков, Москва.

Фирстов Михаил Сергеевич, дипломированный переводчик немецкого языка, старший преподаватель кафедры перевода немецкого языка переводческого факультета МГЛУ.

Хорн, Карен Ильзе

X79 **Социальное рыночное хозяйство. Все, что вам нужно знать о неолиберализме /** Пер. с нем. под науч. ред. С.И. Невского, Е.В. Романовой; Предисл. Клаудиа Кроуфорд / Фонд Конрада Аденауэра в России. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. — 200 с.

ISBN 978-5-7777-0693-5

Книга немецкого экономиста и публициста К.И. Хорн посвящена возникновению и развитию концепции социального рыночного хозяйства. Автор рассматривает основные этапы становления концепции и комментирует важнейшие принципы концепции неолиберализма и конкурентного порядка. В книге излагаются ключевые идеи классиков экономической мысли: В. Ойкена, Ф. Бёма, И. Канта, Ф. фон Хайека, А. Смита, Д. Рикардо, Р. Кобдена, Р. Коуза, А. Мюллер-Армака, Л. Эрхарда и других. Издание снабжено указателем терминов.

Книга предназначена для студентов, преподавателей, экспертного и научно-го сообщества, а также всех читателей, интересующихся проблемами создания эффективной социальной рыночной экономики.

УДК 330.342.146
ББК 65.01 (4Гем)

Карен Ильзе Хорн

**Социальное рыночное хозяйство.
Все, что вам нужно знать о неолиберализме**

Младший редактор: *М.Р. Завьялова*

Корректор: *Н.П. Морозова*

Художник: *Е.А. Ильин*

Верстка: *С.А. Голодко*

Подписано в печать 16.10.2017 г.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 12653

ООО Издательство «Весь Мир». Юридический адрес:
127214, г. Москва, ул. С.Ковалевской, д. 1, стр. 52.
Тел./факс: 8 (495) 632-47-04
E-mail: info@vesmirbooks.ru <http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1, Тел.: (495) 230-20-52

ISBN 978-5-7777-0693-5

Konrad
Adenauer
Stiftung

www.vesmirbooks.ru